

1-ый всероссийский
литературный журнал

Тюменская область

№1

2019

ЛИФФТ • ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

№1

B. Tonn E

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИФФТ

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Мargarита
Аль

Екатерина
Володина

Главный редактор: **Мargarита Аль**
Региональный редактор по Тюменской области: **Екатерина Володина**
Ответственный секретарь: **Ирина Дмитриенко**
Связь с регионами: **Марина Александрова**
Связь с общественностью: **Анвар Альмухаметов**

Макет: **Виктор Гоппе**
Компьютерная вёрстка: **Дмитрий Филатов**

Журнал ЛиФФТ Тюменской области –
приложение Первого Всероссийского лит журнала ЛиФФТ

Адрес редакции:
115487, Москва, пр-кт Андропова, 31/59
+7(926)524 56 62,
e-mail: info@liff.ru

Тюменская область
тел.: +7 (982) 968 38 72,
e-mail: liff-Tyumen2019@yandex.ru

Учредитель: ООО ДООС
При поддержке Фонда содействия развитию культурных проектов ЛиФФТ
Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами.
В журнале могут быть использованы материалы и фото, находящиеся
в свободном доступе в интернете.

Печать ГАУК ТОНБ
625000, Российская Федерация,
Тюменская область, г. Тюмень, ул. Орджоникидзе, 59
Телефон 8(3452) 565-300, доп. 1192, 4123

978-5-6042198-5-0

ISBN 978-5-6042198-5-0

9 785604 219850

УДК 82
ББК 95

© Редакция журнала «Первый Всероссийский
литературный журнал ЛиФФТ»
© Редакция регионального журнала
«ЛиФФТ» Тюменской области

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Главный редактор Маргарита Аль	4
Региональный редактор Екатерина Володина	5

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Тюмень	6
Тюменский район	28
Омутинский район	38
Армизонский район	42
Ишимский район	46
Заводоуковский район	54
Казанский район	64
Ханты-Мансийский автономный округ	78
Ямало-Ненецкий автономный округ	104

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

128

КРАЕВЕДЕНИЕ

«Окрик памяти»	134
----------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Царственная особа в соболях (к 90-летию Маргариты Анисимковой)	146
--	-----

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА ЛИФТ

Казахстан	156
Молдавия	172
Австралия	178

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

184

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

190

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР МАРГАРИТА АЛЬ

Дорогие друзья! Поздравляю вас с выпуском журнала ЛиФФт.

Третий номер журнала – это уже утвердительная форма восприятия необходимости издания региональных литературных журналов ЛиФФт, охватывающих самые глубинные районы нашей страны. Проект, спланированный на двадцать лет вперёд, оправдал смелость организаторов.

Ещё раз напомним всем нам о принципах литературного проекта ЛиФФт, это открытость, доступность и толерантность. Именно эти принципы были заложены на первом Съезде региональных редакторов журнала ЛиФФт. И таких Съездов прошло уже шесть, два раза в год мы встречаемся и принимаем решения по работе редакционных советов на 6 месяцев, где мы учитываем все пожелания редакторов и авторов журнала ЛиФФт.

Следующий этап развития проекта – это литературная учёба. Сегодня эту функцию на себя взяла рубрика журнала «Школа литературного мастерства» и Всероссийский литературный фестиваль фестивалей ЛиФФт, в рамках которого проходят мастер-классы, круглые столы, дискуссии и творческие встречи с заслуженными писателями современности. Завтра – это ежегодные региональные литературные фестивали-форумы ЛиФФт. И такая практика уже есть в Рязанской и Калужской областях.

В Тюмени этим летом пройдёт IV Всероссийский литературный фестиваль фестивалей ЛиФФт, пройдёт под эгидой года языков коренных народов, а это значит, что мы уделим внимание переводам. Гостями и спикерами фестиваля приглашены ректор Литературного института им. А.М. Горького Дмитренко Сергей Фёдорович и профессор Литературного института Модестов Валерий Сергеевич.

Мастер-классы по прозе в разных жанрах, поэзии – классической и современной, по детской литературе проведут лучшие российские поэты и прозаики.

Из 85 регионов РФ приедут писатели и читатели. И это уже традиция. Крым-Москва-Сочи-Тюмень! По красной дорожке на торжественную церемонию награждения Лауреата (золотая медаль) и Дипломантов (серебряные медали) конкурса фестиваля, пройдут победители предыдущих фестивалей, почётные гости, спикеры, члены жюри и участники фестиваля.

Дорогие друзья, как сказал Николай Меркамалович Шамсутдинов, Лауреат III Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт-2018 в г. Сочи: «Все флаги будут в гости – к нам!»

Проведение литературного фестиваля поддержало Правительство Тюменской области, предоставив самые лучшие залы города Тюмени.

РЕДАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛА «ЛИФФТ» ПО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА:

Дорогие друзья!

Авторы и читатели литературного журнала «ЛиФФТ»!

Перед вами новый номер регионального литературного журнала «ЛиФФТ». Совсем скоро все ЛиФФТийцы соберутся на всероссийском Фестивале «ЛиФФТ» в Тюмени. С каждым годом география фестиваля расширяется, а число участников растет. Неизменной остается главная миссия Фестиваля - открытие литературных шедевров из разных регионов России, от столицы до отдаленных городов и небольших поселений нашей великой страны. В этот раз события всероссийской программы Фестиваля «ЛиФФТ» пройдут с 26 по 30 июля в Тюмени. Традиционно Фестиваль – это не только выступления писателей, но и мастер-классы, образовательные программы, мероприятия для детей и юношества. Из года в год Фестиваль способствует появлению новых имен и раскрытию талантов, привлекает в литературную среду будущих авторов.

Уникальный культурно-просветительский проект «ЛиФФТ» Маргариты Аль открывает богатый творческий потенциал Сибири всему миру, расширит наши горизонты сотрудничества с мастерами искусств разных стран.

Мы гордимся тем, что Тюменская область – родина великих писателей: Петра Ершова, Константина Лагунова, Ивана Ермакова, Зота Тоболкина. Сибирь по-прежнему богата одарёнными людьми, и мы готовы знакомить весь мир с современными талантливыми литераторами нашего края. За четыре года фестиваль не только встретил новых друзей, но и расширил свои границы и возможности! А если сказать точнее, показал всему миру, что литература вообще не имеет границ.

Держайте, пишите! «ЛиФФТ» ждет Вас!

До встречи на IV Всероссийском Литературном Фестивале «ЛиФФТ»!!!

С 18 февраля по 01 июля 2019 года оргкомитетом фестиваля был объявлен конкурс.

Публикация в журнале ЛиФФТ, может быть основанием для участия в конкурсе; также авторы журнала могут подать на конкурс новые произведения (ссылка на подачу заявки: <https://liff-competition.ticketforevent.com/ru/>), дополнительная информация на сайте liff.ru и по email: liff-competition@yandex.ru

Каждому участнику конкурса фестиваля будет отправлено приглашение на фестиваль с условиями участия

Тюмень

Артур
Томский

Сергей
Шешуков

Вера
Кузнецова

Виталий
Огородников

Тюмень – административный центр Тюменской области, первый русский город в Сибири. Основан в 1586 году. Несмотря на удаленность от центра, город активно развивает промышленность и инфраструктуру, является привлекательным для проживания, и для вложения инвестиций. Занимает 18 место среди городов России по численности населения.

Тюмень – нефтегазовая столица Сибири, но, в отличие от многих индустриальных городов, это также культурный и исторический центр, привлекательный для туристов. Своим появлением город обязан покорителю Сибири Ермаку, который четыреста лет назад освободил эти места от ставленников Орды. До этого в течение трех веков здесь располагалась столица Тюменского ханства Чинги-Тура. Об основании города рассказывают летописцы: «Лета 7093 (по новому летоисчислению – 1586 год) посланы воеводы с Москвы Василие Борисов Сукин, да Иван Мясной, да письменной голова Данило Чулков с тремя сты человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день». Город заложили в хорошо укрепленном месте, на мысу, защищенном оврагами и двумя реками с обрывистыми берегами, и не напрасно: в начале своей истории Тюмень несколько раз атаковали армии кочевников. Первые следы пребывания человека на территории современной Тюмени обнаруживаются на берегах Андреевского озера (козловская и кошкинская археологические культуры эпохи неолита) и на левом берегу Туры (саргатская культура раннего железного века). Современную Тюмень называют городом контрастов, причём в самом лучшем смысле. Газовые и нефтяные скважины гармонично соседствуют с экологически чистыми термальными источниками природного происхождения, располагающимися недалеко от черты города. Активный отдых и оздоровление легко совмещаются с экскурсиями по городу, во время которых вашему взору предстанут старинные купеческие особняки, имеющие статус памятников архитектуры, златоглавые церкви, великолепные парковые зоны и набережная Тюмени – единственная в России имеющая четыре уровня и одна из самых красивых в нашей стране. В последнее воскресенье июля тюменцы отмечают День города.

АРТУР ТОМСКИЙ

А.Р.

Оторвавшись от борта еще один день мой ушел по доске
Отзовется ли в ком-то ли в чем-то его пастораль
Я застыл будто в капле янтарной в безумном броске
За которым прогнивших сомнений ни грамма не жаль

Разрываются венты и голос нелепый хрипит
Соль как иней покрыла с избытком мои паруса
Но вонзается в небо иголкой хрупкий бушприт
Чтобы именно там мой Господь свой рассвет прописал...

ЖЕЛАНИЕ

Очень хочется утром промозглым
Забежать ненароком в аптеку
У кудесника в белом халате
Прикупить на все деньги свободы

В порошках или каплях не важно
Можно даже в таблетках округлых
И на вкус и на цвет – параллельно
Попадется какая свобода

Не затем что ее не хватает
Не затем что я сам несвободен
Мне совсем наплевать на свободу
Просто хочется очень в аптеку

В ОДИН ИЗ ПУСТЫХ ВЕЧЕРОВ

В один из пустых вечеров
Ты расскажешь мне небыль
О том, что весна не придет,
Что не стоит и ждать,

О том, что на дырчатый купол
Лохматого неба
Наложена кем-то
Безумства тугая печать,
О том, что пытаться быть лучше
Пустая затея,
Удача потрачена,
Много набрали займы,
О том, что я часто не знаю
Ни кто я, ни где я,
О том, что давненько уже
Нет понятия мы,
Быть вместе и порознь
Не альтернатива разлуке,
И не откровенность –
Противная хмарь мишуры...
И будут едва ли заметно
Дрожать твои руки
От очень хорошей,
Глубокой
Актерской игры

ПУТЬ НА ВОСТОК

По дороге в проклятый Иерусалим	В бездну
Не кланялись белым	Однажды изведает счастье
Не кланялись красным	Вот так же и наш
Не считали лет	Продолжается путь
Не встречали зим	Струящимся ядом по вздыбленным венам
И даже путь свой считали напрасным	Условием роли

Ветер	Придется рискнуть
Давно потерявший прыть	Кровавым убийцей
Лениво игрался поблекшим штандартом	Калекою
Тянуло выпить	Пленным
Но более выть	Не важно
И не называться ни Люком ни Дартом	Лишь намертво зубы сцепив

Тянуло в оазис	Все так же далече от дома и рая
Зарыться в покой	Мы видим как ветер
И жить	Сорвавшись с цепи
Просто жить там без бед и болезней	Следы наши с легкостью замечает
Покуда кривая старуха с клюкой	
Нам не доказала что все бесполезно	

БЫТЬ ВДВОЕМ

Покуда незримые вехи пути	Проклятая необходимость быть вдвоем,
Нам не рассказали что будет в финале	Делить вдвоем
Пока в ненасытной надежде найти	Закрытое пространство,
Погибель	В нем создавая царство
Души своей не отыскали	Или ханство
	И царствовать по очереди в нем.

Но полноте полно	Проклятый долг неистово любить,
Вон там на холме	Забыв себя, стихи, друзей, знакомых,
Уже сыновья ждут Юсуф ибн Айюба	Не думать, жить в своих законах,
Мы преданы будем всеобщей молве	Быть вместе, чтобы вместе быть.
А может и звездами станем	
Ютьюба	

Мы будем брататься	Делить вдвоем зашторенный объем,
Огнем и мечом	Уже во всем известного мирка,
Метаться метать разрываться на части	Прекрасно зная то, что лишь пока
Ведь даже и тот кто мечтою влеком	Мы царствуем по очереди в нем.

А дальше...
Видно будет, подождем...
Быть вместе, понимая, что сгораем
Или расстаться,
Называя раем
Проклятую необходимость быть вдвоем.

ВЕСЕННЕЕ, С УСТАТКУ

Так устали зимой, что весне ни на йоту не рады,
Этот дождь по щекам как насмешка о божьей росе,
Тем, кто не был в бою, раздают потихоньку награды,
Остальным лишь упреки, о том, что вернулись не все

Так устали от сна, тени страхом царапают веки,
Нам понятен финал, но совсем непонятны пути,
Снова будто весна, снова кажется будто навеки,
Только к ней меж сугробов не близко придется идти

Так устали молчать, рвать рубахи смирительной ворот,
Говорят не война, но и мира давно уже нет,
От ворот поворот ста тропинками бездны расколот
И на всех блокпосты ожидают нас даже во сне

Так устали жалеть себя сырых, убогих, покорных,
Клянчить манну с небес без конца, то ли в долг, то ли в дар,
Вроде держим удар и стремимся отчаянно к норме,
Только темень в глазах порождает великий пожар

Так устали зимой, что весне ни на йоту не рады,
Этот дождь по щекам как насмешка о божьей росе,
Шире дыры в лаптях от таких бесконечных парадов
И все ярче цветы на нейтральной цветут полосе

СЕРГЕЙ ШЕШУКОВ

ЛИСТВЕННИЦА

Лицу в деревне украшая,
 Рядом с домом, прямо под окном,
 Лиственница выросла большая,
 Хвоей покрываясь лишь с теплом,
 Землю обогревших, дней весенних,
 Разом обновляя свой наряд.
 В окна прикрывая поле зрения,
 Ветви с новой зеленью висят.
 Время подошло хозяйке дома,
 Ветхое жильё всё подправлять.
 Крышу поменять, уже от грома,
 Стали там стропила проседать.
 Лиственница высится над нею,
 Ветви на конёк свои кладёт.
 Дождь ли моросит, иль снегом сеет,
 Книзу их, тяжёлые, всё гнёт.
 Жалко раскрасавицу хозяйке:
 Спилят это дерево - и что?
 Слово если молвить без утайки,
 Лиственнице, эдак, лет за сто.
 Хоть сама прабабушкой стала,
 Дерево всё помнится таким.
 Мужа молодого целовала,
 Сидя на скамеечке под ним.
 Нет его в живых, болел сердечный,
 Выкатилась горькая слеза.
 Как всё промелькнуло скоротечно,
 А была - девчушка-егоза.
 Лиственницу, всё-таки, спилили,
 Тихая, покорная легла.
 Что им, мужикам, они свалили,
 Только сожалело полсела.

АВГУСТ

Август. Воздух свежий, чистый,
 Громоздятся облака.
 Не видать полётов быстрых
 В небе ласточек пока.

А, быть может, улетели,
 За отсутствием тепла.
 Поднебесья опустели,
 Уж и астра расцвела.

Не задерживаясь, лето
 Край покинуть наш спешит.
 Время птичьего отлёта,
 Приближая, ворожит.

Пусть не щедрое на ласки,
 При обилии дождей,
 Всё ж, оно дарило краски
 Выпадавших, редких дней,

Полных тем очаровньем,
 Восхищающим в сто крат,
 Что томилось ожиданьем,
 И, конечно, день был свят.

Календарно продолжаясь,
 Ждём с надеждою в душе -
 Будут дни, другим на зависть,
 Летом, в августе уже.

ГЛУХАРИ

Глухари неторопливо
Колеёй лесною бродят.

Полный выводок, на диво,
Ищут ягод спелых гроздьа,

У обочины заросшей,
Где мелькают светотени,

Где пятнает солнце, множит
Придорожные растения.

Птицы вымахали в росте,
Уж птенцы неотличимы.

Важно шествуют, как в гости,
На подножный корм любимый.

Вызреть спешит брусника,
Август росами торопит,

И лесные травы никнут.
Сводят к ягодникам тропы,

Глухариное семейство:
Копалухи, пёстро-серы,

И самцы - в строю гвардейцы,
Краснобровы офицеры.

Дни, похожие на осень,
Возраст им определяют,

И светлеет неба просинь,
Призывая птичьи стаи...

ПРИЗРАЧНОСТЬ

*Призрачно всё в этом мире бушующем.
Есть только миг - за него и держись.*

Леонид Дербенёв

В мире бушующем призрачны тени
Старых погостов, слепых деревень,
Ставших ненужными миру селений,
Где тишину лишь кузнечиков звень,

В травах разгульных ещё нарушает.
Ветви повисшие белых берёз
Воздух движением лёгким ласкает.
Малый проулочек кустами порос.

Жизнь между прошлым
и будущим бьётся,
Каждый очерченный временем миг
Полон страстей и потоком эмоций,
Значим и, может быть, даже велик.

То в мегаполисах - периферия
В прошлом осталась,
накрылась былъём.
Призрачна будущность, земли пустые,
Песенным мигом коротким живём...

БЕРА КУЗНЕЦОВА

АНГЕЛ

Он так старался, маленький художник,
И нежностью раскрасил облака,
Но торопилась легкая рука
Закончить до начала звездопада,
Ведь впереди его ждала награда:
Влюбленных благодарные глаза,
И трепет сердца, и в ночи звезда!

СВИДАНИЕ

На розовом закате
Волнующего дня
Мы долго обнимались,
Ты целовал меня.

Найдя приют и ласку
На гребне облаков
Мы долго хохотали
От счастья «дураков»!

И опустилось небо,
И поднялась Земля,
Качая в колыбели
Тебя лишь и меня.

От ясного сиянья
Твоих счастливых глаз
И от ударов сердца,
Что билось напоказ,

Хотелось улыбаться,
Умчаться в облака,
Где хоровод снежинок
Кружился в «де труа»!

УРОКИ ЛЮБВИ

Любовь, она какая?
- Красивая и озорная!
Любовь, она какая?
- Счастливая и молодая!
Любовь, она какая?
- Звездная и земная!
Любовь, она какая?
- Серебряная и золотая!
Любовь, она какая?..

МГНОВЕНЬЯ СЧАСТЬЯ

Играла музыка любви.
Щека к щеке стояли двое.
И уходило в бесконечность
Сиянье неба голубое.

И трепетно шептали губы
Бессвязные слова любви:
«Спасибо, небо, за подарок,
Что мы друг друга обрели!»

* * *

Люблю поэтов-фантазёров!
В морозной дымке февраля
Им грезятся весны просторы
И обновлённая земля,

Где запах ландыша нестойкий,
Журчанье первого ручья,
И свист скворца весенне-звонкий
В оправе трелей соловья.

МАМА

*Моей маме, Полине Акимовне
Киприной – Кузнецовой, посвящается...*

Моя мама любила цветы:
Фиалки, незабудки, васильки.
Они подходили к ее глазам
Серо – голубым, как небеса.

Моя мама любила нас,
Своих дорогих девчонок,
А ещё она любила
Нашего отца, преданно,
Всем сердцем, без прикрас.

Но она ушла рано
В серо-голубые небеса,
Потому что ее душа
Не хотела мириться.

– С чем?
– Я не знаю.
Но я о маме скучаю
И по сегодняшний день.

Мне так ее не хватает,
Потому что только она
Любила и понимала меня.
Милая моя голубка!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Были чистыми дожди,
И облака белее снега,
Ведь состояние любви
Важней всего для человека.

Журчали мутные ручьи,
С весенним паводком сливаясь,
И в роще пели соловьи,
Любовной трелью заливаясь.

Как хорошо шагать вдвоем
И крепко за руки держаться,
Своей любовью упиваться,
Молчать и думать ни о чем.

И трепет нежности в душе,
Капель весны, закатный омут.
И первый лед еще не тронут,
И суть вещей ищу в добре.

* * *

В берёзовой роще
светло и спокойно.
И солнце не светит
тепло и знойно.
В разгаре зима,
февраль на дворе.
Берёзы стоят
в голубом серебре.
Модные шубки
дарит февраль,
цветные косынки,
из снега вуаль.

* * *

Жила природа в ожидании
Тепла и солнечного света.
И северянам не хватало
Дыханья голубого лета.
Манили синие озера,
Моря, заливы, океаны.
Не прекращались разговоры
И паковались чемоданы.
Хотелось яркого рассвета,
Морской прохлады и воды,
В начале голубого лета
Сбежать от душной суеты.

* * *

Она рожала трудно, больно,
Но не кричала, не звала.
Зубами грызла одеяло
И прекращения мук ждала.

А он беспомощный, безвестный,
Зажатый тьмой со всех сторон,
В своем ночлеге одноместном
Хотел прорваться, выйти вон.

Он бился изо всех силенок,
Пихал ножонками, локтем.
И первый крик был чист и звонок,
Как синь, умытая дождем!

ВИТАЛИЙ ОГОРОДНИКОВ

ОТ ВИНТА

– Мужчина, отдохнуть не желаете? – нос к носу перед Фатеичем предстала из ничего возникшая красавица.

– Я вроде не устал, – растерянно произнёс Фатеич, пристально разглядывая собеседницу. Одета она была не по погоде. Ветер уже не шутил и прогнал из этих мест лето, а спортивную фигурку красавицы почти ничего не прикрывало.

Конечно, вам доводилось видеть короткие юбки. Так вот, юбка на ней была ещё короче, и её никак не компенсировала глубина декольте, в которое ручейком сбегала с шеи золотая цепочка, втекающая в озерцо помутневшего кулона. На оголённом плечике красавицы висела сумочка величиной с почтовый конверт, который всё надеялся нашарить в самодельном почтовом ящике её бабушка в дальней глухомани.

«Вырядилась!» – невольно подумал Фатеич. «И я-то хорош – напялил это трико».

Так стыдно ему стало за своё трико.

«Тоже вырядился» – подумал он.

«Ведь есть же одежда, ну постирал, ну не высохла, можно ж было и на себе высушить. Трико никак не младше её бабушки, ну никак не младше», – продолжал он разбирать себя «про себя». В мозгу его так и прыгала эта фраза – «Ах, трико, трико, трико» – бурлило в нём негодование. И представлял он, как это трико танцует, но танцует одно – само по себе, а где же он, Фатеич? Он тряхнул головой, чтобы прогнать ничем не обоснованные видения. «Может опять давление подскочило?» – подумал Фатеич – «Она, похоже, думает, что это трико я от старшего брата донашиваю и в скорости намерен передать младшему».

Девушка же об этом думала меньше всего – она изучала Фатеича с другой стороны:

– Ты не понял, – сразу, перейдя на «ты», вымолвила она и протянула Фатеичу одно из бумажных сердечек, вырезанное вчера вечером маникюрными ножницами.

Фатеич взял сердечко, примерил его наподобие ордена себе на грудь и клацнул стоптанными кирзачами. Девушка изобразила удивление и тут же уставилась на него в упор.

«Шут гороховый» – подумала она, – «Трудноватый попался, ну да ладно, и этого обуздаю». Она внимательно изучала его. Так смотрят картину в музее,

разглядывая каждый удар кисти живописца. Первое, на что она обратила внимание – это, конечно, глаза, а никакое ни трико. И где она раньше могла видеть эти весёлые глаза?

Фатеич тоже времени даром не терял – не в его это характере. Он этими глазами-то и продолжал прощупывать собеседницу.

«Неужели я такой усталый», – хотел сказать он, но побоялся обидеть это прелестное создание.

«Откуда она появилась? Ведь не было вокруг никого».

Фатеич перевёл взгляд на сердечко, которое до сих пор держал на своей груди. Тут ему пришлось сощуриться – уж больно мелко нацарапаны были какие-то телефоны, имена. К тому же оно изрядно было замазано помадой. Он крутил его, вертел, испробовал на вкус, запах и даже на зуб. Сердечко от этих манипуляций приобрело нетоварный вид, а к помаде добавились следы мазута и машинного масла.

«Дурачком прикидывается, ладно», – подумала она. «Не таких ломала».

– Работаешь? – почти выплюнула она вопрос, чтобы понять с кем имеет дело, а тот продолжал дурачиться и почти пропел:

– Да-а-а!

– Где-е-е? – передразнила она и его интонацию.

– На снаряде, – уже серьёзно ответил Фатеич. Она оживилась.

– Как это? На нём что, и работать можно?

– Земснаряд-то? Это машина такая плавучая. Корабль, можно сказать.

– Морячок? – со смаком выдала она.

– Флотский, – с гордостью подтвердил Фатеич. Всегда он как-то особенно произносил это своё «Флотский». Ещё бы – вся жизнь по морям-океанам. Во всех широтах побывал, экватор не раз перешагивал. Тропическим поясом подпоясанный из Полярного Круга выглядывал. «Везёт же людям», – иногда думал он про самого себя. Знал толк в морских делах, морской жизни, морских болезнях. Да, было время, а сейчас? Ох, уж эти болезни. Давно на берег списан, трудится в Гидромеханизации, на местном жаргоне: в Гидре, песок качает со дна озера.

– Кораблик, – романтически произнесла девица, и глаза её засияли, – и паруса есть?

– Нет. Дизель, но парус можно приладить, если такой каприз имеется.

Порыв ветра разметал её волосы, взгляд её потеплел, и Фатеич, заметив это, улыбнулся.

– Пошли, покажу, сама всё увидишь.

– Будь по-твоему – на корабле, так на корабле. «Мне-то нет разницы. Ещё лучше», – подумала она. «Болтает он весело, а дураком, похоже, не прикидывается – на самом деле он и есть. Добрый вроде».

И смело отчеканила:

– Пошли.

Фатеичу голос понравился. «Ишь, ты Цаца» – подумал он, а додумав, пришёл к выводу что ца-ца – это же сокращенно царица. О, как он её возвысил!

– Пешком пойдём, – решил Фатеич, – у меня работа и так сидячая.

И тут царица эта закатила глаза к небу в невесёлых размышлениях о своей «работе». Расстроили её эти размышления невероятно. «А у меня работа ходячая, стоячая или лежачая...?»

– За юнгу сойдёшь, тельник я найду тебе.

– Что найдёшь?

– Рубаха такая, в киношках часто показывают, видела, наверное, только как ты в этих, – и он сердечком указал на туфельки на каблуках. Идти-то придётся по пультпроводу.

Всякий раз, слыша незнакомое слово, незнакомка закатывала к небу свои глазища (Фатеичу она так больше нравилась), и он не упускал возможности все эти словечки вворачивать в свои речи. Разъяснение тут же приходилось давать:

– Это труба такая. Мы по ней на снаряд – со снаряда ходим. Ну, да я тебя и на руках донесу, – сказал Фатеич, мысленно взвесив её и вспомнив, что-то такое, отчего даже отвернулся и чуть потише добавил:

– Вижу – ты всем интересуешься. Донесу, не дрейфь.

«За кого ты меня принимаешь, морячок?» – подумала она и сделала первый шаг. Шли молча, и каждый думал о своём.

«Морячок врёт, конечно, но красиво врёт. Что-то я не видела у нас никаких кораблей и где им тут быть?»

– Да совсем недалеко, – словно услышал её мысли Фатеич.

– А большой корабль?

– Нормальный.

Сентябрь! Ну что за прелесть этот сентябрь. Под ногами шелестят опавшие листья. Какие-то ещё в воздухе кружат. Всё лето листья принадлежали деревьям, держались за них крепко-крепко и вот обрели свободу, и что? И летят, и парят, и падают под ноги. Воздух слегка морозный чист, дышится легко, воздушно, и хочется жить. Каково же было её разочарование, когда они подошли к озеру, в центре которого красовалась какая-то ржавая посуда «неправильной формы» с железной змейкой, сбегаящей на берег.

«Куда меня несёт?» – подумала она.

– Да всё правильно. Сюда идём, – прочитал её мысли Фатеич. Потом начал примеряться, как бы её ухватить, чтобы нести на руках, но тут опять она его мысли прочитала, и, быстро скинув туфельки, сказала:

– Иди первый.

На трубе, идущей с земснаряда, были когда-то трапики, а сейчас они изрядно износились и представляли из себя подгнивший, скользкий настил.

– Ремонтить потом возьмусь дорогу. Пока, что есть, то есть, – говорил Фатеич, шествуя уверенной походкой моряка.

– Не оступись, – добавил он, обернувшись, Ильин день-то давно прошёл, да и запрещено здесь купание. Штрафы огромные.

А девице становилось всё веселее и веселее – она вмиг представила себя на канате под куполом цирка. Внизу зрители смотрят на её чёрную юбочку, короче которой разве что только жизнь. Канат натянут как струна, дрожит, хочет петь, звучать, а тут кто-то ножками, хоть и милыми, по нему шастает. Она и сама-то дрожит как канат и даже говорить боится, но от этого говорить ещё больше хочется:

– Морячок, ты каждый день так на работу ходишь?

– И на работу, и с работы.

– Счастливый.

– Так точно! Есть такое дело. Ты под ноги смотри, не болтай много.

– Я немного, – почти попросила она.

– Вот это и есть пульпопровод.

На посудине их ожидал рабочий беспорядок. «Как всю эту рухлядь можно называть снарядам», думала она. Её представления о кораблях резко пошатнулись, но Фатеич был патриотом своей работы и в обиду её никогда не давал. Он сразу с трапика начал экскурсию, бережно поглаживая те узлы, о которых шла речь:

– Палуба!

– Где-то слышала.

– Кубрик.

– Что-то знакомое.

– Лебёдка.

– Не похожа, – возразила девица, – уж лебедей-то я и во сне видела, и когда маленькая была.

– А уж я-то их сколько перевидал!

– Красивые сказочные птицы!

– Есть можно, – зачем то резанул Фатеич, просто само вылетело, и она поморщилась.

Птиц на своём веку Фатеич повидал великое множество, включая обитателей Тропического Пояса, но самой красивой птицей считал нашу сороку.

– Это ж целый камертон природы, – говорил он про неё, – Все краски в ней от чёрной до белой, а главная краска та, что чернее чёрной. И такую можно углядеть, если в перо её всмотреться внимательно. Полёт у неё тоже особенный, а о голосе и говорить нечего – не в пример вашим лебедям поёт.

– Русалок, небось, тоже видал?

– Да вот как тебя.

– Какие они? – и, романтически откинув волосы по ветру, устремила взгляд к солнцу.

– Не похожа, – присматриваясь внимательнее, сказал Фатеич правду, несколько разочаровавшую её.

– Они? Все на одно лицо, – грустно продолжал он, но тут же засмеялся, – помады у них нет, из красок только вода. А ныряльщицы исключительные.

На самой обычной полусгнившей бельевой верёвке трепыхались какие-то тряпки, среди которых выделялся лишь костюм Карлсона, правда, без пропеллера. Штанища в крупную клетку. Их то и хотел Фатеич высушить на себе.

«Хорошо, хоть трико прекратило свою пляску» – только успел подумать Фатеич.

– Парус-то где, морячок?

– Есть и этот фокус.

Фатеич удалился, и что-то подозрительно долго его не было. Появился он тоже вроде бы из ничего, вернее из трюма с простынёю под мышкой, сразу не решаясь разворачивать эту свидетельницу штормов и бурь, ночных бессонниц и сладких снов. Имела она вид бледный и не отвечающий обстановке. Увидев разочарование в глазах девицы, Фатеич успокоил её:

– Можно покрасить. Краски море. Вот на юте фасон наводил, пока погода стоит. Вёдро!

Они прошли через всё судно, и он показал грубый сварной шов, щедро политый суриком.

– Снаряды ведь они как люди – любят ласку, любят краску.

Девица присела, поняв, что это долгая песня.

– У каждого свой нрав, имя. А имена-то! Только послушай: Элликот! – Американец. Ол Седик! – Японец. Бенето! – Француз. Бивер! – Голландец.

– Летучий, – вскрикнула она, соскакивая с места. Но юбка успела прилипнуть к свежей краске и затрещала. Девица удержалась, благодаря ограждению. Фатеич же как ни в чём ни бывало:

– Нет, не летучий. Смотри, ты сама не улетучься и на леерах не висни как обезьяна. Девица одёрнула слегка подкрашенную суриком юбку и к своему удивлению вовсе не обиделась на обезьяну.

– Леера-то подварю, возьмусь, как будет времечко, да только где взять-то его – время это? Бивер – голландец потому, что сделан в Голландии. Там же и Рубенс выпускают. Много на тамошней верфи кораблей...

– Русских нет что ли? – обиделась она.

– Как это нет. Вот ты на русском.

– Имя-то есть?

– А вот как тебе Лебедь!? – простонал Фатеич с оттенком грусти, зажмурив глаза.

– Всё-таки ты поэт, морячок.

– И ведь ты тоже. Глаза у тебя поэтические, в них огонёк есть.

«Правда или опять врёт»? – задумалась она

– Правда, – сказал Фатеич, пристально взглядываясь в эти знакомые, забытые глаза.

– В детстве баловалась стихами.

– Прочтёшь?

Она хмыкнула, и в этом хмыке прозвучало недовольство. Дескать, в сердечке про это не написано.

– Прочти, – нежно попросил Фатеич. Она залилась краской так, что румяна фирмы Пупа померкли на её лице, потупилась, мельком подумав: «Зачем»? И тихим голосом начала:

– Море рыдало и слёзы на берег бросало,

Словно детишек качало в волнах корабли,

Как бушевало, металось и плакало море –

Алого паруса было не видно вдали.

– Ещё есть? – утвердительно спросил Фатеич и бросил в сторону простыню, которую до сей поры держал под мышкой. Вопреки всем законам гравитации, простынь так и повисла в воздухе. Оба смотрели на неё с удивлением. Фатеич подумал, что у него опять подскочило давление, а о чём подумала она вообще неизвестно.

– Не знаю, как тебя там – имя-то не прочитал. Не вижу без биноклей, когда мелкоту всякую понапишут. В общем, смотри: в конце изменение курса требуется румба на два вправо.

– С луны упал что ли?

– Где-то так, – уклончиво ответил Фатеич.

– Товарищ лунатик...

– Цыц! Молчи, пока не забыл. Как там у тебя... бушевало, скворчало, безудержно море плачет... как безутешно плакало море и всё такое и... Алого паруса было не видно... – он выдержал вторую паузу, – с земли. Он ещё раз повторил и сделал ударение:

– С земли-и-и! Пока ты на берегу, и не увидишь его никогда. Это разве что в сказках, а вот когда ты в море, так все паруса тебе алые. Алеет парус одинокий. Помнишь, небось?

– Ха-ха, поэт. Белеет парус одинокий.

– Вот именно, с земли белеет, а с моря алеет. Лермонтов с берега картину списывал. Мишель-то поручик Тенгинского полка был, в разных полках мы служили. Ты Лермонтова любишь?

«Никак не пойму, кто тут кого клеит», подумала она.

«Крепкий ты, кажись, орешек, да только никуда не денешься с этого корабля».

– Объекты Гидры по всему шару раскиданы, – как-то шибко уж скоро свернул Фатеич поэтическую тему. – Гидра! Гидра – это сила, – и он сжал кулак, в котором бедное бумажное сердечко пискнуло, а у неё от этого слова мурашки пошевтели золотую цепочку. «Ох, бедное моё сердечко», – подумала она, – а вслух сказала:

– Гидра. У меня язык не поворачивается это словечко выговорить.

– Язык! – и тут Фатеич приподнял правую бровь, словно это была шестнадцатикилограммовая гиря.

– А всё остальное поворачивается?

«Воспитатель? С какой стати он меня воспитывать взялся?» – кипела в ней вторая натура, – «Но брови... Брови!»

– Так вот: Гидра песком занимается. Песок берёшь и водой его перемещаешь на берег. Без песка ни одной стройки нет. Дом строишь – песок, дорогу – песок, детям в песочницу тоже песок. Главное, людям пользу приносить. Вот мы и моем песок.

«Что-то он не то горюдит, как это песок можно мыть? Мыть можно пол, ой палубу, будку, ой кубрик, шкаф, ой рундук...», старалась она не забыть пополнившийся словарный запас.

– Заодно и чистим дно. Много всего на дне лежит.

«Свистит морячок», подумала она, а он махнул рукой в сторону берега и сказал:

– Вот тебе и штабель.

Там действительно возвышалась солидная песочная гора. Она ведь видела её и раньше, просто внимания не обращала, думала – гора всегда здесь и была.

– А ты где работаешь?

Она даже оскорбилась – неужели и так не ясно?

– Шла бы к нам в Гидру. Повара нормально получают.

– Бр...р...р

– А что? Нас мало, но мы в тельняшках. Кстати на-ка одень. Будешь на зебру похожа, – и изобразил загадочную улыбку.

«А! Ведь морячок-то с фантазией», оживилась она, уже теряющая надежду на обуздание этого морского волка.

– А что у тебя там за греческий якорь? – деловито поинтересовался Фатеич, взглядом устремившись в декольте, пока тельник не скрыл кулона.

«Ну, хоть в чём-то понимает этот старый осёл» – подумала девица и хотела рассказать о медальоне, закорившемся между крепких грудей. Но и тут Фатеич, расстроил её, сказав, что греческим якорем моряки называют вещи ненужные, бесполезные, никчёмные. Она сглотила слюну, а он снисходительно

улыбнулся. Тут тоже из ничего появился ветерок, и девице-царице стало не по себе. Ей никогда не нравилось, что рядом есть кто-то ещё третий, пусть это и ветер всего-то. Фатеич же свои фантазии простёр дальше ожидаемого ею:

– Знаешь, как зебру в Азии называют?

Она величественно встала, вытянув шею.

– Ишак-матрос ха-ха-ха... – заливался Фатеич, утирая слёзы рукавом.

«Га-га-га, сам ты осёл», хотела она подумать, но Фатеич ещё раньше смутился, и ему стало стыдно за последний комплимент.

«Угораздило же меня на эту лекцию клюнуть. Ещё ведь и на настоящую работushку тащиться по этой загогулине. Как же её называет этот азиат хренов?»

– Пулепровод...

– Пульпопровод, – поправил Фатеич и, убрав ухмылку, продолжал с пафосом:

– Снаряд, девочка, это – судьба.

– Допотопный снарядишко, буркнула она, не подозревая, что наталкивает морячка на новую тему для разговора.

– Допотопный? И потопа тоже разные бывают, ага, интересно? В Неве вода на одиннадцать футов поднялась выше ординара – вот тебе и потоп, беда, наводнение. Нептун знает, что делает: он со своим трезубцем не только по океанам прохаживается и в реки заглядывает. А река реке рознь. Возьмем, к примеру, Ендырь.

– Что? Что возьмём?

– Речку Ендырь.

– Где это такая смешная река?

– Сама ты смешная. Где, где, – он глубоко задумался и продолжил: – Да сотка кабельтовых будет от устья Могилёвской протоки Оби, – он говорил, словно учебник читал.

– Обь! А ведь мне говорили, что я родилась на Оби. Дедушка рассказывал, родителей-то не помню.

Она так и не дослушала, что там на Ендыре, погрузилась в воспоминания и вздохнула:

– Я маму с папой не помню. Меня дедушка воспитывал.

– Воспитал, – буркнул про себя Фатеич, и чуть погодя добавил громко и пожалел о назидательном тоне, но что делать, если уж всё сказано:

– Не дедушки нас воспитывают, а жизнь. И время, – Фатеич был настроен продолжать этот список, но наткнулся на смелый взгляд, который можно было истолковать однозначно:

«Да что ты понимаешь в жизни?» – и плюнула с таким пренебрежением, словно держала во рту медузу.

«Что, что?» – молча, говорил Фатеич, – «Да твоя бабушка уже года три-четыре как на небесах».

Между делом Фатеич запустил двигатель. Снаряд затрясся сначала, потом успокоился немного. Флажок, чёрный от копоти и дыма, сменил направление своего трепыхания.

– Сейчас теплее будет, я двигатель завёл.

– Давно уже пора.

– Морячок, а где...?

– И галюн имеется, – он прошёлся по палубе, – тут тебе корма, тут тебе галюн...

«Неужели в каждой работе столько незнакомых словечек?», – задумалась она

– Ты по-русски можешь говорить?

Фатеич копался в рубке, когда снова услышал её вопрос:

– Насчёт отдыха-то как, морячок? – спросила она, поправляя под тельником «товар».

– Некогда мне отдыхать, работы море, – и в подтверждение взял какой-то рожек в руки.

Тут что-то брякнуло в большом чёрном ящике, и Фатеич, приосанившись, отработал:

– Я – Хрусталь пять.

Несмотря на общий беспорядок, вся медь была начищена до золотого блеска.

– В колокольчик можно позвонить? – спросила она, увидев своё вытянутое личико в медной рынде.

– Рында! – прозвучал каменный голос из будки, – звони.

«Это кого так обзывает хрустальной души человек?» – подумала она, глядя на искажённое отражение в «колокольчике».

– Не колокольчик это, а рында. Ты звони, звони.

Она перевела дух и брякнула. Над гладью озера, которое безмятежно лежало под самым небом, пронёсся звук, отражённый от солнца.словно это какой-то смельчак забрался на самую солнце и перебирает его лучики, как струны арфы.

Фатеич же продолжал тараторить:

– Я – Хрусталь пять, Хрусталь две единицы, ответь Хрусталу пять.

В радиации началось какое-то оживление, что-то зашуршало, запищало, затенькало. Весь этот набор звуков вызвал у неё замысловатые ассоциации.

Ей показалось, что в этой радиации признаются друг другу в запоздалой любви парочка крыс, которая по этой причине не успела сбежать с этого «Кора» – и тут она подняла глаза к небу и закончила «бля».

– Звони, звони ещё, ты мне не мешаешь, – крикнул ей Фатеич, а в трубку продолжал:

– Я – Хрусталь пять, я – Хрусталь пять, Хрусталь две единицы, ответь Хрустально пять. Я – Хрусталь пять, Хрусталь две единицы, ответь Хрустально пять.

– «Он ещё и Хрусталь, о Боже!»

– Я – Хрусталь пять, – сказал он громко и в трубку потише добавил:

– Тут связь хреновая. До связи.

– Морячок...

– Цыц, тебе говорят. Юнга, на камбуз шагом марш.

– Так меня ещё никто не посылал.

– Да не туда. Камбуз – кухня обыкновенная.

Фатеич извинился за грубый тон и проводил юнгу на кухню. Порядка там было не больше, чем на палубе.

– Ого! Самовар. Сто лет не видела живого самовара.

– Живой самовар. Молодец, юнга. Ты стихи не бросай. Давай-ка чайку изладим – дело-то к вечеру.

И правда темнеет осенью быстро. Ветерок художничал на воде, рисовал какие-то свои пейзажи и смешивал их с отражением. В воду со снаряда свисала конструкция, словно великан забыл здесь свою двустволку. Стволы этой конструкции были в крапинку от нашествия местных чаек и холеев, которые навещали старого моряка, появляясь, словно из памяти.

– У тебя мило, морячок.

– Да многим нравится. Гидра-то засасывает. По здоровью меня на берег списали. Давление, говорят.

– Устаёшь ведь?

– Бывает. Но не могу я без воды, дочка.

«Вот поросёнок. Всё испортил, ну как теперь?» – Ругнулась она в сердцах и плюнула в воду, натолкнувшись на осуждающий взгляд Фатеича.

«Уж лучше бы на палубу», подумал он – «хоть вытереть можно, а с воды-то как сотрёшь, всем океанам теперь достанется, всем водам».

– А кто может без воды? Никто без неё не может.

– Вот и я не могу, – и он раскинул руки на все озера и даже дальше – по всем водам Мира.

– Шла бы к нам в Гидру, платят исправно. Ты же, как головастик в луже.

А она только на трико его глянула и рта не открыла.

«Заладил, то да потому со своей Гидрой, надоел. Ему только болтовня нужна. Никуда не торопится. Ну, да ладно, попробуем это».

– А баня есть? Спросила она прямо-таки по-русски.

Фатеич хотел было исправить на свой лад, вернуть что-нибудь о шлюзах, но передумал:

– Найдётся. Бродни в углу стоят. Одень.

– Он опять за своё? – и она запорошила голову:

– Ты русский человек? – она умудрилась втиснуть в эту фразу сразу два вопроса, и первый был:

– Ты русский.

А второй:

– Ты человек ли вообще?

И пока Фатеич вспоминал свою родословную, чтобы ответить, она повторила:

– Ты русский человек?

– Сапоги, говорю, одень – вода там, должно быть. Стирался сегодня.

Баня являла собой огромного диаметра ржавую бочку.

– Это? Баня! А по-каковскому?

Фатеич задумался, что бы ответить?

– Ну, есть баня по-белому, по-чёрному, а эта...? Что-то я не видела раньше бань по-коричневому.

Луч фонарика, как по наждачке, шкрябал по ржавчине, выхватывая из неё то шланги, то трубки, то швеллера и ещё другие неизвестные ни одной науке конструкции, запинаясь о них.

«Лучику наверно больно», – подумала девица. Ей стало легче, когда она придумала, что надо представить себя в музее, просто в музее, и сразу всё стало по-другому, и даже стали нравиться эти «приготовления». Продолжая ждать, где и когда, ну и что, конечно, произойдёт.

– Вот тебе и форсунки...

– Щас! Мне! Сам мойся своими форсунками.

И, глянув на себя со стороны, улыбнулась. «Вот так раздел он меня – рубаха в полоску, сапоги выше юбочки. Пусть и так, это кому как нравится. Так-то он ничего мужик».

– Ничего – пустое место, – пробормотал Фатеич, чем немало удивил собеседницу.

За чаем дотемна просидели, Фатеич включил лампочку Ильича и только в её свете увидел в её волосах бьющуюся паутинку.

«Ох, и задрогла она, должно быть, но полезно охладиться» – подумал он и лекцию, начатую ещё на берегу, продолжал:

– Вот ты говоришь пульпопровод. Она же при этом молчала: «ну пусть болтает».

– А ведь это – артерия снаряда. Через неё он с берегом связан. В нём процессы идут с точностью до миллиметра (слышал где-то). Внутри кавитация протекает.

– Морячок, сдалась мне твоя гравитация.

– Кави... тация! Заруби себе на носу, юнга, – это как кипение холодное, давление, износ стенок трубы, закон Бернулли, вижу, ты всё понимаешь.

И ведь это не все умные слова, которые он знал.

Грузная фигура мореплавателя возвышалась на фоне заката алого, как парус.

«Кипение у него холодное, песок он моет, баня у него по-коричневому, а ишаки – матросы.... Не пора ли мне дёргать отсюда?» – засуетилась она.

– С якоря сниматься, по местам стоять. Пошли!

– Ну, наконец-то, – сказала она, лениво стягивая с себя поднадоевшую тельняшку, но шлёпнулась обратно на место от громогласной команды Фатейча:

– От – ...с...с...с...та – вить! По воде ходят, вот и мы пошли. Два румба влево, полный вперёд! Весь снаряд задрожал и загудел, словно решил развалиться прямо здесь, не сходя с места.

У юнги из головы вылетели все молитвы, а всё, что она сумел сказать, это:

– Дедушка Фатей, неужели я тебя больше никогда не увижу?

А бывалый мореплаватель сосредоточил свой подслеповатый взгляд на треснутом стекле и воочию увидел, как гребной винт, которого давно не было на снаряде, начал медленно набирать обороты.

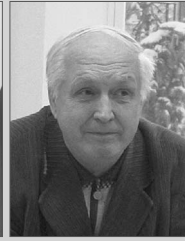
Тюменский район

Санаторий «Сибирь»

Екатерина
Володина

Захаров
Аркадий

Тюменский район – административно-территориальная единица (район) и муниципальное образование (муниципальный район) в Тюменской области России.

Административный центр – город Тюмень

Площадь района – 3,7 тысячи кв.км. По территории района протекают реки Тура – 260 километров, Пышма – 150 километров. Всего в районе 26 малых рек.

Тюменский – самый крупный муниципальный район региона. По последним данным, на его территории проживают 119 тысяч человек, по численности он уступает только Тюмени. Район – один из наиболее инвестиционно привлекательных, который год подряд он занимает в области одну из лидирующих позиций по привлечению инвестиций. На территории Тюменского района располагаются три крупных кирпичных завода, работают «Тюменьнеруд», «Пышмаавтодор», заводы Сибнефтемаш, «Стеклотех», Тюменьстальмост и другие. Самым ярким проектом последнего времени на территории Тюменского района является появление двух промышленных парков в поселках Боровский и Богандинский. Главное богатство Тюменского района – его люди. Их труд лежит в основе всех достижений.

ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх!.. Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли –
Всё подчиняется в жизни тебе светило,
Мудрые притчи и летопись страстных романов,
Всё под твоими лучами, когда то было,
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скоропись времени, снова двоятся прогнозы,
Что будет потом...со мной, с тобою?
Нам не известно, но неизбежно точно –
Чувство предчувствия, предвосхищенья весною!

Пройдет первый дождь
Пробужденной весны,
Ворча, там, где небо темнее.
И сгинут за ним блекло-зимние сны,
И день зазвучит веселее.
Я даже забуду, что рядом не ты,
Прошло лет пятнадцать – не так ли?
Пушу свой кораблик
По лужам весны,
Попав под последние капли.

Сердца стучат,
И вторят им капли,
Всю ночь твердят:
«Зимой переболели...»
Зима ушла,
И глаз, и красок гамма.
Сошла с ума
Моя кардиограмма.

ПОДСНЕЖНИК

Когда ночами в стынущем лесу,
Как светофор теплеющей погоде,
Подснежник пропускает в мир весну,
Зима, иссякнув, к полюсу уходит.

Тополиный, липкий аромат,
Прорастающей травы дыханье...
В детство босоногое, назад,
Всё зовут меня воспоминанья.
Радуга – дуга, пора дождей,
Яблонь пенных раннее цветенье.
Отрочество улицы моей,
Ты осталось сердцу в утешенье.

Сосульки с крыш заглядывают в окна...
 Звенит в сердечном клапане капель,
 И в воздухе – любовные волокна,
 И ты, родной мой, – воплощенный Лель.
 Весна! Полет твой на запеве года!
 Долой бездушный Word и Яндекс прочь!
 Вот – одухотворяемая природа,
 Мне приворот её не превозмочь.

Я еще напишу про любовь и разлуку,
 О снегах и морозах – не утаю.
 А сегодня весну узнаю я по звуку
 Пробужденья! Март, лечит душу мою.
 Свежий ветер блаженства, небесная просинь.
 Всё живое очнулось от долгого сна.
 И, взъерошив макушки всклокоченных сосен,
 Нам на встречу идет, улыбаясь, весна...

Льётся на землю небо,
 С вечера до утра.
 Дерзкая, рваная рифма
 У моего дождя.
 И не помогут перчатки,
 Дождевики, зонты.
 Просто лечу по лужам
 Туда, где когда – то был Ты.
 Иду без пальто и без шапки,
 К чёрту, кто что говорил
 Главное, что вчера ты –
 Крылья мне подарил.

Весною первозданен воздух. Мается
 Ли гений вдохновением? Во всем
 Я чувствую: сознание расширяется,
 Растет вслед солнцу
 с каждым новым днем.

Что скажут мне бессонные сомнения?
 О, человек, хочу понять, кто ты?
 Что бытие твоё в бездонном времени
 Для вечности и высшей красоты.

ЗАХАРОВ АРКАДИЙ

В КОНЦЕ ТРОПЫ

реквием моим товарищам

Однажды теплой летней ночью
Я шел лесной тропинкою к реке.
Гнал ветер по небу тугие клочья.
И громыхало где-то вдалеке.

И капал дождь. Вода шаги глушила,
Тропинка пропадала меж корней,
Дорога неизвестностью страшила
И кочками качалась меж зыбей.

Ее я чутко щупал сапогами
Стараясь в темноте не утонуть.
Но вдруг она исчезла под ногами
И я не смог во тьме нащупать путь.

Меня цепляли сучья за одежду,
Хлестал шиповник больно по щеке
Но я старался не терять надежду,
Что все же вскоре выберусь к реке.

Не знаю, что во тьме меня водило:
Звезда иль леший – кто их разберет
Но вышел я к заброшенным могилам.
Как вспомню, снова оторопь берет.

Во мраке ночи между обелисков
И черных староверческих крестов
Таилась жуть. И где-то очень близко
Меж них бродили души мертвецов.

Забилось сердце у меня, не скрою,
Когда на травянистом бугорке
Увидел я безносую с косою
В покрытой белым саваном руке.

Она меня тихонько поманила
Костлявою старушечьей рукой.
У ног ее открытая могила
Готовила мне вечный упокой.

А рядом гроб стоял со снятой крышкой.
И прямо над моею головой
Махали совы крыльями неслышно.
И ухал филин в тишине ночной.

Мурашки у меня покрыли кожу
И задрожали ноги подо мной.
Но я собрался с силами. И все же
Шагнул на встречу со своей судьбой.

И белая старуха отступила,
В колоду превратился черный гроб,
Сама закрылась страшная могила
И перестал меня трясти озноб.

В тот самый миг разверзлись в небе тучи,
Сычи замолкли. Ветер заштилел.
И желтый месяц свой холодный лучик
Между кустами пропустить успел.

Песком блеснула узкая дорожка,
Петляя меж зеленых бугорков,
Она вела к кладбищенской сторожке
Где пьяный сторож спал, не видя снов.

И толстый гусь, что савана белее,
По ней неторопливо топотал,
Вытягивая словно косу шею,
И надо мной легонько гоготал.

И я пошел за ним, отбросив страхи,
Стыдась минутной слабости своей
К ночной реке. Сквозь лес и буераки.
Где ждали для ремонта запчастей.

В кругу друзей исчезли все тревоги.
Я расстелил в каюте спальник свой
И с наслаждением расслабил ноги,
Чтоб утром встать со свежей головой.

Там на кострище угли догорали
И чайник недопитый остывал.
Меня друзья с тревогой ожидали
И каждый за меня переживал.

Мы поутру редуктор починили,
Оцепеневший дизель завели.
И по реке взволнованной уплыли
Искать удачи на краю земли.

И я дошел. Мне кружку протянули.
Кирпичный чай во рту язык связал
Я думаю: уже не потому ли
Друзьям о встрече я не рассказал.

С тех пор проходят годы чередою
Теряю я друзей своих и близких
Все те, кто пил кирпичный чай со мною
Уже давно легли подobelиски

Молчали мы. Под берегом плескалась
Ленивая усталая волна.
Мы пили чай, пока не оказалось,
Что вся заварка выпита до дна.

Отпльвших через Лету не вернуть,
Но я бы бросил вызов пред богами
И сызнова прошел тот страшный путь,
Чтоб с ними посидеть над уольками

МАРЬИН КОРЕНЬ

А ведь надул, нагнал-таки непогоду холодный сиверко, затянул небо сыростью – и утих, как спрятался. На улице мокрота, Нега вся в дождевых отметинах, берега ослизые – не подступишься. В такой день никуда не хочется, и Андрей придумал себе занятие – патроны набить. Лето в разгаре, не успеешь оглянуться – покос, а там и охота.

На столе разложен дедовский охотничий провиант: с полсотни позеленевших латунных гильз, холщовый мешок с дробью, картонная коробка с дымным порохом «Медведь» и наполовину использованная книга «Краткий курс истории ВКП(б)». Книгу забыл у Марьи Ивановны какой-то постоялец, и она первоначально тщательно сохранялась в переднем углу, где у добрых людей бывают иконы. Но другой постоялец за неимением мягкой бумаги выдрал из нее передние листы с портретами и аполитично использовал их на неотложные личные нужды. Марья Ивановна огорчилась было при обнаружении святотатства, но потом махнула рукой, рассудив, что история без начала и без конца – это не история, а ее обрывок, и с успехом использовала книгу в качестве подставки под сковородку. Так и повелось: если возникала у очередного посто-

яльца послеобеденная потребность в изучении глав истории ВКП(б) в дощатой будочке возле свинарника – он спешил туда с вырванными по потребности листками и изучал их с согнутыми коленями минуты три, а то и все пять, в зависимости от усердия. За свойство способствовать политическому просвещению будка возле свинарника получила негласное прозвание «культбаза». Благозвучное прозвище прижилось, и никого уже не удивляло, если очередной бабкин постоялец, отяжелев от ужина, вдруг заявлял о намерении посетить «культбазу» и выдирал из книги листа три. В результате такого интенсивного изучения досталась она Андрею в изрядно сократившемся виде и начиналась уже где-то с тридцатых годов, с разгара борьбы с троцкизмом и коллективизацией. Со страниц истории ВКП(б) пахло порохом, и, значит, на пыжи она вполне годилась.

Сначала из гильзы выбивается старый капсюль: у Андрея для этого есть выколотка с маленьким шильцем на конце. На место выбитого вставляется желтый пистон с гремучей ртутью – центрального боя, как написано на коробке. Андрею непонятно: почему центрального, если бокового боя вообще не бывает? Или это указание – бить по центру? Андрей так и делает: удар молотка – и капсюль на месте.

Теперь можно насыпать мерку пороха. У деда она была своя, подогнанная к ружью, из обрезанного патрона. Андрей зачерпывает меркой из серой коробки черного «дымаря», и сердитый медведь на этикетке злобно горбит загривок. Наконец, приходит очередь пыжа: из книги вырывается страница, сминается в бумажный шарик и набивается в гильзу поверх пороха. Бумажную затычку надо еще и уплотнить: гильза ставится на донышко и пыж уплотняется березовым пуансоном, для верности – под молоток. Одна страница – один удар – один пыж. Работа размеренная и спокойная.

В избе тишина. Долговязый постоялец этнограф еще на днях отправился по своим непонятным делам на Вату. Пипкин засел на острове и не кажет в поселок носа, друга Белова мать запрягла в домашние работы – окупивать картошку по такой сырости. В избе с Андреем только кот, уютно свернувшийся на подоконнике, да бабка, по случаю мороси отложившая все дела на огороде и отдыхающая за вязанием. Еще весной она начесала мягкой шерсти из Моряка, насучила ниток и теперь вяжет Андрею необыкновенные – с двумя, большим и указательным, пальцами – варежки. Зимой промышлять будет – почему-то уверилась она.

За окном с крыши капает на перевернутый на завалинке таз – блям! Котишка вздрагивает на подоконнике, открывает щелочки глаз на запотевшее стекло, ничего не видит и успокаивается – и тут снова с кровли очередная капля – блям! Белая кисточка на хвосте начинает подрагивать – у кота неврастения. Поток с крыши сбивает розовые лепестки с цветущего под окном марьиного корня.

– Бабушка! – нарушил тишину Андрей. – А почему цветок марьиным корнем называется – потому что он под твоим окном цветет?

– Ну что ты, внучек, – откликнулась бабка. – У Клавдияна под окном его целые заросли, однако никто его Клавдияновым назвать и не подумает. Марьин он. По имени Марьи-целительницы. Старики сказывали: святая у той Марьи душа была. Дело это давнее...

– Расскажи, бабушка?

– Почему не рассказать, – согласилась старуха, – наше время терпит. Да станешь ли слушать про дела давние? Такие давние, что от селенья, где та Марья выросла, и головень не найти, на путях-дорогах, что к ее дому вели, дремучие леса выросли, а о ее друзьях-недругах и помину нет. Но живет в молве имя Марьино, да растет в лесах куст целительный, цветом розовый. Ты запомни, внук: все на свете тлен, все на свете прах, кроме памяти, кроме имени, слова Божьего, дела доброго да большой любви всеобъемлющей.

Далеко от нас, на Руси Святой, за большими лесами дремучими, за высокими горными кручами, у глубоких вод голубой реки, в семье пахаря и охотника расцвела, как розовый куст в глуши, рукодельница и работница: косы русые, чело светлое, губы алые, брови тонкие, а в глаза взглянуть – и утонешь в них, темно-карие, словно омуты. Звали Марьею – а иначе как? И теперь у нас все по-старому: семьи русские своих первенцев кличут Марьями да Иванами. А в другой семье, за излучиной, где высокий дуб по-над кручею, где широкий плес голубой реки, где в лугах весной лебединый стон, где по праздникам колокольный звон, где на площади хороводятся, жил рыбацкий сын, властелин реки – звали Ванюшкой, как уж водится.

Уж не знаю как – или в ясный день, или в ночи под светлым месяцем, но случилось им по большой воде, по весне, и слюбиться и встретиться. Дело к свадьбе шло, да до осени не хватило влюбленным времени: горе-горькое в те края пришло с старшиной басурманского племени.

Как-то Ванюшка поздним вечером вывел на реку свой дубовый челн: если рыбе ход – мешкать нечего, знай вытягивай, пока невод полн...

Бабка умолкла и словно задремала, беззвучно шевеля губами и не переставая работать спицами. Пауза затянулась, и у Андрея окончилось терпение:

– А что дальше?

– Забыла я, как по-старому сказывается, – живо откликнулась Марья Ивановна. – В девках я еще слыхивала, а теперь призабыла. Если по-своему расскажу – будешь слушать?

– Конечно же, бабушка.

– Ну тогда ладно, слушай. Сам знаешь: неводят всегда в сумерках, когда рыба у берега дремлет. Рыбачит, значит, Ваня с братьями, делают тонь за тонью, берут рыбу белую, берут рыбу красную. За работой и не заметили, как ракишником

прокрались к ним в тыл басурманы-гогуличи, налетели ордой, заулюлюкали, навалились и повязали братьев арканами да и уволокли в ясыри.

– Куда, куда уволокли, бабушка?

– В ясыри – в батраки по-нашему. В те года дикая югра непокорной была, шибко озоровала против христиан. Налетали, хватали в полон парней, девок да и заставляли работать на себя. А то и резали в угоду своему шайтану.

– Живых людей резали? И зачем? – удивился Андрей.

– Я же сказала, тогда они были совсем дикие, вот и ублажали своего шайтана. Говорят, был у остяков главный и самосильный шайтан, которому всякий добытчик отделял крохи от своего промысла. Шкурки ли, деньги ли, рубахи, платки – все шайтан брал. А пуще всего любил монету звонкую и кровь человека горячую. Да и лешак с ним, с шайтаном, – не о нем речь. И в былине о нем не сказано – а поется, что загрузила без своего мил-друга Марья да и пошла за советом к черной колдовке. А та колдовка налила воды в серебряный ковш, в воду глянула из-под черной шали и нагадала девке идти в югру и там искать милого. Послушалась Марья ведьмаку, попросила у отца с матерью благословения на дальний путь, помолилась на светлый Божий храм да и пошла на восход солнца. Не сдержали ее ни реки широкие, ни камни острые, ни звери дикие, ни полдневный зной, ни полночный хлад. Долго ли, коротко ли ходила Марья по басурманской стороне – не ведаю, только однажды нашла она своего суженого, от работы усталого, больного и чахлого. Пришла она в юрту к басурманскому князьку: «Отдайте мне моего суженого!» А князек на звериной шкуре сидит, сырое мясо ест, теплой оленьей кровью запивает. Глянул вогул на Марью – а у нее одежду тайга сучьями в ленты порвала, а у нее босые ноги кореньями в кровь сбиты, а у нее кровь с лица комарами выпита – и расхохотался: «Отдал бы я тебе ясыря своего за выкуп, да с тебя взять нечего. Лучше я тебя ясырю отдам: был у меня один раб – будет парочка».

Видит Марьюшка – делать нечего, от князька никуда не денешься. Да и осталась возле своего Ванюшки – принялась его травами отпаивать да ласково отхаживать. За кореньями да разными травами много верст ею было искожено, много троп по тайге натоптано. Как-то раз в пути уморилась Марьюшка и вздремнула на пеньке, на солнышке: мнится ей, что пришла медведица и речет человеческим голосом: «Помогу я тебе, красна-девица, научу, как лечить Иванушку. Вдоль медвежьих троп на сухих буграх, где медвежьи свадьбы играют, в глубине тайги королева трав цветом розовым распускается. Корешок ее чудо делает, откопаешь его с молитвою – и отваром пои Иванушку, обретет он силу медвежью».

От дремоты очнулась девица, видит – след на песке отпечатался – медвежачьи лапы когтистые. Значит, вправду была медведица. А ее и когтем не тронула. И поверила знаменью Марьюшка – совершила, как ей приснилось.

Корнем розовым из глухой тайги отпоила, спасла Иванушку. Но вернуться на Русь – отодвинулось. Не случилось, как с Ваней чайли, когда в ночи, как бездна, темные согревались в постели ласками: зачала, забрюхатела Марьюшка. А с ребенком – куда ты денешься? Надо растить, лелеять малого. И пришлось доживать с басурманами.

Слушать Марью Ивановну – не наслушаться. Андрей забыл про свои патроны, чтобы ни шумом, ни движением не спугнуть настроение рассказчицы. Но вот замолкла кружевная речь сказительницы, и Андрей отважился спросить:

– Бабуля, а дальше что?

– А что дальше бывает? – пожал плечами бабушка. – Стали жить-поживать да добра наживать. От тех Марьи с Иваном пошли на Оби русские люди: кого ни кликни – обязательно либо Иван, либо Марья. А в память о той первой Марье расцветает по берегам марьин корень. Люди его знают и берегут – на счастье и для лекарства.

– Марья Ивановна, значит, и нашего рода корень от тех Ивана да Марьи идет? – не унимался Андрей.

Старуха помолчала, спустила петлю, снова заработала спицами и наконец задумчиво, поблекшим голосом протянула:

– Что я тебе, внучок, поведаю – слушать слушай, да никому не пересказывай. Как бы беды не было. Лет мне, видать, не так уж много отпущено – может, скоро и Господь приберет. Значит, должна я о своей родове на земле память оставить. Запомни, внучок, и своим будущим детям от меня передай: худой тот человек, который от семейных корней отпал – не будет ему ни счастья, ни удачи. Засохнет отломленная от ствола ветвь, как ее потом к лесине ни притягивай. А потому должна я тебе о твоей семье и ее корнях все поведавать, чтобы и ты узнал, от какого древа растешь. Знай же: казаки мы.

Омутинский район

Омутинское

Вероника
Бадрылова

Омутинское – село (в 1959-1993 – посёлок городского типа Омутинский) в Тюменской области. Административный центр Омутинского района и Омутинского сельского поселения.

Основано в XVII веке.

В XVIII-XIX веках было важным центром торговли.

В 1959-1993 годах – посёлок городского типа Омутинский.

Селение возникло в первой половине XVIII века как сторожевой форпост - крепость Омутная с «лежащим забором, обнесённым рогатками и надолбами». Считают, что название Омутная было дано потому, что в окрестностях селения было много омутов. По описанию академика П. С. Палласа, сделанному в 1770 году, «Омутинское село стоит на Вагае, но так рассеяно, что крайние дворы, которых около семидесяти к погосту приписано, один от другого более нежели на пять верст отдалены».

В 1849 году в селе было устроено первое в Тобольской губернии сельское начальное училище Министерства народного просвещения. В 1903 году оно было преобразовано в двухклассную школу. С этого же года в селе действовала церковно-приходская школа. Имелась библиотека.

В XIX – начале XX века Омутинское – значительный торговый пункт на Сибирском тракте. В 1862 году на Савватиевскую ярмарку (27 сентября) было привезено товаров на 63 тыс. рублей. Экономическое значение села ещё более возросло с прохождением через него в 1910 году Транссибирской железнодорожной магистрали. По сведениям 1913 года, оборот Алексеевской ярмарки, проводившейся в селе с 11 по 17 марта, составил 260 тыс. рублей.

Омутинский район расположен в южной части Тюменской области, на водоразделе рек Тобол – Ишим в зоне лесостепи. Гидрографическая сеть района представлена рекой Вагай, левым притоком Иртыша. Общая площадь территории составляет 282812 га, из них: сельскохозяйственных угодий – 143093 га, лесов – 99329 га, под населёнными пунктами – 5768 га.

Достопримечательностями района являются особо охраняемые природные территории: региональный заказник Омутинский (5 000 га) и пятый по площади памятник природы на юге Тюменской области Болото Рямовое (2 278 га).

ВЕРОНИКА БАДРЫЗЛОВА

НЕМНОГО О СЕБЕ

А что я в жизни значу,
Какой оставлю след?
А может, пока рано,
Так думать ещё мне?
Начну с того, что мама
Троих я дочерей.
Но бабушкой не стала,
Лишь, предстоит то мне.

Живу в ладах с собою,
И этим я горда.
Пожалуй, здесь не скрою,
Ранима, порой я.
Но жизнь, такая штука,
Нас учит, день за днём.
Характер закалила,
Вот так вот и живём.

Ещё стихи слагаю,
Читает их народ.
О том, о чём мечтаю,
Прошу под Новый год.
А кто ещё такая,
Не буду говорить!
Я - женщина, а значит,
Должна и тайна быть.

ОСЕННЕЕ

Вот и кроны пожелтели
У рябин и у берёз...
И заметней, поредели...
Ветер листья те унёс.
Закружил их хороводом,

По тропинкам разбросал...
Невзначай так, мимоходом,
Появился и пропал.
Цвет зелёный стал тускнее,
Не бликует глянцем он.
Всё желтее и желтее
Под окошком старый клён.
Гроздьё радуют рябины,
Признак осени уже.
Эти дни - неповторимы,
Хоть, не всем и по душе.

ВОТ И ОСЕНИ ФИНАЛ...

Осень, ночь, мерцают лужи,
Тишина стоит кругом.
Ждать недолго зимней стужи,
Она ближе с каждым днём...

Звёзды в небе нас пленяют
И притягивают взгляд.
Тёплых дней осталось мало,
Да ещё чтобы подряд.

Утро тихо наступило,
Прочь ушла ночная мгла.
Солнце нас не разбудило,
И исчезла тишина.

Дождь то мелкий, то крупнее,
То идёт, то вдруг пропал...
Краски яркие бледнеют...
Это осени финал.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ОСТАЛОСЬ...

Взгляни скорее ты в окно,
Смотри, что там творится.
Вокруг всё снегом замело,
Сверкает всё, искрится.

Всё предвещает чудеса,
До них уже, чуть-чуть осталось.
И в предвкушении душа...
Как время, всё-таки, промчалось.

И скоро сядем за столом,
Так будет в каждом доме.
Фужеров мелодичный звон,
Желания пусть исполнит.

КАБЫ... КАБЫ...

Как бы в реку не сорваться,
Как бы в омут не упасть.
Как бы жить - не сомневаться,
Как бы меру во всём знать.

Как бы думой не грузиться,
Как бы вовсе их прогнать.
Как бы просто улыбнуться,
Когда хочется кричать.

Как бы быть порою сильной,
Когда сил уж больше нет.
Как пройти походкой стильной,
Восхищались чтобы вслед.

Как на всё найти ответы:
Где, когда и почему?
Чтоб не верить тем приметам,
По которым все живут.

КАК В ЖИЗНИ ВСЁ ЗЫБКО...

Чем дольше молчание,
Тем выше «стена».
Непонимание –
Всему здесь вина.

Несказанных слов,
Неуслышанных фраз.
И вновь, кто готов
Прощать в этот раз?

Но с каждой минутой -
Немеет душа,
Была что открытой
И щедро жила.

Дарила улыбку
И радость несла.
Как в жизни всё зыбко,
Теперь поняла.

Хранить - не умеем,
Беречь - не хотим.
Хоть, вроде, взрослеем...
Да, Бог уже с ним...

С тем чувством ненужным
Уже никому.
И с болью натужной
К себе самому.

Армизонский район

Село Армизонское.

Галина
Белова

Армизонский район – административно-территориальная единица (район) и муниципальное образование (муниципальный район) в Тюменской области России.

Административный центр – село Армизонское. Район расположен в юго-восточной части Тюменской области на расстоянии 230 км от областного центра и в 72 км от железной дороги. Граничит с Курганской областью (Мокроусовский, Частоозёрский районы) и пятью районами Тюменской области (Бердюжским, Голышмановским, Омутинским, Заводоуковским и Упоровским районами), на юге с Казахстаном. Площадь территории – 3109 км².

Одним из наиболее характерных ландшафтов района являются многочисленные озёра, самые разнообразные по величине, и форме, происхождению и химическому составу воды. Всего на территории района расположено около 300 озёр.

ГАЛИНА БЕЛОВА

СЫНОК, ЗАМЕТАЮТ СНЕГА

Сынок, заметают снега
Мой маленький дом одинокий.
Болят голова, значит, будет пурга,
В тумане луны лик далёкий.
В ушах отчего-то звенит,
Но вот телефона не слышу.
Я гляну в окошко: деревня вся спит,
А звёзды гуляют по крыше...
Страшусь я холодной зимы,
Боюсь я высоких сугробов.
Ночей бесконечных тюрьмы,
А пуще – внезапной хворобы...
Сынок, не хочу я стареть,
Но что-то слабею и вяну.
Люблю со двора на дорогу смотреть
И жду, что глаза не обманут...
Сынок, я с собою в ладу,
И мне хорошо в нашем доме.

КАПИНА

Какая красная калина
Выходит к людям сквозь забор!
Она в парчовом платье длинном,
В рубинах ярких – на подбор...
Она щедра и беззаботна,
Рубины дарит не скупясь.
Пусть за забором, но свободна.
Потери, боль несёт смеясь.
Иду по улице бездумно,
Срываю спелых ягод горсть...
Взлетает радостно и шумно
Снегирь, красавец яркий, гость...

СМИРЕНИЕ

Смирение, смиренность,
Опущены глаза...
Тяжёлой жизни брэнность,
А в мыслях - образа...
Ах, как не сочетается
Её простецкий вид
С душой, что вечно мается
И творчеством горит!
Ненужные таланты
Сумела сохранить.

Эй, где вы там, атланты?
Вот Ариадны нить,
За кончик удержала
Малюсенькой рукой.
Жесткой жизни жало
Язвило на убой...
Глаза прикрыв смиренно,
Молилась за детей,
И сельской жизни брэнность
Не властна уж над ней...

Ах, масляные краски!
Икона на холсте...
Душа не носит маски,
Витает в высоте.
Стихи, как горный воздух,
Сложны, просты, чисты!
Душа не просит отдых,
Коснувшись красоты!
Пусть стонет тело хрупкое,
В нём прочная душа
И в окруженье грубом
Страдает не грешна...

ИЮньСКОЕ УТРО

Листочков первых терпкий запах.
В полях и рощах тишина.
Сосёнки нежат в тонких лапах
Остатки утреннего сна.

И держит каждая травинка,
Как обручальное кольцо,
На тонком пальчике росинку,
Подставив солнышку лицо.

Блаженство первых дней июня,
Ночей коротких благодать.
Проснёшься утром, лет не чуя:
Вот жить бы и – не умирать!

ФЕВРАЛЬСКИЙ СНЕГОПАД

Ах, этот поздний снегопад!
Февральский вечер безутешный!
В круженье белом наугад,
Держась под ручку, шли безгрешно...

Нас этот поздний снегопад
Соединил надеждой зыбкой.
Огней фонарный променад
Дарил насмешливой улыбкой...

Снежинки ласково из тьмы
Нас целовали прямо в лица.
Легко брели куда-то мы,
Стараясь в белом раствориться...

ВЧЕРА

Такая красота вчера была,
Что сердце расплывалось мягкой хлябью.
Пролившись, туча дальше уплыла,
А озеро укрылось мелкой рябью.
Волнующе журчали журавли,
Махали ветреницы белыми платками –
Всё весело и радостно вдали:
Кусты, деревья, небо с облаками.
Растущая пшеница на полях,
Так мягко окружившая деревню,
И дружный хор каких-то мелких птах –
Всё было так, как повелось издревле.
Мы шли просёлком маму навестить –
Она теперь не дома, на погосте –
Поговорить о ней и погрустить,
И вот она обрадовалась гостю...
Помыла начисто дорожку меж полей
И позвала на праздник разных птиц,
Ведь навестил любимый внук Андрей,
Сирень роняет капельки с ресниц...

СОГРЕЙ ХОТЯ БЫ МЫСЛЬЮ О ТЕБЕ

Согрей хотя бы мыслью обо мне,
Подумай ласково, совсем неосторожно,
Чтоб я в холодной зимней мгле
Не плакала о том, что невозможно.
Чтоб в тишине холодных вечеров,
Когда весь мир уснул иль даже умер,
Мой одинокий и забытый кров
Не корчился от горестных раздумий.
Подумай обо мне светло,
Но я почувствую, и сердце встрепенётся.
Безжалостное времени крыло
Пусть главного в нас всё же не коснётся.

Ишимский район

село Боровое Ишимский район

Евгения
Суркова

Владимир
Белых

Ишим – город в России, административный центр Ишимского района Тюменской области. Расположен на левом берегу реки Ишим (приток Иртыша). Образует муниципальное образование город Ишимсо статусом городского округа как единственный населённый пункт в его составе.

Население – 65 259 чел. (2017). Общая площадь городских земель – 4 610 га.

Основан в 1687 году как Коркина слобода, с 1782 года – город Ишим.

Начиная с 1721 года в слободе стала регулярно проводиться Никольская ярмарка.

В 1782 году слобода по указу Екатерины II была переименована в город Ишим, уездный город Ишимского уезда Тобольского наместничества, позднее Тобольской губернии. Название город получил по имени реки, на которой он находится.

Выгодное географическое положение города, находившегося на главном Сибирском тракте, среди наиболее богатых земледельческих и скотоводческих округов Тобольской губернии, обусловило его превращение в крупный центр ярмарочной торговли всей Западной Сибири. В XIX веке в декабре в Ишиме ежегодно проводилась Никольская ярмарка.

21 октября 1875 года открылся Ишимский городской банк. К концу XIX века в Ишиме действовало пять кожевенных, четыре мыловаренных, шесть овчинных, восемь пимокатных, шестнадцать кузнечных, восемь кирпичных, два водочных, два свечесальных, два маслобойных и один пивоваренный завод. В период с 1817 по 1871 годы в городе появляются учебные заведения: уездное училище, приходская школа, женская прогимназия, духовное училище.

В 1913 году по Северо-Сибирской железной дороге через станцию Ишим, расположенную в двух верстах от города, пошли первые поезда.

В 1921 году Ишимский уезд стал центром Западно-Сибирского крестьянского восстания.

С 1917 года по 1923 год Ишим входит в Тюменскую губернию, с 1923 года по 1934 – в Уральскую область (с 3 ноября 1923 года по 1 октября 1930 года – центр Ишимского округа, с 10 июня 1931 года – центр Ишимского района), с 1934 по 1935 годы – в Челябинскую область, с 1935 по 1944 годы – в Омскую область, а с 1944 года и по настоящее время – в состав Тюменской области.

ЕВГЕНИЯ СУРКОВА

ОСЕНЬ

Не порадовала осень
Бабым летом, тёплым днём.
Ни летящей паутиной,
Ни багрянцевым листом.
Небо всё покрыто серой пеленой,
Как отрезок времени
За мрачною стеной.
Не пробьётся лучик,
Нет для него ниши.
Барабанит дождик
По железной крыше.
Нудно, скучно, сыро,
Слякотно, уныло...
Вот такая осень
Нас нынче посетила.

ТЁПЛЫЙ ДОЖДИК

Летней ночью
Тёплый дождик
Прошёл по городу босым,
По лужам вольный ветер прыгал:
За тёплым дождиком спешил.
Догнать его он торопился:
Летели брызги вкривь и вкось,
То рябью по воде катился,
То спиралькой вился вновь.
Но утром солнце заиграло
И тёплый луч на землю пал,
Всю воду в облако собрал он.
И в небо синее послал!

НАВОДНЕНИЕ

(2016-2017 г. Ишим)

Накатила стихия
Затопило Россию
Реки катят потоком
Топят всё ненароком.

Городок наш “зелёный”
Стоит водой окружённый,
Укрепляет границы,
Чтоб воде не пробиться.

А река бушевала:
Всё крутила, ворчала,
Как тигрица урчала,
Чёрной лавой неслась.

На пути всё сметала
И в пучину толкала,
Что годами копилось
Всё в хламьё превратилось.

Нептун, Амфитрита - боги морей!
Воды ручные примите скорей.
Пожалейте людей,
Спасите народ,
Сохраните зелёный наш городок.

ВЛАДИМИР БЕЛЫХ**ГОСПОДИ, УСЛЫШЬ!..**

*Посвящено Царской Семье Романовых,
учредителю и активному участнику
благотворительной акции «Белый цветок»*

Всевышний! Спаситель!
Мой возглас услышь!
Молю я за люд православный!
Весь край поднебесный
Ты исстари зришь,
Наставник по жизни наш главный.
За младых молю и молю за седых:
Не дай нашим душам усохнуть!
Не дай отвернуться от сирых, больных,
Не дай нам от стонов оглохнуть.
Молю Тебя, Господи, люд огради
От напастей лживого мира,
Не дай, чтобы хлад у нас бился в груди!
И ныне не время... для пира.

Звучи над Отечеством святости звон,
Пльви перезвон колокольный!
Уж так повелось на Руси испокон –
Характер у нас сердобольный.
Всем нам доброта как основа основ
Ниспослана с Неба!.. Заветом!
Взростала с любовью под сенью крестов –
Наполнилась Божеским светом!
Мириться не можем мы с болью людской,
Не можем с нуждою мириться;
Мы к слабым и немощным... всюю душой –
Нам вышло такими(!) родиться.

Крещёная Русь! Подымайся! Крепчай!
В духовности мощь! Возрождайся!
Лишь праведный путь выбирай и ступай...
Пред памятью предков склоняйся!

Традиции прошлого свято храни!
Нам сил придаёт состраданье...
Великое – в малом! Вернём в сии дни
К нам Царской Семьи зачинанье!
Цветок их был сорван кровавой рукой...
Да Бог всемогущ! Помогает!
Чрез век забытья, пронизавши покой,
Их «Белый цветок»... расцветает!

ПОГРУЖЕНИЕ... К ВЕРШИНЕ МИРА

*Посвящается участникам экспедиции
к Северному полюсу в июле-августе
2007 года*

Жил суровый Океан,
Изо льда носил кафтан!
Сплошь торосы! Белый снег!
Окаймлён им русский брег!
Тьму веков здесь обитал,
Много он всего видал.

Край морозов и ветров
Вечно манит смельчаков!
Водный мир, титан, колосс
Жил в безмолвии средь грёз.
И однажды, как-то раз, –
Вот о том пойдёт сей сказ...

Заполярный исполин
Вдруг услышал гул машин!
Рвать пошли те твердь воды –
Трёхметровой толщи льды!
Возмутился Океан –
Весь напрягся, как вулкан!

Всё же погодить решил.
Гнев его утих, остыл.
Обладатель диких сил
Любопытство проявил!
Скука одолела, знать.

Взялся он тут наблюдать;
Зашептался сам с собой:
«Ледокол... один. Другой.
Люди, что ли?.. И куда?
Вкруг стихия ж! Мощь! Вода!
Вроде в центр они идут –

Странный выбрали маршрут!»
Шли и шли меж тем суда,
Раздвигая глыбы льда!
Долго шли – настал финал:
Полюс Северный предстал!
Суетиться стал народ.

Вод хранитель не поймёт:
«Люд здесь... чем так привлекло?»
А-а-а! Смекнул! Им повезло!
Полыню нашли они –
Пребольшеущей ширины!»
Может, знает кто, аль нет:

В день полярный долог свет;
Месяцами тут светло.
Всё ж от солнца – не тепло,
Низко ведь оно плывёт.
Лёд извечно! Круглый год!

Арктика – куда ни глянь
 (Так смотри, хоть выше встань).
 Ледовитый Океан,
 Ух, разлётся!.. Великан!
 Это он – хозяин льдин,
 Их бессменный властелин!

Отвлеклись! А здесь дела –
 У людей работа шла...
 Вновь дивится Океан:
 «Что творится у землян?
 Нечто, снятое с судов,
 Разместили между льдов».

Не терять чтоб сказа нить,
 Кой-что надо объяснить.
 Экспедиция людей
 (У учёных столь идей!)
 Шла меж северных красот,
 Среди арктических широт.

Воплощали давний план
 (Он умам пытливым дан) –
 Надобно для «завтра» жить:
 Шлейф подводный изучить;
 Пробы брать на всём пути,
 Полюс Северный найти,

Чтобы там поставить флаг –
 Наш российский высший знак.
 Ставить нужно не на лёд
 (Он же движется – плывёт),
 Должно флаг крепить на дне,
 На огромной глубине!

Это только часть задач...
 Все желали им удач!
 Погрузиться вниз, на дно,
 Ох непросто! Мудрено!
 В помощь им для этих дел

Целый институт корпел.
 Чудо техники – «Миры»,
 Да, достойны похвалы!
 Ну а что же Океан,
 Ледовитый великан?
 За людьми он наблюдал –

С возрастом, чай, в детство впал...
 Зрелищем увлёкся так,
 Что сомлел – душой обмяк.
 Масса вод – его нутро
 Чуяло людей добро!
 Тут неведомо с чего

Передёрнуло его!
 Что-то вдруг он ощутил,
 Кто-то вглубь к нему заплыл –
 Трогать начал сразу дно.
 Очень нежное ж оно!
 Ёрзать стал он потому –

Было... щёкотно ему!
 Чуть не взялся хохотать.
 Смехом лёд мог разломать!
 Обошлось! Перетерпел!
 Скрыть эмоции сумел!
 Аппараты «Мир» (их два)

Полюс там нашли сперва;
 После из титана флаг
 Прикрепили к дну! Вот так!
 Океан в себя пришёл.
 «Ну и шутки! – речь завёл. –
 Развлекаются, видать!

Словно дети! Всё б играть!»
 Пыл пока он свой хладил,
 Мозговал, судил-рядил...
 Глядь-поглядь, а кто смешил –
 Нету их! Уж след протыли!

Ледоколы вновь пыхтят,
Путь обратный бороздят;
Люди все большой толпой
На судах пошли домой.
«Эх! – вздохнул тут Океан
(Разум заслонил туман). –

Кабы были!.. Хоть одной
Помахал бы им рукой!»
Заполярный мир суров!
Он не любит слабаков!
Кто отважен, только тот

Все опасности пройдёт!
Север тут! Мороз царит!
Много тайн сей край таит...
На плечах хранитель вод
Держит неба дивный свод!

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

*Посвящается Лидии Ивановне
Федорец, Учителю, одарившему нас
любовью к русской словесности...*

Глаза закрываю и вижу
Из детства знакомый сюжет:
Стою я у старенькой школы,
Той самой, которой уж нет...

Бревенчатый выцветший остов,
Наличников крашенных ряд –
Тут годы молодые из окон
На мир удивлённо глядят!..

Мы встретились здесь, наш учитель!
Семь лет с Вами после мы шли;
По тропке к источнику знаний
Вы нас, опекая, вели.

Под стягами русского слова
Мы вслед продвигались! Вперёд!
Взрослели – ума набирались,
Касались небесных высот!

Дивились твореньям великих –
Глубины пытались постичь...
«Вам слышится глас поколений!» –
Внимали мы времени клич.

Учитель, наш добрый учитель,
И сколько ж Вы тратили сил!
Видать, христианским терпением
Вас щедро Господь одарил.

За промахи нас не корили,
Что знали – делились любя...
Душевым теплом согревали,
Частенько забыв про себя.

И в нас Вы вложили такое!
Что ярко доньше горит:
То к струнам оно прикоснётся,
То лавой внутри забурлит.

Мы Вам благодарны за это!
Струят нашей жизни ключи...
Спокойствие... Нам оно надо?
Пусть громче трубят трубычи!

Я С ТОБОЙ, ИШИМ, НАВЕКИ!

Во сибирской шири вольной,
Чтится что в святой Руси,
На земле живём раздольной,
Держимся одной стези!
Здесь, гонимые судьбиной –
Жёстко правил грозный царь, –
Атаман Ермак с дружиной
Сей простор добыли встарь!
Славься, град Ишим, вовеки!
Славься, славься, милый край!
Славьтесь прошлого все вехи!
Славься, град наш! Расцветай!
Чудеса людской отваги
Помогли форпост создать,
Вознести отчизны стяги,
Слободу тут основать!
Коркин – дела зачинатель,
Из крестьян... Казак в душе!

Лучшей доли всем искатель
На опасном рубеже!
Славься, град Ишим, вовеки!
Славься, славься, милый край!
Славьтесь прошлого все вехи!
Славься, град наш! Расцветай!
План заветный их удался!
Время то... сокрыл мираж.
От былого дар остался:
Здесь воздвигнут город наш!
Будем, дру́ги, жить достойно,
Жить по чести – не в указ
(Станет предкам... там... спокойно).
Грянем песнь усердно враз!
Славься, град Ишим, вовеки!
Славься, славься, милый край!
Славьтесь прошлого все вехи!
Славься, град наш! Расцветай!

Заводоуковский район

Заводоуковск

Татьяна
Андриянова

Татьяна
Лазарева

Наталья
Ильиных

Галина
Мингалёва

Заводоуковск – город в России, административный центр Заводоуковского городского округа Тюменской области.

Известен с 1729 года как деревня Уковская. В 1960 году получил статус города. Население – 26 006[1] чел. (2017). Площадь города – 3 201,6 га

Известен как деревня Уковская с 1729 года. В 1729 году в деревне имелось 8 дворов, в 1749 году – уже 25 дворов. В 1740-1744 годах верхотурскими купцами М. Походяшиным и А. Власьевским был основан Уковский винокуренный завод. В конце XVIII – начале XIX веков винокуренные заводы перешли в казённое ведомство. В конце концов, Уковский винокуренный завод прекратил своё существование, и только в 1860-е годы XIX века производство алкоголя в более прогрессивном промышленном масштабе возродил знаменитый сибирский предприниматель польского происхождения Альфонс Фомич Поклевский-Козелл.

В 1787 году деревня стала волостным селом Заводоуковским, в селе на тот момент имелось 180 домов, проживало 980 мужчин и 988 женщин.

Название села можно расшифровать как «завод на Уке», и связано оно с расположенным в селе винокуренным заводом. Другая версия связана с распространённой в Сибири в XVIII-XIX веках традицией основания специальных поселений – «заводов», предназначенных для отдыха направляемых в ссылку каторжан.

Заводоуковский городской округ является самым большим по площади городским округом на юге Тюменской области. Его площадь (2976 км² по данным OpenStreetMap) в 6 раз превышает площадь городского округа Тюмень (490 км² по данным OpenStreetMap).

В 2001 году Заводоуковск стал обладателем гранта в проекте «Стратегия развития малых городов», реализуемого рамках Федеральной Программы «Малые города России».

ТАТЬЯНА АНДРИЯНОВА

Снова утро встаёт полудремою,
Машет солнцу ветлой у ворот,
Раскричится седою вороною
И полнеба лучами зальёт.
Разбежится наш ветер – бродяга
Да и чмокнет от счастья в висок.
Я раздольному утречку рада,
Заливается краской восток.

Растянулась дорога, разнежилась,
Разлеглась и вперёд позвала.
И морозною снежною свежестью
Зазвенели небес купола.
Зазвенели они тёплым лучиком,
Ветерком, что запел в тишине.
И, казалось, что нет в мире лучшего,
Чем летать по дороге к весне.

Где - то в глубинке лесного массива
Речка течёт, величава, красива.
Зелёные сёстры вдоль речки растут,
В народе берёзками все их зовут.
Волна там встречается с новой волной,
А брызги, что веер, стеклянной стеной.
Рассердятся, брызжут.
Посмотришь - опять
В даль льётся по речке блестящая гладь.
Смотрится небо в прозрачные воды.
Так продолжается долгие годы.
Там дремлет камыш под журчание вод,
Стрекозы ведут целый день хоровод.
Там птицам привольно, поют, не боясь,

С природой у них музыкальная связь.
Вдруг спрячется речка в муфту из снега...
На речке небыстрой давно никто не был.

МОРОЗНЫЙ ЯНВАРЬ

Ах, как трудно сегодня дышится!
Будто груз на себе несую.
Каждый звук, каждый шорох слышится,
Раздаётся он за версту.
Тёплый воздух, как дым от выстрела,
Белым лучиком сразу в даль.
Снежным хрустом дорога выстлана.
Он такой - капризуля - январь.
То теплом к нам в окошко ластится,
То свою вдруг проявит прыть.
И смеётся, когда заставит нас
По снегам, как по водам, плыть.
И сегодня, вы сами видите,
Всё сильнее крепчает мороз.
Ходим в шубе и в тёплом свитере
И шарфом закрываем нос.
Сухой лист, смотри, чуть колышется,
И ветер как будто замёрз.
Нам лишь стрекот сорочий слышится.
Это всё нам январь принёс.

КАРАКУЛИ

Вчера мы с Вовкой плакали.
Ну, сам же посуди.
Не буквы, а каракули
От Петьки нам пришли.
Ну, тётя Галя, хитрая,

И как только смогла,
 Что ни меня, ни Вовку,
 Лишь Петьку увезла.
 И вот прислал он весточку,
 Всего - то строчек пять.
 А мы его послание
 Не можем прочитать.
 Вот потому и плакали,
 Начнём реветь опять.
 Про жизнь его несчастную
 Так хочется узнать.
 Считаем дни до осени,
 Идти чтоб в первый класс.
 И Петькины каракули
 Пускай дождутся нас.

БЕССОННИЦА

Если с кем - то бессонница ссорится,
 Верьте, сразу приходит ко мне.
 И от мыслей нелепых заходитя
 То, что раньше решалось во сне.
 Раньше было по мной заведённому:
 Умываться и сразу же спать.
 И луна по маршруту знакомому,
 И почти не скрипела кровать.
 Но как только приходит бессонница,
 Сразу масса причин, чтоб не спать.
 И луна - любопытная склочница -
 Не желает глаза закрывать.
 И собаки, молчавшие сутками,
 Заведут свой ночной перелай,
 И ветра, просыпались что утрами,
 Просят:- День нам скорее отдай.
 Разругаюсь я громко с бессонницей,
 Распахну ей на улицу дверь,
 Она шепчет: - Зачем же нам ссорится,
 Мы подруги с тобою теперь.
 И снова свет над кроватью включаю,

И читаю я ей и пою.
 Я только так теперь ночь коротаю,
 Ублажаю подругу мою.

ЗАБЫТЫЙ ПАРК

Здесь ласковый ветер и ночью, и днём
 Всё шепчет сосёнкам о чём-то своём.
 Наверно, о том, как раньше все жили,
 На совесть трудились, крепко дружили.
 Все знали друг дружку, а может, не всех,
 Но в парке звучал очень искренний смех.

Взлетали качели, дети кричали,
 Вновь карусели забег начинали.
 Музыка громко над парком звучала,
 Всех, кто пришел, танцевать приглашала.

Здесь в шахматы, шашки сражался народ,
 И дети весёлый вели хоровод.
 Сюда, как на праздник, шагали гурьбой,
 Друзей и подружек вели за собой...

Со временем стих позабытый танцзал,
 А ветер романтику всю растерял.
 Сосны состарились, хмурыми стали,
 А карусели азарт потеряли.

Но всё же мечтают на старости лет,
 Что новый начнётся у парка рассвет.
 И сны их, конечно же, как у людей,
 Им снится, что парк собирает друзей,
 Что парк возродился, что снова ожил,
 Родные традиции все возродил,

Что вновь раздаются людей голоса...
 ...Такие вот снятся им все чудеса.

ТАТЬЯНА ЛАЗАРЕВА

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Расцвело ромашковое поле.
Солнцем дня рассеяло лучи.
Ах, какое вольное приволье!
Как чудесны кажутся цветы.
На ромашке нежно погадаю,
В волосы вплету себе венок,
И всем сердцем нежно ощущаю
Пахнущий росой стебелёк.
Лес и поле – всё благоухает.
Жизнь полна природной красоты.
Тот богат, кто это наблюдает,
Очищая душу и мечты.

ЛЕТНИЙ КАПРИЗ

Пришёл ниоткуда,
Как летний каприз.
Красивым сияньем
Вошёл в мою жизнь.

Легко и комфортно
Мне жизнь осветил,
Надежду на счастье
С любовью дарил.

Как облачко мягко
Меня обнимал,
ловил мои губы
И нежно ласкал.

Любовь подарил мне
И снова исчез.
Как в дымке тумана
Хороших надежд.

НАТАЛИЯ ИЛЬИНЫХ**Я, ВРЕМЯ И НЕ СКУЧНЫЙ ВЕЧЕР**

Трещит без усталости сверчок,
Не разбирая дня и ночи.
И, оторвав от дел клочок,
Мы с ним грядущий день пророчим.

У вечера недолгий свет,
День бережно его уносит.
Короткий дождь и скудный снег
Он приберег для гостыи-ночи.

Не скряга вечер, нам бы внять:
Он щедр, гостеприимен с нами.
Напрасно вечер упрекать:
Он добрый, если вы с друзьями.

Любимчик ночи и светил,
Он верный спутник дня крутого.
Он вас за многое простил,
Хоть принимает за другого.

Присядем тихо на диван:
Я, время и нескучный вечер.
В том нет иллюзий, не обман –
Не раз такие делятся встречи.

* * *

Ветер листал, перечитывал книгу,
Кем-то оставленную на скамье.

Дождь прилетал побеседовать с ветром
О драматичной сюжетной канве.

Снега идут
Зима звучит
Ведут ветра
Мелодию
С листа звучит
Несхожая
С той прежнею
Рапсодия

На грани лет
На волнах снегов
Корабль зимы
Качается
Костры снегов
Горят сильней
Сгорит зима
Растает вся

Я снова поплыву
По той реке в которой
Все отразится вновь
И осень и весна
Я снова проплыву
Мне это не приснилось
Куда и почему
Забыв про времена

Я снова доплыву
До той мечты к которой
Несла меня река
Взрывая берега
Я знаю никогда
Не будет остановки
В стремлениях души
В движении никуда

Судьба соединит на время у костра,
Бесед необязательность предложит
И время остановит до утра,
Все неизвестное по полочкам разложит.

ЭКСПРОМТ СЛУЧАЙНОГО ПРОХОЖЕГО

В скромном наряде –
Кофте и шароварах
Стоишь у своей ограды,
Простая русская женщина.

Сколько в тебе намешано –
Восточного и славянского,
Земного и райского.
Горы и степи во взгляде твоём,

Озера и реки в речи твоей,
Золото с жемчугом в сердце, в душе.
Ну, улыбнись же – прошу я мысленно,
К небу подняв глаза. Да, где же гроза?

Ясное, чистое солнце над нами...
Вспомнилось вдруг о маме!

Слова улетают, как листья.
А мысли?..
А мысли схожи с рекой,
Им чужд и сон и покой...

ЗОНТИК

Ликует зонтик, радуясь дождю
Весеннему, внезапному, со льдинкой.
Он зимнее скрывание в шкафу
Забыл, как прошлое с горчинкой.

На свет, на воздух – к солнцу и теплу,
Расправлены послушно дольки.
Раскрылись яркие цветы, опередив весну
Вы спросите: «На сколько»?

На миг улыбки и не хмурый взгляд,
С надеждой обращенный в выси!
Он выстрелил, пусть даже невпопад,
Он в одиночестве устал от мыслей...

Браво дружеским объятьям
Деловым рукопожатьям
Браво шпаге и клинку
И веселью на миру

Браво смелым bravo честным
Предложениям уместным
Не уставшим оптимистам
И удачным пессимистам

Браво слову bravo делу
Все что спорится умело
Браво тихой доброте
И душевной простоте

Браво кубку с пеной терпкой
Настоящей дружбе крепкой
Неудачам тоже bravo
С ними рядом наша слава

По жизни встречаются разные люди:
Кого-то остудят, кого-то осудят,
А кто-то в сторонку тихонько скользнет,
Лишь тень от него незаметно мелькнет.
Кто прямо на ветер душой оголенной –
Открытое сердце, наверно, влюбленный!

Крадется вечер робкими шагами,
Ночь спустится с небес, украсив свод.
Настанет утро, свежестью поманит
И солнца возвестит приход.

Оно взойдет, умытое росой,
По-доброму осмотрит все вокруг.
И в этот час, мне кажется, нас двое:
Я и Вселенная, и замкнут круг.

ГАЛИНА МИНГАЛЁВА

ЛЕТО

Лето – хохотушка - синие глаза.
На носу веснушки - русая коса.
Солнечные брызги - крики до небес.
Щедрые полянки, с чудесами лес.

Озерца ромашек или васильков,
Запах земляники, аромат цветов.
В молоке - купанье под дождем.
Бег по теплым лужам босиком.

Ловля насекомых: бабочек, стрекоз,
Звонких птичек пенье после сонных грез.
Незаметно промчалось лето без забот.
И незримо свершился к осени - перелет.

ОСЕНЬ

Осень робко прислала нам весточку –
Пожелтел один лист на березке.
А затем охватила всю веточку
И осыпалось семя сережки.

Рисковала немного с нарядами
И пятнистую юбку одела.
Улыбалась губами багряными.
Соком ягод подкрасила смело.

Все смешалось – ветра и дожди
Оборвали наряды яркие.
«Что ты делаешь, подожди?!
Еще будут денечки жаркие!»

Вихри резко погодой вертят,
То дождинки летят - то снежинки.
Оголенные сучья чертят
На стареющем лице морщинки.

Плачет Осень - от ветра гнется:
«Ведь была я самая - самая!»
«Вот сейчас карусель повернется
И ты станешь шикарной дамою!»

ЗИМА

Дама в вуали нежной
Где – то в начале пути.
Накроет запахом снежным,
Ей мимо нас не пройти!

Манит хитрюга - колдует,
Вьюгой охватит крепко.
Вдруг обожет поцелуем –
Ах!..Какая кокетка!!!

Может привидеться ведьмой –
Страшной и очень злой!
Ветреной привередой.
Пред тем, как уйти на покой.

Земля один раз повернется.
Могла ли Зима мечтать,
Что год Ей закончить придется.
И Новый вновь Ей начать!

Ведь крутится бесконечно
Колесо перемен.
И ручейком быстротечным
Зима превратится в тлен....!

Но... вновь Снежинка взметнется
Навстречу лучику Солнца.
И плод любви отзовется –
Капель прозвенит под оконцем!

ВЕСНЫ ДЫХАНЬЕ

Март подарил весны дыханье,
И ранним утром птичью трель.
Покроет травкой первозданной
Поляны солнечный апрель.

Май ослепит цветеньем луга,
Черемух облаком душистым.
Весна мне верная подруга.
И небо станет чистым- чистым.

Любовь возникнет ниоткуда-
Появится с капелью нежной.
Лучом она скользнет повсюду,
Коснется всех и вся прилежно.

Притронется к пушистой вербе,
К крылам пичужек незаметных.
Поможет тем, кто будет верным
В любви и дружбе непрременных.

Казанский район

Николай
Ольков

Казанский район – административно-территориальная единица (район) и муниципальное образование (муниципальный район) в Тюменской области России.

Административный центр – село Казанское. Район представляет собой территорию длиной 65,4 км и шириной 57 км, ориентированную с севера на юг. Расположен в поймах рек Ишим и Алабуга, имеет общие границы с Ишимским, Бердюжским и Сладковским районами области, а на юге – с Республикой Казахстан.

Площадь территории – 3,1 тыс. км². 78 процентов территории района занимают земли сельскохозяйственного назначения, 16 процентов территории занимают леса, 3,2 процента – реки и озера, 1,8 процента – земли поселений.

На территории района расположено 45 памятников федерального и областного значения. К ним относятся памятники истории (памятники погибшим в годы гражданской и Великой отечественной войны), памятники архитектуры (церкви), объекты археологического наследия (курганы, могильники и поселения эпохи неолита, бронзового и начала железного века).

Достопримечательности района составляют особо охраняемые природные территории: региональные заказники Афонский (17 215 га) и Дубынский (10 600 га), а также региональный памятник природы Ишимские бугры – Афонькинский (80 га). Территория Казанского муниципального района входит в водно-болотное угодье Российской Федерации «Тобольско-Ишимская лесостепь» международного значения. Поля и леса, реки и озера – это простор для грибников и ягодников, для любителей охоты и рыбалки, это возможность отдохнуть в красивом и благоприятном по природным условиям месте.

НИКОЛАЙ ОЛЬКОВ

АННА

Рассказ

Анну сегодня вымыли и положили в кровать, заправленную выстиранной печной занавеской и одеялом под другой тряпицей, которую она признать не могла, то ли с горничных дверей, то ли с полатей. Ольга еще в прошлую субботу сказала, что все постельное кончилось, истерли в стиралке, покрути-ка через день. Посыкнулась принести свое, только Анна тяжело махнула рукой: «Не надо!». Ольга хоть и родная племянница, только не разорваться бабенке, и работа, и ребятишки, и мужик пристрастился бражку ставить, всегда навеселе, а управа во дворе на ум не идет. Анна уже не горевала даже, что своих детей не родила, война оженела, видно, ее суженого, подходили ребята с фронтов, только не к ней. Сама себе признавалась, что не красавица, а то, что работающая – это в девке оценили бы потом, при семейной жизни.

Когда боли утихали, уходили куда-то, Анна вспоминала первое послевоенное лето, когда тихая, почти траурная деревня вздрогнула от множества мужских голосов, от разухабистой «тальянки», выводящей почти забытую «Подгорную», от радостных частушек молодых девок и вдов, на кого положил глаз демобилизованный холостяк. Анна сидела с подружкой на бревнышках, только та время от времени срывалась на круг, потому что перед ней топтался уставший от браги и пляски парень, приглашая к пляске. Пройтись впрысядку или иное коленце выкинуть он уже не мог.

Памятное было лето. Вернулся из Германии Федя Фаркоп. Она как сейчас его помнит: усатый, вся грудь в медалях, сапоги хромовые тоскующей гармошкой сморщены. И наглый. После вечеров догнал ее, подхватил под руку:

– АНЮшка, ты почто одна-то? Одной, поди, страшно. Давай, я тебя обниму.

Прижал к себе, а она и сердце поймать не может. Двадцать два годика, а не обнята, не целована. То не в счет, что ребятишек пятнадцатилетних совращали, тискали, к себе прижимали, до дури доходили, а потом гнали их, чтобы, не дай бог, до сладкого греха не упасть. А тут мужик, груди мнет, с ума сводит, шепчет, аскид, на ушко:

– Пошли, Анюшка, в баню, нынче суббота. Бани теплые.

Что там говорить – жаркая была баня... Федор сел на лавку, дрожащими руками поднес спичку к папиросе. Анна встала:

– Выдь на минутку, я обмоюсь.

Шли молча до Анниного переулка, тут Федор остановился:

– На деревне про баню не надо разговоров.

– Вот как!? А зачем ты на кофтенке все пуговички обобрал, шупался, в ухо

пел? Заскочил, как петух, и обратно на седало? Ох, дура я дура, неотесанная! Был бы жив тятка, он бы тебя оженил.

– Анюшка, ты чо на меня? Я тебе ничего не обещал, но, если в замуж не возмрут, буду приходить. Мать-то жива?

– Слава богу!

– Неловко при матери-то...

– Она на печке спит, да и глухая совсем, – соврала Анна и заплакала: обрекла себя в ту минуту на вечное одиночество.

Слух прошел, что с понедельника все на сенокос. Неделю шли дожди, да неделю солнце за день ни на минутку не пряталось, все старалось виновато подтянуть травы, сотворить семена в каждой, чтобы, осыпавшись, они ожили будущей весной. Травы дуrom дурят, старики говорят, что в Дикуше и на Зыбунах такого давно не бывало, чтобы пешему не пройти. Вечером по всей деревне стук молоточков: отбивают, оттягивают жало литовок, чтобы на покосе только легонько брусочком пройти с обех сторон, и опять коси. Литовкой бриться можно, рукавом от старой фуфайки одевают литовку, бечевкой перевязывают, чтобы не порезать кого и чтобы ненароком не притупилась в дороге. Мужние жены без горя, хозяин и литовочку подберет, и посадит на литовище, чтобы по руке и по росту. Анна пошла к крестному Максиму Хромому, он уж своей Марье наладил, вон, в углу стоит. Максим встретил с улыбкой, принял литовку, покрутил-повертел, выматерился:

– А Фаркоп-то выболел бы, если бы отбил да насадил, как следно быть? Ладно, не красней, дошли и до меня слухи. Жениться не звал?

– Нет.

– Если бы в старые годы – на куртал бы его сводили братья с отцом, вставили ума чуток. А нынче – Гитлер твоего жениха устосал, без соборованья, а Сталин разрешил мужикам ходить по бабам, солдатиков да доярочек ему делать, а помощи никакой, – ворчал Максим, разобрав Аннину литовку по частям.

– Я тебе черенок новый поставлю, этот подопрел, подведет среди дня. У меня на номер меньше есть литовка, с этой тебе к обеду воздуха не станет хватать.

Анна перебила:

– Не надо, крестный, маленькой мне норму не вытянуть.

– А сколько дали?

– Сказывают, по пятьдесят соток.

Максим выругался:

– В правленье совсем сшалели, или как? Да по такой траве полгектара только трактором. Посмотрю завтра, ихние бабы придут или в холодке отсидятся, а то, не пуще того, в председательской кошевке в лес по ягоды махнут. Смот-

рел я вчера по Пелевинской дороге – густо ягод, хоть лопатой сгребай. Хотел съездить между делком, да Вася Моряк утром кнутовищем с вершны в окошко стукнул: «Весь день литовки и грабли налаживать, а завтра с молоточком и наковаленкой быть у Коровьей Падьи, оттуда, стало быть, начнете».

Максим говорил и делал свою работу. На черенке выдолбил долотцом углубление, чтобы замок литовки закрепить, надел кольцо туго-натуго, из свежей вицы согнул новую ручку, стянул ее тонким кожаным ремешком. Спросил, есть ли оселок, порылся в ящичке, достал мелкий оселок. Анна взяла в руки литовку, отошла в сторонку, сделала несколько замахов – удобно, ловко.

– Спасибо, крестный.

– Айда, благословясь!

Пастухам было велено выгонять коров пораньше, они чуть свет – уже щелкали длинными кнутами своими, пугая собак и маленьких телятишек. Вся деревня на ногах, с литовками на плечах сходятся ко дворам возчиков, а те уже запрягли в телеги и фургоны лошадей, поправляют сбрую. Филя Смоктунок прилюдно начал мазать дегтем колесные ступицы, мужики с матерками помогали, поднимая телегу. Филя молча сносил обиды, потому что виноват, вчера прогулял, уж лучше здесь снести позор, чем среди дороги, когда безжалостно засвистят ступицы, и матерков будет еще больше. Подбегали запыхавшиеся молодухи, проспавшие зорьку и догонявшие со своими коровами уходящий в луга табун. Наконец, тронулись, и к выезду за околицу уже целый обоз выстроился, все собрались, Вася Моряк, только что вернувшийся со службы на Тихоокеанском флоте, проехал вдоль колонны, всех пересчитал и рысью поспешил подобрать место для стана.

Все собрались в круг, Анна огляделась: не меньше сотни человек. Бригадир вскочил на ближайшую телегу и крикнул:

– Товарищи! Сегодня у нас праздник – начало сенокоса.

В толпе громко засмеялись:

– Праздник!

– Семь потов за него!

– Бригадир, ты лучше про норму скажи!

Вася Моряк чуть стушевался, но быстро нашелся:

– Да, праздник, потому что от сегодняшнего дня зависит, будет ли скот с кормами, не придется ли поднимать коров весной на веревках, как в былые годы. А норма такая: пятьдесят соток для женщин и шестьдесят для мужиков. Сразу: кто перевыполнит хоть на пять соток, ставлю два трудодня.

«Ой, да хоть десять, все равно по осени на них ничего не выпадет, только бы должной не остаться», – подумала Анна и подошла к таким же одиночкам, как и сама, им вместе сподручней.

Катя Заварухина самая крепкая, пошла передом, за ней Валентина Ляжина, Прасковья Апрошина, и Анна встала вслед. Первую ручку шли долго, все приспособивались, надо одинаковый шаг установить, чтобы пятки друг дружке не порезать, не отставать, но и не забегать вперед. Тогда и дыханье установится, и сердце перестанет выскакивать.

Бригадир подъехал на своем Хулигане без седла, рубаха вся мокрая, чуб изпод бескозырки сосулькой висит. Женщины смеются:

– Тебя, Иваныч, не поварила ли холодной водой окатила, чтобы не яровал?

– Нет, родные мои, я с мужиками в одном строю, литовка у меня – девятый номер. Не мог же я опозорить Краснознаменный Тихоокеанский флот, намахался так, что сейчас только супу чашку и в Тихий Омут нырнуть. Тут не заяруешь!

– Смотри, не уплыви, а то и трудодни начислять некому будет, – смеются женщины.

Анна улыбнулась этим воспоминаниям. Действительно, какая артельная это работа – сенокос, здесь каждого видно, ни за кого не спрячешься, но за слабинку, за ошибку никто не осудит, не поднимет на смех.

Потом из больших эмалированных чашек (одна на пятерых) хлебали густой суп с бараниной, баранчика специально для косарей выписало правление колхоза. И хлеб напекла Аксинья Петровна – любо поглядеть. Калачи большие, высокие, мягкие, наломали их ломтями и кинули прямо на середину артельного стола – ешь, сколь хочешь.

В тот день они выполнили норму, хотя трава тяжелая, овсяница колос затвердила, визиль вяжется на литовку. Но сено хорошее будет, если без дождей сумеют сметать.

Лошадей Анна не любила, не то, чтобы боялась, а сторонилась и дивилась своим подружкам, которые получили по паре коней и по фургону, летом возили зерно на элеватор, лес, кирпичи на стройку, а как снег падет – одна работа: пара саней с широкими крыльями, и за сеном. Опять надо парой, одна со стога подает, другая на санях раскладывает, чтобы три центнера вошло и чтобы воз не развалился. Сложили воз, бастрыком его зажали, и так все четыре. К вечеру, если все нормально, дотянутся до сеновала, перекидают сено в большую скирду, тогда можно коней распрягать и домой.

Уговорили Анну, взяла она пару смиренных кобыл, закрепили ее за молоканкой обрат телятам возить и сливки в соседнее село на маслозавод.

Анна хорошо помнит тот день, все шло наперекосяк. Сначала Пегуха никак не хотела заходить под упряжь, потом на хомуте порвалась супонь, а на выезде с конного двора фургон зацепился колесом за воротину и своротил ее. Анна понужнула коней, чтобы скрыться, пока никто не видел ее греха.

На молоканке поставила шесть фляг со сливками и тронулась через мосток в

сторону Шадринки, где сдавала опломбированные фляги на маслозавод. Ее там знали, угощали хлебом с маслом, холодной закваской. Она уже представляла, как сдаст фляги, будет пить чай с белым хлебом, накрытым толстым куском холодного масла. Вдруг кони дернулись, встали на дыбы и метнулись в сторону. Анна видела, что через дорогу перемахнул огромный лось, уперлась ногами в поперечину и со всей силой натянула вожжи. Но кони дико неслись прямо по кустам, потом фургон попал в яму, опрокинулся, и Анна потеряла сознание.

Ее нашли к вечеру, увезли в больницу, с неделю ставили уколы, но голова болела. Врач сказал, что это пройдет со временем, и выписал на работу. Дома ее уже ждали. Колхоз предъявил иск за два с лишним центнера испорченных сливок. Бухгалтер так и сказал: либо возмещай убыток, либо колхоз подает в суд. А чем возмещать? Корову продать, и то не хватит, а без коровы совсем погибель. Нашлись люди, ходили в правление, просили списать за счет колхоза, только председатель и слушать не стал. Анне так и сказали:

– Он с производства направлен колхоз поднимать, ему наше горе непонятное.

Суд хотели провести в колхозе, только убоялись, что народ может под защиту взять подсудимую, Анну вызвали в район. Сидела она на боковой скамеечке, какие-то люди – ни единого знакомого лица. Она помнит, как ее это испугало: засудят, и заступиться некому. Какой-то человек подошел, шепнул тихонько:

– Приготовься, на полтора года поедешь в леспромхоз северный. Мне судья сказал.

Потом этот человек, которого объявили адвокатом, долго говорит про особую ценность социалистической и колхозной собственности, к которой некоторые граждане (он указал на Анну) относятся преступно халатно и заслуживают сурового наказания. Говорил еще один, в мундире, все грозил каким-то капиталистам, и тоже про народное добро, на которое посягнула подсудимая.

– Прошу суд, учитывая серьезность преступления и в назидание другим разгильдяям назначить подсудимой...

Анну не отпустили домой, две ночи ночевала в милиции, потом увезли на станцию и посадили в вагон, полный женщин. Никогда не бывавшая дальше своей деревни, Анна приткнулась с краешка нар, положив на колени узелок с парой исподнего. Она до сих пор помнит невысокую толстую женщину с воспаленными глазами, которая подошла, вырвала узелок, спросила:

– Что тут у тебя?

– Рейтузы да рубаха, еще рукотерт.

Женщина брезгливо сунула узел обратно. Подошла еще одна, постарше, Анне сразу показалось, что с добрым лицом.

– Ты из деревни? Я так и поняла. За что тебя?

– Лошади понесли, фургон перевернулся, а там фляги со сливками...

– Перебирайся ко мне ближе, нас тут от самой Москвы. А ту зэчку мы приструним. Это нарушение – собрали вместе уголовников и первосудок.

– Ты, видать, грамотная?

– Немножко. Я инженер, работала в лаборатории, ночью пожар, а я последняя уходила. Обвинили. Потом мне сказали, что электрокабель замкнул, но я уже осуждена.

Разгрузились на запасных путях большой станции ночью, колонной прошли через весь город, по шаткому трапу поднялись на баржу. Утром маленький парход потащил баржу на север.

Анна вернулась через два года. Мать едва дождалась, добрые люди помогли и сеном для коровы, и дровами. А в огородишке сама управлялась. Прибежали подружки-одиночки, выпили по стакану бражки за встречу, новости рассказали. Председатель колхоза теперь Гриша Антонов, долго служил на Востоке, а потом в заготконтору устроился. Сказывают, вызвали его в райком и сказали, что не к лицу фронтовику и коммунисту груздями да шкурками заниматься, надо ехать в родное село и поднимать колхоз.

– Анна, теперь у нас пимокатня своя, овечек развели каких-то лохматых.

– Саженцев привез Григорий Андреич, всю деревню вывел за старую мельницу-ветрянку, сад теперь у нас, говорят, на будущий год яблоки будут.

– Телятник новый достраивают, ты бы шла, просилась телятницей. Хоть в тепле.

Анна вздохнула:

– Намерзлась я, подружки, на всю жизнь.

Еще одну новость вспомнили:

– Федька Фаркоп утонул на Аркановом озере под пьяную лавочку.

Анна кивнула, мол, знаю, мама сказала.

Утром пошла к бригадиру животноводства, пока он в правлении находился, а среди дня где его сыщешь? Смотрит: вроде знакомый, из соседней деревни, колхозы-то объединили. Красивый мужчина, лет больше сорока, в галифе и хромовых сапогах, волосы назад зачесаны и чистые, аж пушатся. Узнала, как зовут, подошла:

– Степан Федорович, работу пришла просить.

Батурин посмотрел внимательно:

– А ты откуда взялась? Ни разу тебя не видел.

Анна опустила голову:

– Из заключения я. Вчера пришла.

– За что?

– За сливки.

Бригадир кивнул:

– Слышал про эту дурь. В иных местах тыщами теряем, а человека за рубль на каторгу шлем. Что можешь работать?

– Да все! – смело ответила Анна. – Мне сказали, что скоро телятницы нужны будут.

– Уже сегодня нужны, – ответил бригадир. – Только ты имей в виду, за телятами, как за малыми детьми, надо ухаживать.

Анна покраснела:

– Детей у меня нет, но телятишек люблю, со своими, бывало, разговариваю, а они прислушиваются, вроде понимают что.

– Вот и славно, завтра приходи на ферму, я подъеду.

В новом телятнике Анна набрала группу новорожденных, только неделю жили они с матерью в родилке, а потом она на руках, завернув в старое одеяло, переносила их в клетки, давала бутылку с соской, а если не принимал – поила с пальца, как дома. Она звала их ребятишками, каждому давала имя, понимая, что уйдут в среднюю группу – никто их там ласково называть не будет.

...Анна улыбнулась, и будто запах молочного тельенка вдруг напахнул, будто он, ласковый, нежно лизнул ее в щеку шершавым своим языком, как не раз бывало.

А до того она неделю наводила в телятнике свой порядок. Глиной с рубленой соломой промазала все пазы, побелила стены и клетки, у дверей сколотила ящик, засыпала опилом и попросила веттехника, чтобы привез ей бутыль той жидкости, которая все микробы убивает. На дощечке углем написала «Вход воспрещен!» и приколотила ее к дверям. Степан Федорович пришел посмотреть готовность, для приличия почистил подошвы сапог во влажных опилках, все осмотрел и довольно улыбнулся:

– Молодец, Анна, вижу: добрая из тебя телятница выйдет. Все, завтра новорожденные уже к тебе пойдут.

– Степан Федорович, скажите дояркам, чтобы они мне молоко сдаивали от крепких коров.

– Это ты сама решай. А тут что за веники?

– Из дома травы принесла, у меня их полно всяких, от всех болезней.

– Смотри, не перепутай, а ветврачи – народ капризный, случится падеж – припишут.

Анна улыбнулась:

– У меня не случится.

– Да вот и кстати разговор. Сохранишь весь молодняк – с каждой полсотни один твой, натуральная оплата. Ну, удачи тебе в работе.

Анна проводила гостя за дверь, обернулась, а на дощечке исправлена одна буква. Конечно, это он, а ведь ничего не сказал. Анна и сейчас помнит, как екнуло сердце и вспыхнуло давно не горевшее лицо. Остановилась: «Ой, чтой-то со мной?»...

Ольга накормила Анну, прибрала в избе и в горнице. Горенку-то пристроил еще Федя Фаркоп, хоть и наглый, а матери стеснялся. Выписал в колхозе лес, срубил троестен, позвал мужиков, и артелью приткнули сруб к избе, закрепили скобами, под окладник чурок набили, крышу общую навели. Это уж позже Анна купила шифер, сбросали дернины, сросшиеся потником, домик стал поприличней.

– Ладно, тетка Анна, лежи, я побежала, своей управы полно. Мой-то опять в загул ушел.

– Ты не ругай его, а поласковой, подлизнись, ему стыдно станет.

– Ой, тетка Анна, ему хоть кол на голове теши, неделю спит на диване, думала, может, среди ночи подсунется – куда там! Водка дороже бабы. Да, подобно тому, ему и баба-то не нужна.

– Только не ругайся, этим разозлишь, еще тошней станет. Оля, подай мне коробочку из комода.

– Которую?

– Ну, ты же знаешь...

Коробочку открыла, когда ушла Ольга. Вывалила все на одеяло. Взяла первый значок: медаль. Эту дали перед уходом на пенсию. А эта первая, тогда многих женщин наградили. Прасковье Апрошиной дали отрез крепдешина на платье, а Наташке Цыганке часы наручные. Анна улыбнулась, вспомнила, как материлась Наташка: «На кой мне часы, я цифры не знаю. Лучше бы отрезали на платье». А вот это тяжелое, большой орден, Степан Федорович сказал, что надо еще одну пятилетку так поработать, и можно к Герою представлять. Не получилось с Героем, председатель колхоза чем-то району не угодил, сняли, привезли какого-то очкарика с портфелем. А как народ жалел Гришу Антонова! Колхоз миллион прибыли получил, Григорий Антонович умолял на отчетном собрании не делить прибыль, а лучше провести по деревне водопровод и электричество. Цельное лето рыли траншеи под трубы, каждому отвели по тридцать метров, а глубина два с лишним. И рыли, больше экскаватора сделали. Потом колонки поставили на перекрестках, над ними избушки для обогрева, старых пенсионеров посадили на раздачу воды. Так же и под столбы ямы копали, потом чистили сосновые бревна, устанавливали и трамбовали грунт. Построили кирпичную электростанцию, немецкий дизель привезли. Приехала бригада из Казахстана, натянули провода, потом к каждому дому и по дому проводку. В полночь дежурный машинист три раза выключит свет, значит, через пять минут заглушит дизель. Чем не жизнь?

При очкарике колхоз перевели в совхоз, и сразу все переменялось. Собраний не стало, директор все решал приказом. С передовиков скатились, и награждать перестали. Вот еще кучка значков, каждый год давали «Победителю соцсоревнования».

Степан Федорович потом много раз рассказывал ей, что сразу заметил работающую женщину, громкоголосую, но безвредную, она не жаловалась никогда, а прямо высказывала все претензии телятницы к руководству, Степан Федорович старался поправить дела, чтобы в следующий раз вопросов было меньше. Он и сам не заметил, что зачастил в телятник, заботиться о подрастающем молодняке входило в его обязанности как заместителя председателя колхоза по животноводству, но люди-то видели, что не все так просто.

Тогда же устроили на ферме встречу Нового года, «Голубой огонек» назвали, посидели за столом в красном уголке, выпили, песен попели, даже потанцевали под гармошку, скотник Пантелей Шубин съездил домой, привез хромку. Расходились уже под утро, да так вышло, что мимо дома Степан утянулся вслед за Анной, догнал ее в калитке, придержал за рукав:

- Что же ты от меня бежишь, Анна, брезгуешь моими годами?
- Разговоров боюсь, Степан Федорович, жена у тебя и работа ответственная.
- В избу-то пустишь?

Она молча прошла в ограду, открыла дверь, в избе включила свет, задернула занавески на окнах, присела к печке и подпалила приготовленные заранее дрова. Не снимая полушубка, он привалился к столу, положил шапку на подоконник.

- Закурить разрешишь?
- Кури, вот блюдечко под пепел.
- Анна, я есть хочу, салаты-винегреты не по мне. Не дай с голоду помереть.

Она пихнула на элетроплитку кастрюльку с водой, сунула в нее кипятильник и принесла с мороза мешочек с пельменями. Порезала булку подового домашнего хлеба, из подполья достала грузди, огурцы и капусту, открыла банку помидоров, поставила бутылку водки. Готовые пельмени выложила в глубокую тарелку и залила бульоном:

- Угощайся, Степан Федорович.
- А себе рюмку?
- Не пью я совсем.
- Со мной. Прошу, Анна.
- Ради тебя только. С Новым годом, Степан Федорович!

Она пригубила рюмку, сморщилась и закусила грибочком. Степан густо обсыпал пельмени перцем, полил уксусом и хлебал деревянной ложкой вместе с бульоном.

– Анна, отчего замуж не выходишь? Женщина ты видная, все при всем, есть на что посмотреть, на работе молодец, в доме у тебя порядочек.

Анна смахнула слезу:

- В молодости не повезло на доброго мужика, а потом где его взять, толко-

вые все прибраны, а бросовые мне не нужны, лучше одной мучиться.

– Меня не прогонишь сегодня?

– Не прогону. Только до света домой уйдешь, чтоб не видел никто...

Всю историю своих мучений Степан рассказал Анне, когда совсем перешел к ней.

Конечно, со стороны это невозможно понять, потому что и года уже подпирают, и семья у Батурина немалая, два сына и дочь, теперь в чужих краях живут, давно на своих ногах. Жена бессловесная, никогда поперек слова не скажет, со всем согласна. Дом приличный, хозяйство, мотоцикл «Урал» ему через райком выделили, считай, первому в колхозе. Со стороны посмотреть: что не жить? А он зачастил к чужой бабе, да и не особо скрывался, а когда в колхозной бухгалтерии женщин за обсуждением непутевой Анны застукал, спокойно сказал враз онемевшим, что Анна теперь жена ему, фактически жена, и что формальности все для людей они на днях оформят.

Вскоре после этого в райком вызвали, на всякий случай партийный билет с собой взял, Анну успокоил: никакого значения для них этот разговор не возымеет, разве что ускорит события да кровь немного попортит.

Первого секретаря Рыбакова Степан хорошо знал, тот в колхозе бывал частенько, заместителя уважал, советовался по хозяйственным делам, но была за первым нетерпимость к вольным проявлениям, например, пристрастия к спиртному он не прощал, а еще любовных приключений. Поговаривали, что в молодые годы Рыбаков сам был ходок еще тот, но со временем образумился, да и должность уже не позволяла вольничать, все-таки деревня, не спрячешься, люди все видят. В душе Степан заранее смирился с любым решением райкома, но как-то занозило: партбилет он на фронте получал, правда, тот давно отняли и выдали в порядке обмена новый, но год-то вступления обозначен, 1943-й. Знатное было время, по всем фронтам наступали, Степан в роте автоматчиков один остался от первого призыва, всех друзей схоронил или по госпиталям растерял. Отдашь билет – как часть памяти выбросишь.

Перед самым обедом секретарша позвала его из коридора, он вошел в кабинет, в котором не раз бывал на совещаниях. Рыбаков кивнул, не вставая, и руки не протянул, это Батурин отметил и заодно утвердился, что добра ждать не приходится.

– Садись, – сказал хозяин кабинета. Гость примостился на крайний стульчик. – Рассказывай, Степан Федорович, как дошел до такой жизни.

– Вы про работу или про что, Василий Петрович? – неожиданно для себя переспросил Степан.

– Ты дурака-то не валяй, мы с тобой не тридцать ли годов знакомы, так что давай начистоту, что там у тебя с семьей?

Батурин хотел было сказать, что семьи у него давно нет, как детей проводили, так и нарушилось все, будто они развезли с собой все благополучие и благопристойность этого завидного дома. Куда-то в пустоту провалились беззаботные дни семейной радости, когда после долгого дня на работе он приходил домой, мылся в баньке, заботливо протопленной хозяйкой, говорил с ребятишками об учебе, об играх, о книжках прочитанных. Не было для него другой жизни, работа и семья, жена и дети. Конечно, не насильно его женили, к тому времени такая мода прошла, сам выбрал свою деревенскую, сразу после демобилизации. Он пытался после определить границу между нормальной жизнью и ее утратой, и находил эту грань как раз на прощании с дочкой, которая после техникума вышла замуж и без свадьбы уехала на Север. Родители остались вдвоем, и сразу стало заметно, насколько они чужие без детей. Степан испугался своего открытия, но каждый день подтверждал, что это правда. Нет, он не ругался с женой, не устраивали они скандалы на всю улицу, как это бывало кое у кого, и сковородками друг в друга не швырялись. Опустела вдруг душа, жену ни в чем не винил, да и сам долго не мог разобраться, почему пироги стали невкусными, почему незаметно стал ночевать на диванчике, сначала как бы случайно засыпал под телевизор, потом и вовсе перебрался.

– Что там у тебя с семьей?

– С женой разводиться буду, Василий Петрович, так получается.

– Ты к женщине этой совсем перешел, с вещами?

– Пока нет, иногда дома ночую, хозяйство все-таки, надо поддерживать.

Секретарь встал из-за стола, прошелся по кабинету:

– Нехорошая картина вырисовывается, Степан Федорович, для руководителя, для члена партии, что люди говорят, ты знаешь? А говорят, что коммунист не может вести аморальный образ жизни. Ты согласен?

Степан напрягся:

– Не согласен, Василий Петрович, потому что коммунист тоже человек, а у человека чувства есть, как тут быть? В уставе нигде не написано, что я должен жить с нелюбимой женщиной.

– Ишь ты, какой теоретик, под свое многоженство уже марксизм подвел. Ладно, не пузырись. Ты кругом неправ, потому слушай. Выговор по партийной линии получишь, на работе оставим, тебе сколько до пенсии?

– Два года.

– Доработаешь, там посмотрим. Имей в виду, поблажка тебе только за счет твоих заслуг, а что касается женщин, ну, подумай сам, Степан Федорович, дай сегодня волю – половина мужиков своих баб бросит, ведь так?

Батурин опять хотел сказать, что партийной дисциплиной семью не удержишь, но перечить не стал.

Анна никогда никому не говорила, даже близким подружкам, как они живут со Степой, боялась взглянуть. Первое время она просыпалась среди ночи, выпрастывалась из крепких объятий мужа и суеверно смотрела на его лицо. Каким родным оно было для нее, женщины, ставшей законной женой в сорок пять лет! Вот эта родинка над бровью, шрам на щеке через всю шею, ножом в рукопашной на фронте получил. Морщинки у глаз появились, раньше не было.

Степан звал жену Анной, и дома, и на людях. Завел хозяйство, корову и овец, весной цыплят привозил гусиных и утиных, благо озеро за огородами. В кампаниях садились рядом, захмелевший Степан обнимал Анну и спрашивал на ушко, но чтоб другие слышали:

– Анна, скажи, ты меня любишь?

Анна смущалась и краснела. Крестный Максим Хромой однажды выговорил Степану:

– Степан Федорович, вот ты давечь опять про любовь. Тебе седьмой десяток, как может быть любовь?

Степан широко улыбнулся:

– Максим, я тоже не знал, пока Анну не встретил. Любовь такая, что я без нее за стол не сяду и в постель не лягу. Вот обняла она меня, поцеловала – я сплю, как младенец. А ты?

Максим махнул рукой: что, мол, с тебя возьмешь, малохольного?!

Степан умер во сне и так тихо, что Анна не слышала. Проснулась: пора вставать. Надо через мужа тихонько перелезть, и сколько она ни старалась, он всегда просыпался и крепко обнимал ее, горячую со сна. А тут перелезла, поправила на нем одеяло и вроде пошла, но вдруг вернулась, увидела перекошенное лицо, схватила за руку – холодная. Не помнит, как выскочила во двор, добежала до Ольги, та вызвала участкового и медичку. Ольга же обошла соседей, покойника обмыли, одели, положили на плахи, закинутые половиками. Анна два дня просидела в изголовье, гладила волосы, поправляла воротник рубашки. Вспомнила: ко Дню Победы купила мужу, шибко она ему нравилась.

На кладбище, когда стали заколачивать гроб, она вскрикнула и потеряла сознание. С тех пор не вставала, не жаловалась, потом отказалась от еды, от лекарств, не согласилась ехать в больницу. Ольга видела, как она гаснет. В последний день поманила племянницу взглядом, шепнула:

– Степину могилу откопаете, там мое место.

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

Ханты-Мансийск

Николай
Вторушин

Ханты-Мансийск – город в России, административный центр Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и одноимённого муниципального района. Ханты-Мансийск расположен на территории Западно-Сибирской равнины, на правом берегу реки Иртыш, в 20 километрах от места слияния с рекой Обь в природной зоне тайги. В ходе разведки тюменской нефти Ханты-Мансийск стал одной из баз геологоразведчиков: здесь работали Геофизический трест и объединение «Хантымансийскнефтегазгеология».

Достопримечательности

В Ханты-Мансийске единственный в России и мире Парк славянской письменности и культуры, Парк победы с Аллеей героев, Парк Бориса Лосева, природный парк «Самаровский Чугас», 6 общедоступных библиотек с книжным фондом около 300 тысяч экземпляров, 5 государственных музеев (среди них старейший музей округа – Музей природы и человека, музей под открытым небом «Торум Маа») и картинная галерея Фонда поколений с 352 тысячами экспонатов), концертно-театральный центр «Югра-Классик» с залом на 1360 мест, кинотеатр на 200 мест и киноvideocентр на 40 мест, два муниципальных клубных учреждения (КДЦ и «Орфей» на 120 мест), театр обско-угорских народов и театр кукол, центр культуры и народных ремёсел, Центр искусств для одарённых детей Севера с двумя концертными залами на 800 и 120 мест, культурно-досуговый центр для студентов на 67 мест. Одной из достопримечательностей Ханты-Мансийска стал «Археопарк», расположенный вдоль Объездной улицы у подножия Самаровского останца.

Культурные события

В 1993 г. в Ханты-Мансийске состоялся IV Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов.

С 2003 года в конце зимы город по традиции принимает Международный фестиваль кинематографических дебютов «Дух огня». Президентом и идейным вдохновителем фестиваля является кинорежиссёр Сергей Соловьёв.

В 2008 г. Ханты-Мансийск принимал Всемирный конгресс финно-угорских народов и V Международный фестиваль ремесел финно-угорских народов «Югра – 2008». В работе Конгресса приняли участие 300 делегатов из 11 стран мира, 350 наблюдателей, официальные лица, журналисты российских и иностранных средств массовой информации. В работе конгресса участвовали президенты Финляндии Тарья Халонен, Венгрии – Ласло Шойом и Эстонии – Тоомас Хендрик Ильвес. Также присутствовали главы республик Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, руководители Пермского и Красноярского края, Ямала.

НИКОЛАЙ ВТОРУШИН

ОХРАННИК

В один из погожих дней осени женщины поселка Цынгалы собрались в лес за боровой ягодой. Идти с ними, из мужского населения, изъявил желание лишь один, туговатый на ухо, Петр. - Толку, конечно, с этого глухаря мало-вато, - решили ягодницы, - но, на всякий случай, какая-никакая, а охрана будет.

Придя на болото, все разбрелись, кто куда и занялись привычным делом.

Прошло, может, часа два или больше, как вдруг на противоположном краю болота появился громадный медведь. Он постоял, понюхал воздух, повернув морду в сторону сборщиков ягод, и неторопливо направился прямо на них. Женщины, побросав ведра, с визгом бросились бежать в домашнюю сторону. А глухой охранник, тем временем, деловито продолжал собирать ягоды. Но когда он, с удивлением, увидел пробежавшую мимо женщину, потом другую, понял, - что-то тут не так. Петр привстал, чтоб осмотреться по сторонам и тут же снова плюхнулся на кочку, - медведь шёл прямёхонько на него...

Мгновенно оценив ситуацию, мужественный охранник, бросился вслед за женщинами. Громадными прыжками он догнал крайнюю и, схватив ее за воротник, отбросил прочь с пути. При этом он так рывкнул, что медведь, до этого не обращавший на людей никакого внимания, остановился, поднял голову и снова стал прислушиваться. Петр же, как молодой олень, неся вперед, обгоняя или отбрасывая с дороги, вверенное ему для охраны, женское подразделение. И только оставив всех далеко позади себя, он сбавил спринтерский (достойный олимпийского рекорда) темп, постепенно перешел на шаг и, наконец, обессилив, присел на пенек посреди поляны. Когда дыхание немного успокоилось, достал сигарету и, ломая трясущимися руками спички, прикурил.

Понемногу на поляну стали выходить измученные ягодницы: кто, прихрамывая, кто с непокрытой головой и растрепавшимися волосами, кто, хватаясь за грудь или поясницу. Женщины, тяжело дыша и вытирая пот, собрались вокруг, курившего, с угрюмым видом, Петра и стали обсуждать происшествие. Постепенно мандраж прошёл и веселье, как выход из стресса, овладело ими.

- Ладно, что хоть мы охранника с собой взяли,- сказала одна из них. - Богатырь! Илья Муромец! Это ж надо такую силу иметь – меня, наверное, метра на два отбросил! А рычал-то, рычал как!? Медведь, наверняка подумал, что тут какое-то чудище объявилось, и чесанул в согру! Как пить дать, его, с испугу, кровавый понос хватил! – добавила другая.

- А знаете, девки, я без этого омовца – в лес ни ногой! От его рыка даже листочки с берёз посыпались, где ещё такую охрану сыщешь? Приду домой бутылку ему поставлю, за то, что хоть не затоптал в болото, а в сторону отбросил! – подмигивая ей, вступила в разговор третья.

Петро сидел, безучастно молчал, и прикуривал, всё ещё трясущимися руками, одну сигарету за другой.

- Все слышит, глухая каналья, только вида не подаёт, - снова вступила в разговор первая, и дружный бабий хохот эхом покатился по лесу.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

В одну из отстающих бригад на проведение посевной и для поднятия производительности труда (дело происходило в конце Великой Отечественной) приехал уполномоченный. В разгар рабочего дня на краю поля, возле дороги, начальственный глаз его увидел заглушенный трактор, из-под которого торчали кирзачи тракториста.

- Ага! - радостно подумал уполномоченный, - лодыря гоняет! Попался голубчик! Посевная идет во всю, а он спит под трактором, - и приезжий начальник потихоньку стал подкрадываться к бездействующему агрегату. Однако, подойдя ближе, вместо храпа он услышал ругань вперемежку с отборнейшим матом. Костеря всех правых и неправых, тракторист, крыл по матушке колхозную власть, а заодно и районное начальство, вперемежку со святыми...

- Вот-вот, - плотоядно ощерился, подобравшийся к торчавшим сапогам, уполномоченный, - он еще и Советскую власть поносит...

С этими мыслями полпред цепко ухватил ногу тракториста и с силой стал трясти:

- Эй, работничек, а ну вылазь, ишь, как хорошо устроился! Люди на фронте кровь, понимаешь, проливают, а он тут прохлаждается, да еще и власть Советскую материт! -

Под трактором наступила тишина, затем послышалось звяканье ключей, и, наконец, на белый свет выбрался большой однорукый человек с перемазанным мазутом лицом. Уполномоченный невольно попятился. Тракторист же с ненавистью взглянул на упитанного начальника, нащупал единственной рукой, прислонённый к гусенице, лом и со словами:

- Ах, ты, крыса тыловая! Вошь тифозная! Фашист недобитый! – пошел в атаку на ретивого представителя власти. Уполномоченный, придерживая на ходу форменную фуражку, резво выскочил на дорогу, и, оглядываясь и спотыкаясь, помчался к, стоящей неподалёку, подводе с водой. Когда он подбежал к водовозу то, кивая в сторону тракториста, спросил, задыхаясь и крутя пальцем у виска:

- У него что, не все дома?

Водовоз испугано посмотрел на вспотевшего начальника и с готовностью ответил:

- Да, он руку потерял, и старшой брат у него на фронте...

Уполномоченный недоуменно и запоминающе посмотрел на водовоза, и, не сказав больше ни слова, поспешил за разъяснениями в правление колхоза.

ЭКСТРАСЕНС

С некоторых пор Владимир Иванович вдруг стал чувствовать в себе магическую силу экстрасенса-целителя. Особенно, по его убеждению, способность излечивать страждущих проявлялась после принятия им изрядной дозы спиртного. И как только Владимир Иванович чувствовал в себе подъем энергетических сил, у него возникала необходимость изловить пациента для проведения оздоровительного сеанса. Остановив жертву, он участливо спрашивал, каким недугом она страдает. Если следовал ответ, что никаким, то экстрасенс, хищно улыбаясь, отвечал, так, мол, не бывает. Болезнь у тебя, однозначно, есть, а причина вся в голове. А, чтобы жертва вовремя не опомнилась и не дала деру, он тут же приступал к священнодействию. Возносил руки над головой больного, растопыривал пальцы и, оскалив зубы от волевого напряжения, в течение нескольких минут омывал голову больного «целебными биотоками», исходящими из его чудодейственных ладоней. Окончив сеанс, Владимир Иванович устало опускал свои руки и говорил о необходимости проведения еще двух-трех подобных процедур. Затем шествовал дальше с намерением излечить кого-нибудь еще, но встречный народец, заметив его долговязую шатающуюся фигуру, старался улизнуть с дороги.

Однажды Владимир Иванович в крепком подпитии зашёл в гараж. Двое рабочих леспромхоза Игорь и Александр, заметив, что в экстрасенса влило немало «энергетических» сил, пошептавшись, решили проучить его.

- Слушай, у меня сегодня голова побаливает, - обратился Игорь к экстрасенсу, - и что делать – не знаю, может, полечишь? Владимир Иванович тут же, оскалив зубы, воздел руки над головой Игоря. И вдруг глаза больного закатились, ноги подогнулись в коленях, и он повалился на верстак. Целитель

мгновенно убрал руки от головы пациента, и стал растерянно озираться по сторонам.

Александр, незамедлительно подскочил к, «потерявшему сознание», товарищу, и грубо оттолкнув экстрасенса, крикнул:

- Слушай, лекарь, это что ты с ним такое сделал? Он же, наверное, в коме!? - и тихонько похлопывая Игоря по щекам, добавил, - это какой же заряд магической энергии надо выдать, чтобы человек сознание потерял! А, может, он и вовсе очурился? Вроде не дышит...

Изумлённый Владимир Иванович, не в силах вымолвить даже слово, молча стоял с открытым ртом.

Вскоре Игорь, лежавший без движения на верстаке, зашевелился, открыл глаза, направил блудливый взгляд на целителя и вдруг, вскочив, с яростным возгласом: - Ты что со мной сделал, чёртов лекарь?! Издеваешься, да? - бросился на него с кулаками. Александр, поспешно встав между экстрасенсом и «вышедшим из комы» другом, крикнул целителю:

- Чеши быстрее отсюда, а то он тебя убьёт!

- Ты извини меня, парень, что я малость не рассчитал безграничные возможности своего дара! - отступая, пробормотал Владимир Иванович дрожащим голосом и, нащупав дверь, пулей сквозанул из гаража.

После этого случая целительный дар «экстрасенса» как рукой сняло, хотя энергетические силы он вливал в себя, как и прежде.

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

Нижневартовск

Марина
Александрова

Даниил
Опочницкий

Елизавета
Белозёрова

Кирилл
Ниренберг

Джек
Вордсворт

Шамиль
Мамедов

Надежда
Ткачук

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – субъект Российской Федерации, входящий в состав Тюменской области. Находится в Уральском федеральном округе. Округ является экономически самодостаточным регионом-донором. Основной нефтегазоносный район России и один из крупнейших нефтедобывающих регионов мира.

Занимает 3-е место в «рейтинге социально-экономического положения регионов России», а также 2-е место по масштабу экономики в России (уступая лишь Москве).

Административный центр – город Ханты-Мансийск, крупнейший город – Сургут.

Культурный ландшафт ХМАО – Югры определяется как доминирующим населением, так и населением, имеющим отличительные особенности народов Севера (прежде всего ханты, манси, ненцы, селькупы и др.), возрождение и развитие духовности которых стало общегосударственной задачей Российской Федерации. В регионе с 2013 года принята стратегия политики органов государственной власти в сфере культуры, ежегодно Правительство ХМАО – Югры делает доклад в Думе Автономного округа по данной деятельности.

Правительство Югры уделяет особое внимание благополучному и устойчивому развитию народов Севера, проживающих на территории региона. В 2016 году обрядовый комплекс северных хантов «Медвежьи игрища», восстановленный по инициативе мансийского писателя Ювана Шесталова, был внесён в федеральный каталог объектов нематериального культурного наследия народов России и получил дополнительную поддержку со стороны государства.

Общая инфраструктура учреждений культуры на территории Автономного округа включает многочисленные историко-краеведческие и антропологические музеи и организации, библиотеки, учреждения образования (включая этнографические коллективы), театры, кино, научные коллективы, объекты духовности и веры, места с достопримечательностями региона.

С 2003 года в округе проводится Международный фестиваль кинематографических дебютов «Дух огня». Идея создания кинофестиваля принадлежит кинорежиссёру Сергею Соловьеву, а одним из его организаторов был актёр и режиссёр Александр Абдулов, который пять лет являлся вице-президентом «Духа огня». В программу МФКД входит международный конкурс и конкурс российских дебютов.

На территории региона находятся значимые памятники истории и культуры, музеи, театры, археологические комплексы, имеется современная инфраструктура для любителей культурно-познавательного, рекреационного и активного отдыха.

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА

Левая рука правую калечила:
«Нечего кормить это тело, нечего!»
Правая рука ныла недоверчиво:
«Рот поможет нам помириться вечером?!»
Вечером – смотри: тело у обочины,
Голодно внутри, волосы всклокочены...
Тема не нова – кем-то заморочены
(Сами «хороши», между прочим, мы)
Мысли...

ХОРОШИЕ

Каждый считает себя хорошим:
«Не понимают, на самом деле».
Камень на камень, в муку крошит
Всё, что мы ждали и что хотели.
Нам бы вспахать и взрастить живое,
Не взрывать, не считать, что хуже
Те, кто в таком же тугом настрое
Рядом блажат, и сильны, к тому же.
Но, и не им рассуждать о вечном:
Не понимает и знать не хочет –
То ли в смертельном, то ль в подвечном,
Рядом сосед о земном хлопочет.

ДОГОНЯЛКИ

Извините, не читаю
Всё своё я наизусть.
Столько вариантов знаю –
Увлекусь и не вернусь.
Посмотрите – стих, как птица,
Что к свободе рвётся ввысь.
Удержу – строка ложится...

В стаю птицы собрались.
А потом листочек – посах,
Я держусь его в пути:
Повторить творенье способ,
А не новое найти.
А ещё страница – ноты,
В них мелодия легла,
Смысловые повороты,
Что когда-то догнала!

Л

Пеной - брехня,
День убог и сир,
Сердце - как ёж от стрел.
Лопнул верх «Я»,
Как мыльный пузырь,
И остаётся «Л».
Лопнуло «Я»,
Остаёмся мы,
Снова спасает «Л».
Где-то друзья,
Но для их зимы
Холод моей - предел.
Холод - поверх,
А под ним вулкан
Страсти, что не сбылась.
«Л» из прорех
Не поймать рукам,
Из восклицаний вязь -
Охи да ахи:
Уходит «Л»
И забирает страсть.
Копятся страхи,
Любви отстрел
Сбылся. Я не сбылась.

ЕЩЁ РАЗ О СЧАСТЬЕ

Можно всех сделать людей счастливыми?
Только их обмануть!
Счастье приходит невыносимое,
Сердцу – не продохнуть...
Если идти и искать, окажется:
Счастье в самом пути.
Счастье не каждый признать отважится,
Знать бы нам – что найти...
Целей достаточно, все интересные.
И достижимых – тьма!
Мне же досталась давно известная,
Не-до-сти-жи-ма...

ЛИПОВЫЙ ЧАЙ

Душистые цветущие деревья,
Жужжанье пчёл и шорохи листвы...
У летних дней есть время для цветенья,
У поколенья – время для любви.
А после и покой, и увяданье.
Вязание, а как же без него!
Присмотришься – продлится узнаванье,
Нет равнодушных после – никого!
Из липы чай, когда заваришь цвет,
Даст аромат и умиротворенье.
Да славит жизнь июльское цветенье:
Для поколений многих вечный свет,
Которому конца и края нет,
А есть и красота, и вдохновенье.

СТЫД

*«В кедрач, как в храм,
Вошла Екатерина...»*
Владимир Мазин

Людам не интересно жизнь посвящать дарам:
Дарят другие - лестно, пресно, что даришь сам
Сущему возле дома, ближнему и родне.
Вместо травы - солома, вместо тропы - стерне
Быть.
И богатым, бедным не обрести покой.
И за грошом медным, да за куском хлебным,
Как со стыдом первым с холодом и тоской
Жить.
Парк - словно храм природы. Лес - природа сама.
Парк создавали годы. Лесу - столетий - тьма.
Гол человек, не нищ, и стыд познает когда,
Шкуру, кусочек пищи, храмы и города,
Женщин хватает вместо парка, который храм,
Леса, где всем не тесно. Жизнь посвящать дарам
Людам не интересно.

ДАНИИЛ ОПОЧИЦКИЙ

ВЕРБЛЮД

Я – верблюд. Приходите смотреть на меня в зоопарке. Оглушите затворами, ропотом сварки. Расскажите знакомым, друзьям. Мои веки устало глаза прикрывают, жить забавно, родившись диковинной тварью в окружении обезьян.

Моя морда нелепа, спина двоегорба, и кудрявая шерсть, как тюремная роба, выцветает у всех на виду. Эти ноги кривые, отсутствие злобы на людей, окрестивших верблюда уродом, могут встретиться только в бреду или в клетке, за рвом и железным забором.

Закрываю глаза: перед внутренним взором предстает мой оазис, родные просторы и со старой верблюдихой вечные споры. Мои мысли верблюжьки покажутся вздором добрым гражданам вечной зимы. Я полезен лишь тем, что на фоне верблюжьем ваши жизни, прожитые неуклюже, уже будут не так смешны.

Я – верблюд. Значит, можно глазеть, измываться, повторять мои жесты в насмешливом танце, тыкать пальцем в огромное сердце. Для меня ваши визги, знакомые с детства, это голос судьбы и вернейшее средство от надежды на вольный бег. Только царь ли зверей человек?

Существо, позабытое родиной, Богом, находящее смерть на проторенных тропах, заменившее радость любви и галопа возведением братьев своих на Голгофу?

Я – верблюд. Ну а вы?

Приходите смотреть на меня в зоопарке.

* * *

Впадая в сладостный разврат не изгнанная Ева
Была уверена, кара далека и ела.
Теперь мы смертны и страдаем без причин,
Хотя могли бы нежиться в Эдеме,
Но непреклонны Бог-отец и сын.
Я понимаю змея. Так прекрасно
Струиться, упражняясь в мастерстве
Сладкоречивого соблазна.
И плод непозволительный вложить
В ладонь наследницы божественного царства,
При этом проявив стремительность и прыть.
Пройдут года, родятся поколения,
Но в солнечных лучах, без всякого сомнения,
Под яблоней, под дубом, елью, липой,
Билбордами бессонных городов, в безвременье
В голодный год и в сытый
Стоит все так же Ева, и вкушает
Свой самый честныйпервородный грех.
Я искренне жалею тех из Ев,
Кто змея своего еще не встретил.
Ведь жизнь дана нам для соблазнов и утех
И глупо быть за грех чужой в ответе.

ТЕМНАЯ ЛЕСТНИЦА

Жизнь – это темная лестница, на которой мы курим.
В небе звёзды горят и безумно несётся Меркурий.
С быстротечностью речки утекает сквозь пальцы счастье,
И при каждой затяжке мы прощаемся с прошлого частью.
Наши частные жизни всё дальше на звёздной плоскости
Неприлично падать в забвение – в нашем-то возрасте.
Нужно бодро смотреть на ступени, слепо шагая
Вверх, чтоб потом повторить бравый подвиг Шалтая-Болтая.
Я не знаю, в чем дело: сигаретный дым выжигает
Безрассудство любви. Твои слезы – вода простая.
Утечёт и не вспомнишь – впереди ещё сотни ступеней.
Поднимаясь по ним, ты забудешь меня постепенно.
Поднимаясь по ним, я надеюсь писать научиться

И оставить засечки для тех, кто поднимет лица,
Чтобы вольно нестись к безразличным холодным высотам,
Чтоб до неба добраться и разузнать, кто там.
Я стою и курю, опираясь рукой на перила.
С каждой новой затяжкой какая-то странная сила
Говорит мне шагать, чтобы с каждой строкой новой
Становиться для Господа чуть важней и весомей.
Вспоминаю тебя, и ты кажешься мне иконой.
Скромной, близкой, родной. Если верить словам Ньютона,
Я продолжу идти, все сильнее к тебе тяготее,
И упрусь головой в холод на ночь закрытой двери.
Жизнь – это темная лестница, на которой разбросаны кости
Безымянных поэтов, спешивших к вечности в гости.

Я БЫ ЖИЛ В ГЛУХОЙ ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

Я бы жил в глухой провинции у моря.
Предпочтя Борею дикому Зефира,
Слух ласкал бы переливом лиры,
Забывая запах мертвой хвои,
Забывая душные квартиры.

Я бы жил, люблюсь водной гладью,
Во служенье истинной Богине.
В честь нее смакуя чинно вина,
И стихи читая перед ратью
Звезд морских, дельфинами любимых.

Я б растил бумажные громады,
Что истлеют, не увидев света.
И давал бы мудрые советы
Звездам ночи, падающим градом
В соль ночных прибороев безответных.

Умер бы, твои колени глядя.
Уперев незрячий взгляд в пучину.
Представляя из себя лучину
Для костра, да пару белых пятен.
На листах литературы мира.

ЕЛИЗАВЕТА БЕЛОЗЁРОВА

Мчат оконные проемы
Бесконечной полосой –
Снова еду не из дома,
Снова еду не домой.

Убегая без оглядки,
Повернешь и Время вспять,
Только, с ним играя в прятки,
Очень страшно проиграть.

Тонут вечные вопросы
В растревоженной пыли,
И проехали колеса
По «карьере» и «любви».

Удушающе грудой
Навалились города –
Снова еду ниоткуда...
Снова еду в никуда...

Ты ведь слышал, ты тоже слышал
Про людей, что живут иначе?
Где-то здесь, где-то очень рядом,
Только нам до них не достать.
Мы на них – за стеклом – смотрим,
Как аквариумные рыбки,
Мы кривляемся, им – потеха,
Только им не услышать нас.
А они так живут гладко,
Посмотри, их всю жизнь греет
Их намоленная правда
И предписанная любовь.
Если б мне только дверь открыли
В этот мир облаков и перьев,

Я жила бы вот так просто,
Я была бы одной из них.
Мне бы петь и не врать ноты,
Мне играть бы всегда по тексту,
Я смирилась бы – это лучше,
Чем вот здесь, за толстым стеклом.
Ты смеешься? Опять смеешься...
Ну да будет так.

Дон Кихот оставил Дульсинею
Погибать на огненном кресте;
Уходи – погибнет вместе с нею
Песня о любви и красоте,
Пусть одна и мечется, и рвется,
Дон Кихот – неисправимый лгун.
Хорошо, скажи, тебе живется
Среди фальши проржавевших струн?
Как поешь ты огненно и страстно,
Так легко забудешь о словах,
И вздохнешь: мол, умерла напрасно,
Опорочишь в песнях и стихах.
О тебе смолчит библиотека,
Про тебя не сложится рассказ,
Дон Кихот компьютерного века,
Потерявший даже медный таз.

Мне тебя не отнять
У твоей Галатеи,
Вместо мрамора – кожа
Под броней корост;
Мне лежать на камнях
Перекрученным змеем,

Вечной глупостью свой
Поедающим хвост.
И, собою давясь,
Словно в душевной чахотке,
Я тебя прокляну
Уж за то, что ты смог
Подарить ей легко,
Бессердечной красотке,
Все, в чем мне отказал
Мой прожорливый бог.
Нет, она для тебя
Не сойдет с пьедестала,
И себя изрыгнуть
Не дано мне и впредь,
Но в тебя проросло
Ядовитое жало,
Галатея твою
Не оплакала смерть.

CASTA DIVA

Не смотри на меня так правдиво,
Словно мысли твои без греха.
Я бы спела тебе «Casta diva»,
Только голос дает петуха.
Я б сыграла тебе на рояле
Фридерика изящный ноктюрн,
Только скрип моей старой педали
Стал слышнее, чем пение струн.
Не гляди на меня так сердито,
И не мудрствуй, и не лукавь,
Ведь душа моя ныне открыта –
Заходи, но надежду оставь.

MADONNA SISTINA

Мадонна с младенцем прелестным,
Откуда, скажи, ты сошла?
С небес ли, с земли ли чудесной
Ты нам это чудо несла?
На мир ты взираешь с любовью,
Покорна известной судьбе:
«Мой Сын, и страданием и кровью
Придётся умыться Тебе».
Младенец, Спаситель, сын Бога,
В недетских глазах твоих страх,
Марии ль ты понял тревогу,
На ласковых сидя руках,
Иль ты уже чувствуешь, знаешь,
Какой тебе путь проходить?
Ты к маме головку склоняешь,
Как будто прося защитить.
Она же смиренно и смело
Несёт Тебя в мир для людей.
Быть может, она бы хотела
Тебя оградить от страстей,
Но в жертву и миру и Богу
Себя и Тебя принесла,
Сколь ни была тяжкой дорога,
Она её всё же прошла.
Любуясь божественным даром,
Что дева несёт на руках,
И Сикст, и Святая Варвара
Застыли со счастьем в очах.
И, кажется, время застыло –
Любуйтесь! – Мадонна с Христом,
Замрите! – великая сила.
Оставьте дела на потом,
Идёт Богородица с Сыном,
Прекраснее женщины нет,
Идёт Богородица с Сыном,
А с нею – надежда и свет.

КИРИЛЛ НИРЕНБЕРГ

* * *

Пол ночи не спал, пол ночи ходил по квартире в бреду,
Я так испугался, что больше тебя не увижу и больше не обниму.
Билеты куплены, даты назначены, а мысли ни к черту.
Я набираю твой, номер сбрасываю, набираю, сбрасываю –
время то сколько.

Мне не хватает твоих рук, твоего дыхания, в комнате душно.
Я бы сейчас напился, но это совсем не нужно.
Беру акриловые краски, снова мажу холсты.
Мне без тебя моя родная, пол кровать потолок – хуже тюрьмы.
Улыбаюсь, а я ведь кричал, «счастливые не пишут стихи»,
Я расскажу тебе про волны, если захочешь,
Ну как в песне у ассаи – южные сны.
Пол ночи не спал, пол ночи ходил по квартире в бреду,
Пил зелёный чай, смотрел наши фото,
И понимал, как я сильно тебя люблю...

* * *

Дни, летят незаметно, как песок сквозь пальцы,
На дне, темной реки, я искал тебя,
Глазами в прохожих, лишь в лужах,
Видел своё отражение. В дешевом фотоальбоме
Память, еще одну страницу, вырву и выброшу.
И я любил тебя, так по-настоящему, чистому,
Как ребенок любит родителей.
Смотри, на холсте краски сгущаются,
Еще немного и во всех домах закроются окна,
Свет от свечи погаснет, пальцы обожженные воском,
Останутся шрамы, на груди моей,
От выстрелов твоих, ржавой винтовки,
Воспоминание – иголками, душу мою пронизывают.
Моя любовь, моя вера неистова.
Пусть чужими руками обласкана,
Тяжелый дым сквозь зубы выдавливал я,
Но я знаю, что ты несчастлива,
Панихидный наряд свой потаскивая.

Засыпать и просыпаться с желанием,
Объятия нежного – моё чувство продажное.
Проститься – нам судьбой было начертано,
Кто-то до нас, тоже самое, на кухне делали,
И всё разбитое не на счастье, не склеится,
Закрыв уши ладонями, ты сама в это не верила.
Выйдешь в поле ты цветами усыпанное,
Соберешь их в охапки, будешь песни петь голосистые.
Морю дней отведенных – моё пристанище,
Я счастлив за тебя, по настоящему, искренне.

АГАТА

Только не окажись как те, что уходят поутру.
Холодная постель, я провожатый, снова курю,
Как покинутый остров, стихи без смысла, пустая речь,
Не смущайся, когда взгляд напротив, губами касаюсь плеч.

Сердце собирая как пазлы, снова поверить в любовь,
Я рисовал эскизы, создавая мир из цветов.
Мне тебя не хватает, не хватает времени,
Дыма в лёгких, крепкого кофе, запаха духов.

Ты и я - это герои из романа ремарка,
Сердце стучится так громко - механизм часов,
Только не уходи, остановись, мгновение,
Музей мадам тюссо.

Сколько жизни в твоих глазах,
Ночь, так тихо, тело дрожит.
Только не окажись как та, что клянется,
После бежит, я устал быть одиноким.

Одиноким, точно сто лет,
Скитаться по барам, заливаться спиртным,
Ища в прохожих твой силуэт,
Только не окажись, не окажись чужим.

ГУБЫ

До безумия нравятся женские губы,
Их изгиб, вкус, цвет, толщина.
Извольте, не будьте одиозно сугубы,
Лишь за то, что я научился их отличать.

Одни полны любви – налитые кровью,
Их привкус одним лишь касаньем
Вас сводит с ума, вгрызаются,
Либо целуют так нежно.

Бывают и лживые губы,
Что часами Вам поют о любви,
Солёные, горькие, кислые,
Словно яд – от таких ты беги.

До безумия нравятся женские губы,
Их изгиб, вкус, цвет, толщина,
Их красите вы в разные оттенки,
Извольте, но мне нравится в них простота.

* * *

Когда я думаю о тебе,
Я думаю о любви.
Когда говорю о тебе,
Я искренен и правдив.
Когда наступает ночь –
Хочу слышать твои шаги.
Голос твой... Для меня –
На рассвете пение птиц.
Губы твои в трещинах –
Лед от ледника.
Запах твой – это запах цветов,
Растущих у родника.
Только нет тебя – ты умерла,
Как умирает теперь
Под ногами листва.

ДЖЕК ВОРДСВОРТ

Взгляда хватит
Для смущения Вами
В парке весеннем.

Сидишь на парах,
Задумался о вечном...
Уже конец дня.

Костёр у реки,
Ветки свежей ели,
Пряная белость.

Грязные мысли
Пока я в автобусе,
Может зайцем.

Кровь стынет в венах.
Сознание в инее.
Где же маршрутка?

Огромная степь,
Пасмурная погода,
Полёт журавля.

Красно яблоко.
Как бы надкусить его?
Воск блестит в свету.

Падая с ветки
Старой ели, узнал
Как живут шишки.

В сумерках лампы
Мелькал перед глазами
Силуэт огня.

ЖИЗНЬ ЛЕТА

Прильнул к берёзе
Во время ливня в лесу,
Сырые грибы.
А в ветвях спала гроза.
Последняя жизнь лета.

ТИШИНА

Давит тишина.
Крик в никуда, без эха.
Бело на глазах.
Этот мир пуст, без края.
Лишь одинокое я.

ШАМИЛЬ МАМЕДОВ

ПАУК

Когда горизонт покраснеет,
Когда облака побелеют,
И синийверху небосвод,
То солнце долину нагреет,
Паук свою сеть всю развеет
А после на ней он уснет.
Вот ветер деревья кривляет
И старые листья срывает,
Так больно природу зовёт!
Свистит, паутину качает
И сон пауку украшает,
Ему колыбельную вьёт.

* * *

Больно... Больно...
Чувствую, что, сердце, боль тебе грызет.
Но поверю, мне сердце, точно, не соврет,
Что печали туча уплывет...
Я твое лекарство, что соьет
Эту боль! Всю в прах ее сотрет!
В небе солнце снова распростет
Руки золотые и стечет
Грусти лед водой, растаяв от,
Может, от тепла любви, что бьет
Из меня ключем горячим... Вот...
Дарья, заставляя тебя грустить не должен тот,
Кто не ценит этих чувств и кто себя ведет
Вольно...

НАДЕЖДА ТКАЧУК

МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

Не строили вы планов на войну,
Но вас в свои не посвятили планы
Те, кто украл у мира тишину –
Презренные прислужники Обамы,
Предавшие вознёсший их народ,
Плевавшие на мнение народа.
Когда-то же прозрение найдёт,
И проклянут их до седьмого рода
Те, кто не строил планов на войну,
И даже те, кто воплотили планы...
О тишине молю я неустанно.
Верните мир в Донбасс и тишину!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОНБАССУ

Оставьте нашу Родину в покое
Все те, кому дороже звон монет,
Кто с автоматом мнит себя героем,
В чьем сердце ни любви, ни Бога нет.

Беспамятству заплачена цена
Развязанной войною – брат на брата.
Но пусть не плачут ТОЙ войны солдаты,
В бессилье прикрывая ордена.

В пустом братоубийстве мало толку.
Что сохраните в памяти детей?
Вас матери вскормили, а не волки!
Но много ли осталось от людей?

Верните к жизни Родину мою,
Во имя мира высадите розы,
Остановите кровь, утрите слёзы –
Об этом Бога каждый день молю!!!

ПОГИБШЕМУ ЗАЩИТНИКУ ДОНБАССА

Хочется рыдать, и беспрестанно,
Хочется кричать до немоты
О хорошем человеке Сане,
Чьи уже не сбудутся мечты.

Хоть молчи, хоть вой от укоризны,
В чём беда его или вина,
Если честь ценил дороже жизни,
Ну а жизнь оборвала война.

Отзовётся звоном колокольным
Песня поминальная во мгле.
Ты словечко ТАМ за нас замолви,
О тебе заплачем на Земле.

Продолженьем жизни станут дети,
Память сердца выльется в слова.
Нет тебя... За это кто ответит?
Только боль безмерная жива.

Герои не стреляют в свой народ,
Не лгут с трибун, не рушат пьедесталы,
На площадях себе не ищут славы
Под лозунги, что пишет «кукловод».

Герои не живут чужим умом –
Им близок принцип совести и чести.
Я кланяюсь живущим и ушедшим, –
Кто от нацизма защитил мой дом!

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

Сургут

Сургут. Югорский мост.

Любовь
Баженова

Станислав
Пенявский

ЛЮБОВЬ БАЖЕНОВА

В СНЕЖНОМ ЦАРСТВЕ

В снежном царстве-государстве у красавицы Зимы
Белоснежные одежды так атласны и нежны.
Среди россыпей алмазных и жемчужных закровов
Утонули все дорожки и крылечки у домов.
Ветки бисером усыпал краснощекий Дед Мороз,
Белоствольные берёзки заморозил он до слёз,
Да ажурной бахромою елям юбки опушил,
Серебристые накидки на все кустики нашил.

ПРОСТО ЖИВЁМ

Время первых прошло, а последних ещё не настало.
Все мы просто живём на огромной и грешной земле,
Совершая поступков, порою ошибок, немало,
Наслаждаясь, любя, и не ждём понуканий извне.
Все мы просто живём по велению разума, сердца:
Строим дом, садим дерево, в муках рожаем детей.
В нашей жизни хватает и солнца, и соли, и перца,
И врагов, и друзей!.. Больше всё же хороших людей!

В НОЯБРЕ

В ноябре сто погод за окошком:
То дожди, то ветра, то снега,
И метелица белою кошкой
Заползает в леса и луга.
А снежинки как малые дети,
Так спешат, что сбивают подруг,
Всё блуждают, дом ищут по свету,
Да в комочки сбиваются вдруг.
И земля засыпает под песни,
Белоснежных беглянок с небес.
Сны под вьюгу крепки и чудесны.
Всё белее становится лес,
Всё плотнее зимы покрывало,
Всё смелее снежинки летят.
Таких сказок давно не бывало,
Чтобы беленьких столько котят
Разбрелось, расплзлось по оврагам,
По лесам, по лугам, по полям.
Но нашествию этому рады,
Видно, ждали такой тарарам!

ЗИМЫ НАЧАЛО

Зимы начало как начало жизни:
За окнами простёрся белый лист,
Есть время исписать его до тризны,
И ошибиться сотни раз есть риск,
Дорожки проложить
в пространстве снежном,
Уверенно ступая, без оглядки,
Не потеряться в мираже безбрежном,
Природы не нарушить распорядки.
Лист белоснежный: холодно и чисто,
Ветра, морозы только против нас.
Но встретим день улыбкою лучистой,
Ведь он приходит только один раз.

ПРИХОДИЛА ОСЕНЬ

Приходила осень в город мой любимый
Перекрасив листья, всё дождём помыла,
Разбросала краски по кустам, деревьям...
Даже старый ворон в чудеса поверил.
Ждёт теперь поутру и тепла, и ласки,
Белую ворону, как принцессу в сказке.
Приходила осень, приносила ветры.
Улетали птицы в дальни километры.
Уносили радость, и немного грустно:
На озёрах наших холодно и пусто.
Ветер шаловливо локоном играет,
В жизни всё проходит, и тоска истает.
Приходила осень, запевала песни,
Надевали платья белые невесты.
И играем свадьбы весело, задорно.
Падают листочки на асфальт покорно.
Приходила осень, чтоб проститься с нами,
Всех нас одарила добрыми делами.

ЗИМНЕЕ

Метёт метель по дворикам январским,
И ветер с фонарями твист затеял.
Зима снега раскинула по-царски,
Из рук своих не выпускает веер.
И каждый взмах, рассчитывая верно,
Суровая хозяйка правит балом:
Мелодии меняются, наверно,
Чтоб в холода плясать не уставали.
Чтобы всегда кружились в снежном танго
Дома, машины, снег под фонарями,
Так, позабыв о званиях и рангах,
В безумной пляске скачут дикарями...
Все вперемешку в этой круговерти:
Снега, ветра, туманы и морозы.
Мы зрители на праздничном концерте,
На бис встречаем зимушки угрозы.

МНОГОТОЧИЕ

*Многоточие - следы на цыпочках
ушедших слов.*
В. Набоков

Есть у поэта водопады слов:
Не в словарях, а на полатах снов.
Он чувствует заранее обман.
Ему за словом ни к чему в карман.
Из слов букеты соберёт легко,
И подберёт нам красное словцо,
Раскроет словом сотни новых тем.
... Поставил многоточие зачем?
Три маленькие точки, трёх послосв –
Следы на цыпочках ушедших слов.

Я ЗДЕСЬ ЖИВУ

Гуляют по болотам и дорогам
Здесь севера холодные ветра.
А солнышка лучистого немного.
Молочные туманы по утрам.
Стоят зимой, как крепости, сугробы,
Хрустит искристый снег под сапогом.
Весны дожждаться без тоски попробуй,
Ведь восемь месяцев бело кругом.
День начинается, и сразу вечер
Ступает осторожно на порог.
И, кажется, что этот холод вечен.
Так часто ни откуда нет дорог.
Печально самолёты ждут погоду,
На крыльях чтобы унести к земле.
Туда летим, чтоб отдохнуть немного:
Порадоваться солнцу и весне.
Но возвращаемся в любимый город,
Здесь кислорода не хватает нам.
В разлуке с ним - такой душевный голод:
Спешим вернуться поскорей к друзьям!

ЗАЧЕМ НА СЕВЕР

Вновь на север прилетела:
Здесь морозы и метели.
Вечер, ночь и снова вечер,
День прошёл, но не замечен.
Так по солнышку скучаю,
Но с друзьями выпьем чаю:
Встрече рады, греет дружба,
И искать ответ не нужно
На вопрос: «Зачем на север
Надо нам?» А тут прогнозы:
То бураны, то морозы,
От которых рельсы стонут,
Улицы в тумане тонут...
Нет большого здесь секрета:
В дружбе кроются ответы.

В ТОТ НОВЫЙ ГОД

*Памяти выпускника школы №29 г.Сургута
Солдатова Юрия и мальчишек-сибиряков,
погибших в г. Грозном новогодней ночью.*
Им было по 19 лет.

В день праздничный, а в декабре
последний,
Случилась эта страшная беда.
В Сибири лес таинственный и снежный,
И мама стол накрыла как всегда.
А сердце бьётся, выскочить готово,
Сжимает болью неизвестный страх.
Душа, что речка в ледяных оковах.
И не от лука слёзы на глазах.
Такая тишина плыла над миром!
Но Грозный был воинственно суров.
А ночь готова стать кровавым пиром,
Чтоб разорвать объятия оков.
Но праздничных всё ближе
бой курантов,

Сгустились тучи, и темнее ночь.
Майкопская колонна шедших танков
Как сможет все удары превозмочь?!
Семьсот мальчишек, ну совсем
безусых,
Им не до шуток, неуместен смех.
Что ж так сегодня беспричинно
грустно?
Сибирь им вспомнилась
и белый снег,
И дом родной, где ёлка и невеста,
И руки мамы, и отца слова:
«Служи, сынок, Отчизне нашей
честно,
Какой бы трудной служба ни была!»
С курантами из тысячи орудий
Салютом грозным праздник
засверкал,
В тот Новый год в людей
стреляли люди:
Прямой наводкой, сразу наповал.

ВЕТЕР

Что разжигает чувства? Ветер,
Возникший между двух миров.
Из искры вспыхнет на рассвете
Костёр! В него не надо дров!

Он в нашем сердце полыхает,
А искры - нежные слова...
Приходит время - пламя тает:
Утихомирятся ветра.

Померкнет всё на белом свете!
Какая к нам пришла беда!
Что погасило чувства? Ветер!
Зачем исчез он навсегда?

ПОРОЙ, СО СЛОВОМ ОБРАЩАЯСЬ ВОЛЬНО

Порой, со словом обращаясь вольно,
Как будто ударяя по щеке,
Мы делаем кому-то очень больно
Его уже израненной душе.

Пощёчина со временем простится:
Её сегодня только пережить.
Но почему легко так говорится,
Что никогда бы не произносить?

Как жаль, что сердце у людей
безмолвно,
А говорит безжалостный язык.
Он бесшабашно, весело, бескровно
Казнить ни в чём не виновных
так привык!

КОГДА РОЖДАЕТСЯ СТРОКА

Когда рождается строка?
В ночной тиши, бессонницей!
Она корява и слаба,
Но до зари запомнится.

Или когда среди толпы,
Вдруг закричать захочется,
Покажется - совсем родным
То слово, что припомнится.

Захочет кто-то заменить
Слова. Мол, не по нраву им.
А как же строчку отделить,
Ведь стих тогда израненный!?

СТАНИСЛАВ ПЕНЯВСКИЙ

Задую свечи я на праздничном столе,
А за окном летит пушистый снег.
И стоя молча у окошка в тишине,
Я мысленно рисую силуэт.

Свет фонарей, машины за окном.
И все спешат, у всех свои дела.
А я в печали вспомнил о былом,
Мне не хватает твоего тепла.

Припев:

То, что прошло уже нам не вернуть,
Мы добровольно выбрали свой путь.
То, что прожито, осталось позади,
Меня ты прошлое с миром отпусти.

Девочка с Береговой,
Где ты сейчас, как живешь?
Девочка с Береговой,
Песню в Душе поешь.

Столько прожито лет,
Но не забыть никак.
Детства прекрасней нет.
Дай мне хотя бы знак.

Сколько песен я спел, разложив
свою жизнь всю по полкам.
Может всё не успел, только
поздно уже догонять.

Кто-то скажет зачем, что от песен
твоих людям толку.

Только я не могу, не могу я сидеть
и молчать.

Мне без песен не жить, без стихов
моя жизнь вмиг погаснет.

И Душа заболит и иссякнет
душевный порыв.

Я не верю, что всё, в этой жизни
я делал напрасно.

И уже через день, как уйду, буду
я позабыт.

Кто-то всё же прочтёт и послушает
голос далёкий.

И возможно всплакнёт, примеряя
стихи на себя.

Почему же поэт часто в жизни
совсем одинокий?

Он ночами грустит, свои строки
Душою творя.

Жаль не мальчишка я.
Жаль, не вернуть все вспять.
Девочка ты моя,
Вспомнил тебя опять.

Припев:

Годы бегут рекой,
Жизнь, унося вдаль.
Девочка с Береговой,
Все пролетело... Жаль.

ЯНАО

Ямало-Ненецкий автономный округ

Иван
Истомин

Павел
Черкашин

Ямало-Ненецкий автономный округ – субъект Российской Федерации, входящий в состав Тюменской области. Находится в Уральском федеральном округе.

Административный центр автономного округа – город Салехард.

Граничит с Ненецким автономным округом на северо-западе, Республикой Коми на западе, Ханты-Мансийским автономным округом-Югрой на юге, Красноярским краем на востоке, с севера омывается Карским морем.

Образован 10 декабря 1930 года.

Ямало-Ненецкий автономный округ - становой хребет топливной экономики России. Первый газовый фонтан забил 14 апреля 1962 года в Тазовской тундре. На Ямале добывается 91% всего природного газа страны (23,7% мировой добычи) и более 14% российской нефти и газоконденсата.

Один из самых масштабных проектов XXI века – возведение железнодорожной магистрали Северный широтный ход, которая пройдет по территории Ямала, соединив западную и восточную часть, Северную и Свердловскую железную дорогу.

ИВАН ИСТОМИН

ВСТАНЬ-ТРАВА

Роман

ЮГЫД-БИ

1

Ох и трудная весна выдалась нынче. Ребятишки болели оспой почти до белых ночей. Некоторые умерли, но Илька с братьями и сестрами выжили. Помог, видимо, способ Петул-Вася – детям давали откусывать кусанный большим кусок хлеба.

В прошлое лето все пойменные покосы затопило, вода стояла до осени, и сена запасли совсем мало. Пришлось подкармливать скотину, коров и лошадей щучками-щурогайками, благо их народилось тьма. А коровам еще давали кору молодого тала да ольхи. Заготовкой коры занимались все, кто умел держать нож. И Илька тоже, как только выздоровел после оспы. Наташат охапками таловых, ольховых прутьев, и работай: кору в таз, а палки высушат – и на топливо. И нынче этим же занимались.

– Фу-у, даже устала! – пожаловалась двенадцатилетняя Февра, сестра Ильки и Федюньки, бросая ножик в сторону. – А меня подруги ждут. Играют вон на улице...

Доставалось и Гришу – он с раннего утра до ночи возил из тайги лес.

– Старый дом весь ушел в землю. Вот-вот потолок обвалится. Надо, край как надо, пока не поздно, строиться.

Лес хороший, бревна ровные, будто свечки. Весной, когда немного оттаяла земля, чуть южнее дома братьев заложил Гриш первый венец.

Вскрылись реки, прошел ледоход, чуть спала вода, и отправился Гриш на лов весенней рыбы вниз, за Обдорск – взяла рыбаков шхуна-парусник, идущая из Тобольска, они ехали со своими лодками, привязанными сзади вереницей. Рыбаков снабдили сетями, мережей и продуктами на дорогу.

Не получилось только с начальством, Госрыбой – Куш-Юр хотел поставить Гриша главным над всеми бригадами, но из Обдорска прислали более грамотного человека.

– С меня одного бригадирства хватит, – заявил он, прощаясь с Куш-Юром на шхуне. – А потом изба ждет не дождется.

– Да-а, – согласился председатель. – Но строишь уж больно маленький домик.

– Зато сделаю красивым-раскрасивым! Терем-теремок! – смеясь, ответил Гриш. – Так задумано – для детей сказка.

А Еленя, пока муж был на путине, делала кирпичи, заготавливала мох для избы, сено для скота – как могла, не жалея сил.

Наступило лето. Раздетый выбрался Илька ползком на улицу, за ним выскочила сестра Февра и четырехлетний брат Федюнька. Тепло, солнечно, безветренно. Высыпали во двор из соседнего дома их сверстники, двоюродные братишки и сестренки. Шуму стало – не разберешь. Взрослые кирпичи делать собрались – земля оттаяла глубоко. Для замеса глины приготовили место – настелили доски возле забора. Ребята сразу же давай играть на этих досках, пока нет женщин. Играют в круг, вертятся, шалят. И Белька, лайка, с ними. Только Илька остался один на деревянном настиле между домами, сидел и тяжело вздыхал.

Вышла из дома старая бабушка Анн с внучкой на руках, годовалой Груней.

– Охо-хо, – сказала бабушка. – Вот где весело-то! А Илька, коньэр, не может играть. Сидит один. – Она опустила на крыльцо. – Иди ко мне, Иленька!

Илька обрадовался бабушке. Он торопливо, будто боялся, что она уйдет обратно в дом, двинулся с места. Опираясь о настил левой рукой и отталкиваясь правой ногой, подполз к бабушке.

– Как я люблю тебя, бабуня! – Илька обхватил ее за колени и прижался к ногам, обутым в меховые туфли-тюфни.

Бабушка погладила Ильку по темным волнистым волосам.

– Спасибо, родной. Я тоже люблю тебя, – и вздохнула: – Охо-хо! А вот другие тебя забывают... – Она усадила внучку Груню на колени и, качая, приговаривала:

Топ, топ, топаем,
Топаем да думаем:
Шум и гам – на все село,
А Иленьке невесело...

– Бабушка вышла! – закричал девятилетний босоногий Петрук. – Поет что-то. – Ага, вспомнили – человек остался тут. – Бабушка перестала качать ребенка. – Ильку-то бросили? Эх, вы-ы!..

Ребята принялись оправдываться, перебивая друг друга.

– Ладно, сейчас мы его развеселим. – И, хитро моргнув глазами, бабушка начала:

Никэн-Вась, Никэн-Вась,
Шел за зайцем, торопясь,
Через гору, через пруд,
А зайчишки – тут как тут.
Спохватился: «Белый свет!

Есть пищаль – патронов нет!»
А зайчишки: «Ха-ха-ха!..» –
И взялись за бока!
Шел баран, заблеял: «Бе-э!
Ну, охотник! Тьфу тебе-э!»

Засмеялись дети звонко, словно зазвенели-заплескались весенние ручейки о льдистый бережок.

Голосистая Лиза, четырехлетняя дочка дядюшки Пранэ и тетки Малань, удивленно крикнула:

– Эй-эй?! Бараны да овцы зашли! Чужие!! Травку у нас помнут...

– Где? – встрепенулась бабушка Анн.

– Во-он! Возле начатой избы.

Петрук и девчонки с криком бросились к овцам, хотя сами топтали почему зря зеленую травку...

– Много овечек-то? Я плохо вижу, – бабушка Анн посмотрела из-под ладони...

– Пять овечек, – сказал Илька. – Две черных... Нестриженные они, косматые.

– Ну, это Кузь-Матрены овцы, – безошибочно заключила бабушка. – Наши-то на покотине с коровами, зелень-травки небось со цветочками щиплют. А эти – срамота! Два шага шагнули и – рады.

Ребятишки смолкли вдруг, видно, кого-то увидели.

Из-за старого дома выступила сама Кузь-Матрена. Длинная Матрена. Престарелая соседка, живет наискосок к Югану, возле старого кладбища. Глухая она, но чрезмерно осведомленная обо всем.

– Кузь-Матрена идет, – шепнул бабушке Илька.

– Ну, легка на помине. – Бабушка прижмурила глаза, вгляделась в длинную, как жердь, соседку.

Кузь-Матрена шла осторожно, щупая посохом землю, боясь промочить ноги в меховых туфлях. Вышли из старого дома женщины – целая орава, видно, чаевали.

– Вот и мамы! Вот и мамы!.. – загалдели ребята, идя следом за Кузь-Матреной. – Сейчас будет глина! Айдайте скорей!..

Еленя, подпоясанная, как и все женщины, кушаком и в башмаках на голых ногах, взяла Ильку на руки.

– Оп-па! Тяжелый ты стал... – И обратилась к матушке: – Мы пойдем за амбар копать глину.

– Идите, идите! Веселей будет ему, – ответила матушка.

– Вуся, Анн, – приветствовала соседку Кузь-Матрена старческим дрожащим голосом.

– Вуся! Привет!

– Мужики на рыбалке, а бабы кирпичи собираются делать, – кивнула Кузь-Матрена на женщин. – Ватагой дело спорится. Так жизнь и идет. Так и идет.

– Идет жизнь, – ответила Анн и указала место рядом с собой. – Садись да расскажи, как живешь-поживаешь.

– Не слышу!.. – Кузь-Матрена приложила руку к уху.

– Садись, говорю, тогда услышишь. – Старуха Анн прибавила голос. – Как живешь-здравствуешь?

– Верно говоришь, солнышко теплое, – улыbnулась Кузь-Матрена.

На ней пусто, как на жердине, до самой земли повисал выцветший сарафан. Поверх кокошника – синий платок в белую горошину. Лицо вытянутое, сморщенное, словно подгоревшая шаньга, безбровое, с маленькими смешливыми глазками, с мясистым носом и выдвинутым подбородком. Она долго принаравливалась, чтобы присесть на низкое крыльцо. Наконец присела, как утнездилась.

– Вот теперь хорошо! – И подставила ухо: – Что говоришь?

– Как живешь-здравствуешь?

– Живу, слава Богу! – ответила Кузь-Матрена. – Вот только слышу немного слабо. Да глаза уже не те. И ноги тянет войтээ, северный ветер, ревматизм называется. И зубов некоторых нету. А про внутренности лучше и не говорить – все дрянь. Даже память теряю...

– Охо-хо! Худо дело!..

– Худо, худо, – качала головой Кузь-Матрена. – А так остальное – хорошо, здорова...

Старуха Анн хохотнула:

– Остальное!.. Ну ты скажешь! А как живет муж твой, Эндрей?! Что-то давно не видела кума...

– Болеет. Лежит, не встает. А может, уже выживает из ума – древний стал. – Кузь-Матрена вздохнула. – Пора – девятый десяток подходит. Сегодня говорит: «Вот беда! Овечки-то наши давно потерялись. Надо искать. Пойду сам». А сам даже не встает. А овечки в ограде. Потом, верно, сюда подались.

– Да-а, – посочувствовала старая Анн. – А овечки-то ваши, верно, были здесь!

– Знаю, знаю, – закивала Кузь-Матрена, – я потому и пришла. Время стричь их. Тепло стало. Пускай пока травку щиплют, а мы поболтаем немного. Ты все возишься-нянчишься?

– Вожусь, нянчусь!.. О-о-о! – Старуха Анн, смеясь, быстро взяла внучку на руки. – Вот тебе и раз! Проговорила с тобой! Новые чулочки на нее надела, а она... молчком...

Кузь-Матрена засмеялась:

– Это у них в обычае... Кажись, Груней зовут?

– Груней! Вот так и живу – вожусь, нянчусь, старею! Что мне делать больше! А кум, говоришь, древним стал, ум за разум заходит?

– Ум за разум, – вздохнула Кузь-Матрена. – На днях разговор завел про Ухту. В Ухте ведь он родился и вырос, а я сама-то из села Усть-Ухта. Молодость там прошла, встретились там и поженились. Потом сюда, за Камень пришли. Нужда заставила. Так вот до женитьбы-то он в Ухте работал, соль добывал. А помимо соли-то горящую воду, непьть называется... Красивый Эндрей-то был. И я тоже ничего.

- Ты, оказывается, хорошо помнишь?
- Кузь-Матрена, довольная, усмехнулась:
- Когда как... А про что мы говорили-то?
- Вспоминала молодость, – подсказала Анн.
- Да! Да-да, – закивала Кузь-Матрена.
- А что это он разговор-то про Ухту завел?!

– Эндрей-то? – Кузь-Матрена приставила левую руку к уху. – Вспомнил свою молодость ухтинскую. Никогда не вспоминал, а тут вдруг вспомнил. Меня-то, говорит, в Ухте вспоминают, ждут, наверно. Придется съездить в Ухту, привезти соль и горящую воду. За Камнем-Горой-то, в Мужах али Березовом, нету в помине соли и непти. Сказывает, съезжу, пожалуй, непременно. Девок хоть увижу. Вот лешак-старик. Тьфу!.. – И обе засмеялись.

– Ой, мне ведь идти пора, – спохватилась Кузь-Матрена. – Овечки-то мои убегут от стрижки. Я про них и забыла. – Она с великим трудом поднялась на ноги, опираясь о посох.

Из-за амбара вышла шумная ватага. Взрослые несли на носилках глину, дети баловались. Ильяк был на руках у Еленни.

2

– Вот и осень пришла-пожаловала. – Гриш стяхивал у порога снег с меховой обуви. – Река стала насовсем. Хорошо, что успели привезти сена на распутицу. Теперь можно и терем-теремок достраивать помаленьку. А там гимгиморды[9] поставлю и – на лыжи, лесовать-охотиться. Нельзя мне бросать это дело сейчас – каждый рубль-копейка пригодится...

– Пригодится. – Радостная Елення стояла у печи, помешивая в небольшом чугушке кашу. Засмеялась: – Заварил кашу – доваривай...

Гриш вернулся с путины с неплохим заработком – от сдачи рыбы рыбрестру получил больше двухсот рублей. К его приезду Елення и мох приготовила, и кирпичи сделала, и сено поставила. Все как надо. И ребятишки живы-здоровы. Февра уже ходит третий год в крохотную школу, а Ильяк целыми днями корпит над «писаниной» – научился держать пятерней огрызок карандаша и рисует на клочках бумаги «гуренек» – домовых и банных.

После завтрака Гриш, одетый по-рабочему, взял топор и нетерпеливо направился к заветному дому – будущему терем-теремку. Словно впервые внимательно осмотрел венец. Походил, полюбовался, задумался. И вдруг понял – прав был Куш-Юр – мала избенка.

«Ну что это? Одна комнатушка, – размышлял Гриш. – Пока дети растут – терпимо. А больше станут – каждому постель нужна. Ильяк больной, – ему

покой надобен. Как же это я не догадался раньше? Надо сразу строить избу из двух комнат. Материалу, что ль, нет? В тайге живем-здравствуем. И место позволяет – можно удлинить сруб. Сейчас же, пока земля совсем не застыла...»

И, не откладывая, тут же начал копать ямки. Еленя, увидев в окошко непонятную его работу, подошла, и Гриш объяснил. Еленя задумалась – лишние расходы, а потом согласилась – пусть делает как хочет. Она свое обещание выполнила – мха заготовила больше, будто знала. И кирпичи готовы.

Гриш за десять дней сумел уложить в ямки поперечные чурки, построить вторую половину венца и поднять несколько рядов до окошек. Изба получилась длинная, немного на лодку смахивает, – зато из двух комнат.

Тут подошло время ставить гимги-морды. Эта работа артельная, мужчины работали ватагой.

Есть на берегу Малой Оби, южнее села Мужы, за три версты, приметное место – Кедровое. По этому месту издревле строили по первопутку подводную изгородь поперек реки – перегораживали и ловили рыбу гимгами. Много требовалось жердей, чтобы перебросить редкий тын от берега до берега. С января уже не ловили – начиналась порча воды, загар. Весной в ледоход весь лес уносило в море, и каждую осень начинали сызнова. Но лошади, чтобы вывозить жерди, были не у всех, даже гимги не у каждого. Зимой рыба свежая, даже выпрямиться не успеет на снегу, так полукалачиком и застывает. Поневоле приходилось объединяться – бери, безлошадный, коня и вези к Кедру толстые и длинные жерди на себя и на хозяина коня, если он того хочет. Потом, сообщая, все разом долбят лунки и загораживают реку неплотно стоящими жердями. После этого тянут жребий – кому в каком месте ставить гимги. Прорубь для них вырубает с напарником и проверять ездят вместе.

Гриш не беспокоился – гимги есть, две, большие, высокие, не влазят в дверь. Съездил за жердями, нашел напарника – Сеньку Германца, у того жеребец-жеребенок, дал Гриш ему коня привезти жердей. Сенька ленивый, зато Гриш пронырливый, бойкий, приучит он шевелиться Сеньку мало-мальски. Никто не берет Сеньку в напарники, даже Гажа-Эль, гуляка.

Загородили Обь, вытащил Гриш жребий на свой пай с Сенькой и поставили гимги, условились просматривать по воскресеньям.

А потом пришло время охотничать до марта. Попутно с охоты дровишки да бревна для избы возить.

3

Прошла зима. Опять, как и в прошлом году, в апреле собиралась в Нардومه сходка-митинг в память Ленина. Распахнулись над Мужами белые ночи. Лед на окнах растаял, через них с южной стороны гляделась церковь, а с западной – низкое солнце, то и дело заслоняемое входящими людьми. Голландская печь не топилась, на сцене стояла незажженная лампа – без них тепло и светло. В глубине сцены, в простенке между окнами, большой портрет Ленина. Над ним кумачовый лозунг: «Мы наш, мы новый мир построим».

Сельчан пришло много – битком набит Нардом, пришли послушать о Ленине, ведь многие в прошлом году из-за оспы ничего не слышали. Куш-Юр к тому же сулил показать большой портрет Ленина, присланный из Обдорска. Даже бабы пришли – вон у нетопящейся печи сидят Еленя, Сандра, другие женщины. Сандра совсем выздоровела, побелела, румянец на лице, глаза блестят. А Варов-Гриш, Сенька Германец и Гажа-Эль в другой стороне, на одной лавке. Гурьбой пришли недавние богачи Озыр-Митька и Квайтчуня-Эська с дружками, чтоб показать они отныне за новую власть. Но подмигивали друг дружке усердно, корчили рожи и усмехались. И Эгрунька с Яшкой с ними. Она нет-нет, да ревниво следила за Сандрой. «Выздоровела, холера. Теперь крутит, наверное, с Романом. Видела, шли вместе...» – чуть вслух не произнесла Эгрунька.

Из внутренней двери вышел Куш-Юр. Улыбнулся, направился к сцене, держа знакомую Варов-Гришу брошюру и листки бумаги.

Куш-Юр уже давно не брил голову, отросли русые волнистые волосы и закрыли шрамы. Но все равно его зовут за глаза Куш-Юром, Гологоловым. Он чисто побрит и празднично одет – в черном костюме, коричневатом свитере и серых валенках.

Восхищенно ахнула Эгрунька, а Сандра зарделась. По рядам прошел шумок.

– Успокоились? – Голос Куш-Юра звучал приподнято и упруго. – Вуся! О-о, народу-то сколько пришло! Очень рад за вас! Побеседуем. Ведь завтра день рождения Ильича. Пятьдесят пять лет ему бы исполнилось. А на днях прислали нам из Обдорска большой портрет Ленина. Вот, смотрите!.. – Куш-Юр отошел немного в сторону и взгляделся в зал, тепло улыбнулся молодым партийцам – комсоргу Вечке, Халей-Ваньке и Пызесь-Мишке.

– Хороший портрет, – сказал кто-то в зале. – На зырянина похож. Хороший портрет.

– Хороший, – подтвердил Куш-Юр и увидел возле печи Сандру. Это его так обрадовало и согрело, по-доброму затревожило, что он потерял приготовленные слова и начал беседу немного не так, как задумал. Но в зале никто не заметил – все слушали.

Куш-Юр на зырянском языке заговорил о жизни и деятельности Ильича, и это казалось всем сидящим в зале куда понятней, чем на русском. Вот ведь как

научился говорить по-зырянски. И Куш-Юр почувствовал, что люди как бы приблизились к нему, нет, наверное, это он приблизился к ним. Правда, редко-редко затруднялся сказать то или другое слово и что-то неправильно произносил, но это не вызывало усмешки. Больше часа говорил председатель. О том, как заветы Ленина претворяются в жизнь России и в жизнь отдельных народов Крайнего Севера. Куш-Юр привел местные примеры, близкие и понятные мужевцам. Поведал об Обдорском районе, что возник вместо Обдорской волости. Отметил, что Тобольский окрисполком скоро примет Положение о родовых Советах. Рассказал о том, что Комитет Севера ВЦИК под руководством Смидовича разрабатывает программу по оленеводству и ветеринарии. И про многое другое, что было близко, понятно и дорого собравшимся, про лампочки Ильича, что вспыхивают по стране.

Потом председатель отвечал на вопросы. Все были довольны беседой.

– Ну что – нет больше вопросов? – спросил Куш-Юр.

– Нет! Спасибо! – И стали расходиться.

Но тут Варов-Гриш задал Куш-Юру вопрос по-русски:

– А почему, Роман Иванович, у нас в селе Мужи досей поры-времени нету югьд-би? Нет светлого огня, электричества? В Обдорске, в Березовом есть! Мы видели с тобой, помнишь? А у нас – по старинке, керосиновой лампой живем. Куда это годится? Нам тоже лампочки Ильича надо...

– Товарищи! Пойдите, товарищи! Садитесь, миряне-зыряне, – останавливал Куш-Юр людей. – Тут спрашивают про югьд-би, про светлый огонь...

– Югьд-би?.. В белые-то ночи?.. Ха-ха-ха! – раздался смех, прокатился хохоток, кто-то свистнул, но остановились, грудясь у двери.

– Да не в белые ночи, а в темные! – уточняя, выкрикнул Варов-Гриш. – Есть задумка одна...

– О-о, это надо послушать!.. – И стали снова рассаживаться, кто где угадал. – Послушаем, что Гриш набалагурит? Какую новую парму-артель придумал? Какую социализму?

Из женщин оставалась лишь Эгрунька, чтобы послушать про мужскую задумку, про югьд-би. Куш-Юр, не увидев Сандры, немного потускнел, но взял себя в руки.

– Продолжим сходку. – Куш-Юр поднял руку, потребовал тишины. – Кажись, Григория был голос...

– Да, я спросил! – твердо ответил Гриш.

– А курить-то можно? – взмолился голос.

– Курите, курите! Недолго задержимся! – разрешил председатель. – Ты спрашиваешь, Гриш, почему до сих пор в Мужах нет югьд-би? Потому что нету у нас электростанции, нету такой электростанции, как в Обдорске или в Березовом. Задумка-то у тебя какая?

– Хорошая. Если подумать-покумекать, то можно и нам завести свою электростанцию, – запальчиво ответил Варов-Гриш и пригладил ладонью усы.

– Ну-ка, ну-ка! Иди-ка на сцену! Отсюда говори!.. – Куш-Юр сел за стол и вынул из кармана кисет.

– А что? Могу сказать и оттуда. – Варов-Гриш встал и начал пробираться к сиене. Вокруг опять оживились:

– Во! Сидел бы лучше на своем месте! Не выдумывал!..

Озыр-Митька тонким голосом мстительно добавил:

– Не рыпался бы. Югьд-би хочет придумать. Тьфу! Коммуния-то ведь развалилась, нету ее! И югьд-би развалится. Дом строит ведь курам на смех – длинный, как гроб. Строи-тель... Ну, де-ла-а!..

Гриш широко и уверенно шагнул на низенькую сцену, повернулся, пристально посмотрел в зал на Озыр-Митьку. Он был зол и спокоен.

– Да-а, и придумаяю! – начал он. – А ты про коммуну-то не говори – не злобствуй, наговорились! И про дом молчал бы! Сделаю – увидим! Может, твой двухэтажный хором станет кому гробом! Лучше скажи, почему вдруг вы друзьями захотели стать, зачем пришли послушать беседу о Ленине? Не верится, чтобы волчица с важенкой подружилась!

– Что-о! – в один голос крикнули Озыр-Митька и Квайтчуня-Эська. И угрозно встали.

Кто-то дернул их за малицы, и они сели.

– Да, не верю! Волки оленям не друзья, – отрубил Варов-Гриш и бросил взгляд на председателя. – Я начну говорить издалека.

– Давай-давай! – весело крикнули из зала. – Издалека лучше – хватит на сутки болтать! Вокруг нечего с пустым мешком бегать. Давай, Варов-Гриш, тащи воду в решете.

– Вот лешаки-дьяволы! – улыбнулся Гриш. – Еще и подсмеиваются. Ладно, начну с осени, с подледного лова...

– Конечно! – слышался тот же неунывающий голос. – Позже начнешь – какой толк!

В зале засмеялись. Варов-Гриш тряхнул черной, кудлатой головой.

– Лешаки-дьяволы и есть!.. Мы-то как промышляем? А вот как – при подледном лове поневоле приходится работать ватагой, кол-лек-тив-но, – с трудом произнес Гриш еще не прижившееся слово.

– Это мы знаем, якуня-макуня, – отмахнулся Гажа-Эль. – Про югьд-би калякай!

– Во-во!.. – поддакнули в зале. – Тебя для чего к столу пустили? Сходка кончилась, а ты людей держишь!

– Вот именно! – распалился Варов-Гриш. – Это же артельно, добровольно, кто сколько сможет! Мы можем все сделать! – горячо и убежденно говорил

Гриш. – И лес подвезем, чтобы построить тот дом, откуда будут делать югид-би! Столбы подвезем – у нас хватит лесу. А в остальном помогут нам обдорские али березовские люди. Мы, фронтовики, видели в стране в разных местах югид-би, знаем, ведаем. И сделаем для себя – для жизни. Али мы хуже? А, Роман Иванович?

– Да-да, да!.. – Куш-Юр встал с места и взволнованно заходил по сцене. – Над этим коллективизмом подледной рыбалки я даже и не думал. А ты, Гриш, заметил. Это здорово! Ей-богу, здорово! Тут и телеграф можно – электричество же! Мать честная!..

– Все вместе можно придумать! – уверенно заключил Варов-Гриш. – Артельно, добровольно, для общества даже можно выложить дороги из бревен! Пять оврагов в селе! Мосты нужны. – Он сказал это, помня больного Ильку, который вскоре должен ползком добираться в школу.

Но Варов-Гриша не все поддержали.

– Это уж совсем зря, – крикнул кто-то. – Мостки из плах на дорожки – и ладно!

– И вообще – что тут болтать? Чего языки трепать? Один сказки бает, остальные уши развесили. Какая может быть югид-би? Это же немислимое дело! Пойдемте лучше домой – здесь душно. – Озыр-Митька брезгливо фыркнул и встал.

– Пойдемте, молодежь! – поднялся Квайтчуня-Эська. – Бог у них, видать, разум отнял. – И неторопливо вышел.

– Куда вы? – Куш-Юр хотел остановить, но увидел, что молодые остались, даже Яран-Яшка с Эгрунькой, успокоился. – Э-э, ладно...

– Задержать надо было, заставить голосовать! – протестовал Гриш. – Кони у них сытые – по пять-шесть голов.

– Ничего, подчинятся большинству. Проголосуем, и... – Куш-Юр собрался что-то сказать, но тут вдруг вскочила на ноги Эгрунь.

– Ой, я ведь забыла кормить ребенка! И ты, Яков, коней-то забыл поить! Вот дурные мы! Пошли! – И вместе с мужем начали пробираться к выходу. За ними и другие из их ватаги поспешили удалиться.

– Кони-то ведь, верно, не поены, – говорил кто-то из них.

– Куда?! – закричал Куш-Юр. – Задержитесь – успеете поить коней.

– Испугались голосовать, якуня-макуня! – засмеялся Гажа-Эль.

– Заставим делать, как большинство! – Куш-Юр выступил вперед. – Варов-Гриш здорово придумал – самим завести электричество и телеграф! Радиотелеграф – вот ведь что! В прошлом году не могли придумать ни в Обдорске, ни в Мужах, а нынче, – повысил голос Куш-Юр, – нынче додумался Гриш. Поддерживаем его – артельно, общественно заведем электричество и телеграф! Не прожить нам без этого!

– И мосты через овраги! – добавил Гриш.

– Молодец ты, Гриш, молодец! Хорошо придумал – помочь сходкой в доставке леса, а в главном – Обдорск поможет! Хорошо отметили рождение Ильича!

Сидящие в зале шевельнулись, скрипнули лавками, заговорили:

– А ведь верно – сходкой лучше решать!

– Югьд-би, якуня-макуня! Лампочка Ильича!

– Записать бы холосо было!..

– Правильно! Крепко записать и отправить бумагу-документ в Обдорский райком или райисполком! Пусть знают-ведают – мужевские люди ни за что не хотят жить по старинке! Надо помочь им завести югьд-би! Все, конец! – Варов-Гриш сел на край сцены, достал кисет и стал закуривать.

Куш-Юр позвал Писаря-Филя, чтоб было честь по чести официально и документально. Писарь-Филь зажег лампу и, склонив набок голову, стал писать под диктовку Куш-Юра:

1. Просить Обдорский районный исполнительный комитет оказать сходке села Мужы, посвященной пятидесятипятилетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, помочь в следующем:

а) в постройке электрической станции, чтоб был югьд-би – светлый огонь;

б) в установке радиотелеграфной мачты, как в Обдорске;

в) в посылке для этого в Мужы нужных мастеров-умельцев;

г) строительный лес и подвозку его к указанному месту в нужном количестве берем на себя, то есть на жителей села Мужы. Без-воз-мезд-но! И свое-временно!

2. Построить также своими силами пять мостов через овраги в с. Мужы. А также уложить деревянные тротуары.

Писарь-Филь старался, брызгало чернилами перо царапая бумагу.

Стали голосовать – кто «за», кто «против», и тут подняли шум – ничего не разобрать.

– Тихо! – призывал Куш-Юр. – Говорите по порядку... Вот ты почему против?

– Я не супротив югьд-би али радиво, – отвечал мужик со второго ряда. – Я противу энтого... как его... чтоб безвозмездно. Платить нам надо! Жизнь на бесплатно не держится.

– Писать? – спросил Писарь-Филь. – Прения писать?

– Так я же говорил – тогда не дадут ничего строить! – повторил Куш-Юр. – Ответят – в лесу живут, а лесу пожалели на дом и на мачту! Куда это годится, миряне-зыряне. Ведь лес – это наша за-бо-та, товарищи!

– Ладно! – слышался чей-то голос. – Это, положим, можно, коли будет лошадь. А мосты-то на что? Я у воды живу!

– А ежели в конец села пойти? Не-эт... Скажи лучше – мачту чтобы покорооче сделали. Упадет ведь! Раздавит!

– Э-э, якуня-макуня! Мне вот избу надо построить, лес возить! А тут – нате!..
– разводил руками Гажа-Эль.

Сенька Германец тоже лепетнул:

– Вот беда-то! Желебец – не лошадь! Не успею возить лес!..

Все засмеялись – ждать еще решения Обдорска, не сразу ведь начинать.

– К тому времени будет как раз конь! – ответил Варов-Гриш, сидя на краю сцены. – Придет обязательно ответ! А Гажа-Элю мы поможем избу поставить.

Еще раз пришлось голосовать за резолюцию – единогласно. Только Озыр-Митьки да Квайтчуня-Эськи с дружками не было. Выскользнули, как налимь между жердями тына.

– Советская власть заставит их подчиниться решению мирян! – твердо заявил Куш-Юр.

СКАЗКИ ДЕДУШКИ ИВАНА Произведения для детей

СЛУЧАЙ С РУКАВИЦЕЙ Рассказ

Как-то в детстве поехали мы с братом на рыбалку. Только оттолкнули лодку от берега, видим – бежит мать и кричит:

– Погодите! Рукавицы-то забыли!

Пришлось вернуться. Мать подала нам рукавицы и напутствовала:

– Разве можно без рукавиц-то? Намозолите руки, и комары искусают. Берите, да не теряйте, еще не раз пойдете.

Мы попеременно сидели на веслах и, конечно, могли натереть ладони, а рукавицы сшиты из двойной замши – мягкие, удобные.

Была середина приполярного лета – стоили жаркие дни. Чуть веял ветерок, и вода на Оби лишь кое-как морщилась. Все небо с белыми, как снег, редкими облаками отражалось в широкой реке. Когда мы переезжали ее, мне даже стало немного страшно. Казалось, что плывем по воздуху: вверху небо и внизу небо.

Промышляли мы на заливном лугу – в сору. Вода здесь неглубокая, и везде проглядывают островки ярко-зеленой травы. Сети ставил брат Федюшка, а я сидел в носовой части лодки и придерживал ее веслом. Сразу же вокруг нас появились комары и стали больно кусать. Я одной рукой крепко держался за весло, а другой отмахивался от комаров. Но как ни старался, комары не унимались, и я решил гнать их рукавицей. Снял рукавицу с руки и давай воевать с комарами. А Федюшка предупреждает:

– Не хлещи себя сильно по лицу, опухнет. Со мной так однажды было.

Но как не хлестать, когда их целый рой вокруг головы кружит? Я сильнее махнул рукавицей и выронил ее в воду.

– Ну вот, – засмеялся брат. – Я же говорил: не маши сильно.

– А я ее сейчас достану веслом, – спокойно ответил я.

– Ладно, погоди, – говорит Федюшка. – Все равно не достанешь, а утопить можешь. Никуда она не уплывет, течения-то здесь нет. Вот поставим сеть и достанем.

Я промолчал и снова стал придерживать лодку, изредка поглядывая на плавающую рукавицу. Но тут у Федюшки что-то стряслось с сетями, и я засмотрелся на него. Лицо и руки у брата, как и у меня, казались просмоленными, были коричневыми. Это оттого, что мы, как окончили учебу, все время на ветру, а руки – каждый день в воде. Оба мы были в тонких суконных парках, похожих на длинную рубаху, но с капюшоном и короткими рукавами, чтобы не мочить их в воде.

Я нарвал в воде пучок длинной сочной травы и стал им отгонять комаров. Пока следил за братом, совсем забыл про рукавицу и вспомнил про нее, когда кончили ставить сети. Теперь мы были далеко от того места, где я выронил рукавицу. Когда мы вернулись туда, ее уже не оказалось.

– Куда же она делась? – удивился Федюшка. – Течения-то ведь нет и тихо, даже вода не шелохнется.

– Ну, значит, утонула, – уверенно сказал я.

– Неужели утонула, такая легкая? – И Федюшка стал всматриваться в воду. Я тоже припал к борту лодки и гляжу вглубь. Дно недалеко, а северная летняя ночь светлая – все видно. Вон трава светлеет по дну, а вот жучок прополз. Что-то блеснуло вроде рыбки.

– Нет в воде рукавицы, – заключил брат, а сам зачем-то начал щупать дно веслом и даже помешал им.

Я тоже заработал веслом, и мы вмиг замутили воду.

– Ой, что мы делаем! – спохватился Федюшка. – Зачем мутим, сети-то рядом!

– А может, зыбью от лодки вон туда, к траве, рукавицу отнесло, – сказал я.

Поехали, внимательно осмотрели островок травы – нет рукавицы. Доехали до берега, потом вернулись назад, опять все кругом осмотрели – безуспешно.

– Ты, наверное, не рукавицу выкинул, что-нибудь другое, – сказал брат.

– Что ты, Федюшка. Я хорошо помню, как снял рукавицу с руки и махал ею.

– А все-таки посмотри хорошенько около себя, – посоветовал недоверчивый брат. Я перетряс все, что было возле меня, и, конечно, ничего не нашел.

– Ну вот и потеряли рукавицу, – заговорил я. – Это из-за тебя. Надо было сразу достать.

– Уже и захныкал! Найдем, куда денется.

Федюшка воткнул весло в ил и привязал к нему лодку. Пристать к берегу нельзя было из-за комаров. Мы долго молчали, каждый по-своему размышлял о случившемся. Сети стояли недалеко, и я заметил, как в одном месте туго натянутая тетива вдруг прогнулась и ушла в воду.

– Федька, рыба попалась. Гляди! – воскликнул я обрадованно.

Брат обернулся и стал смотреть.

– Однако, щука. Пойдем скорее, а то порвет сеть и уйдет, – сказал он.

Мы с трудом высвободили рыбу из сети, и в лодке громко зашлепала хвостом большая щука.

– А живот-то какой огромный! – удивился я.

– Видно, икрная. Хорошая будет уха.

Мы отъехали от сетей и вновь привязали лодку к веслу. Потом поели простокваши с зырянскими шаньгами и перед тем, как лечь спать, еще раз объехали вокруг – искали рукавицу. Но так и не нашли. Мы запечалились – что скажем маме? Рукавица была почти новая, и вот потеряли. Мать не успеваешь шить и чинить нашу одежду.

Когда мы проснулись, от утреннего свежего ветерка лодку покачивало на больших частых волнах. Солнце стояло выше тальников, а дружный вороний грай и беспокойные голоса чаек предвещали ветреный день. Мы поспешили снять сети. Рыбы оказалось совсем немного – маленький сырок да два пыжьяна. Зато щука какая! Раскрыв зубастую пасть, она все еще шевелила жабрами.

– Рукавицу-то так и не нашли, – вздохнул я, принимаясь грести.

– Да, чудно получилось. Словно улетела, – ответил Федюшка. – Рассказать – не поверят.

И правда – мать не поверила нам.

– Не могли так потерять рукавицу, – сказала она твердо. – Наверно, где-нибудь оставили.

– Да нет же, мама, мы и к берегу-то не приставали, – убеждал ее Федюшка.

– Ну, тогда ищите ее в своих вещах, в лодке. Рыбы-то хоть добыли? Батюшки, совсем мало! А щука большая и какая пузатая! Чай, икрная. Сейчас уху сварим.

Мать сложила рыбу в мешок и пошла домой, захватив с собой весла. Во дворе мы принялись развешивать сети для просушки. Этого нельзя было откладывать. Вдруг на крыльцо выбегает мать с засученными рукавами, в переднике и с радостно-изумленным лицом.

– Дети, рукавицу-то ведь я нашла! – весело воскликнула она.

Мы с братом молча переглянулись и продолжали работать. Тогда мать окликнула нас громче:

– Слышите, ребята? Вот потерянная-то рукавица! Смотрите!

Мы оглянулись, и верно – мать показывает рукавицу.

– Откуда она взялась? – произнес я с изумлением.

– Да у щуки в животе нашла, – объяснила мать сквозь смех.

– Как у щуки? – закричали мы и побежали в дом.

Оказывается, мать распоролa щуке живот и вместо икры увидела туго набитый чем-то темный желудок. А когда разрежала его, от удивления ахнула – рукавица!

– Ишь, воровка, – ткнул пальцем в щуку Федюшка. – И как она съела рукавицу?

Старый дед объяснил:

– Видно, плыла близко, увидела на воде рукавицу, приняла за утенка и – хватать. Прожорливы они, щуки-то. Помню, мы однажды в желудке у щуки подпилек обнаружили.

– Какой подпилек? – удивился я.

– Обыкновенный, с деревянным черенком. Наверное, кто-то выронил, он и поплыл торчком, а щука увидела и схватила.

Я долго рассматривал рукавицу, не повредила ли ее щука зубами, но рукавица была целая, только мокрая.

МЫШОНОК И ОЛЕНЕНОК

Ненецкая сказка

Бежит однажды Мышонок. Бежит, а навстречу ему Олененок. Мышонок и спрашивает его:

– Дружок Олененок, откуда ты и куда идешь?

Услышал Олененок мышиный писк, пригнул голову пониже и отвечает:

– Разве не видишь? За четырьмя ножками своими гоняюсь.

Тогда Мышонок засмеялся и сказал:

– Ты, оказывается, тоже сам не знаешь, куда идешь. Коли так, пойдем вместе!

Олененок согласился:

– Давай пойдем!

Пошли вдвоем. Мышонок еле успевает гнаться за Олененком. Много раз Олененок терял Мышонка из виду. А когда шли между кустами, чуть не наступил на Мышонка копытцами.

Шли-шли, Мышонок и говорит:

– Давай в прятки играть!

– Давай, – согласился Олененок, – ты маленький, ты и закрой глазки, а я спрячусь.

Мышонок сел на задние лапки, а передними закрыл глаза, Олененок побежал и спрятался за лежащим на земле деревом.

Долго искал Мышонок Олененка, но найти не смог. Наконец обессилел совсем. Сел и начал думать, как же все-таки найти Олененка. Долго думал. И додумался: «Ага, я этого великана хитростью возьму!»

Мышонок вдруг закричал:

– Дружок Олененок! Ты сам спрятался неплохо, а молодые рога видать!

Олененок подумал: «Эх, плохо я сделал! Правду Мышонок говорит!»

Вскочил он, чтобы получше рога спрятать, тут его Мышонок и увидел.

– А теперь я спрячусь! – сказал Мышонок.

Долго Олененок искал Мышонка, но найти не смог. Обессилел совсем и лег отдыхать.

Мышонок выбежал из-за кочки и смеется:

– Эх ты, дружок Олененок! Сам большой, а недогадливый! Я маленький, а хитрее тебя! – И юркнул в мох.

Фыркнул Олененок от обиды и побежал в другую сторону. С тех пор никогда не увидишь, чтобы Олененок с Мышонком вместе играли.

ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ

Ненецкая сказка

Жил-был в тайге Черный Медведь. Всю зиму лапу сосал-спал. Пришла весна, и у Черного Медведя растаяла берлога. Пошел он бродить по лесу. Бродил-бродил да и вышел к Ледовитому морю. А Белый Медведь как раз из воды выходит. Увидел он Черного и рассердился, даже шерсть дыбом встала. Кричит:

– Эй ты, Черный Медведь, зачем по моей земле ходишь?!

– Разве это твоя земля? – удивился Черный. – Ты же на льдине плаваешь, вот и плавай! А земля моя!

И стали они бороться.

Долго боролись, даже вспотели. Рычат да побряхтывают.

Наконец совсем устали.

– Уфф!.. – выдохнул Черный Медведь и сел на прибрежный камень.

– Офф!.. – откликнулся Белый Медведь и опустил на другой валун.

Отдышаться не могут, так измаялись!

Наконец Черный Медведь промолвил:

– Ты, Белый Медведь, сильнее меня, да я проворнее. И никогда нам не победить друг друга. Видать, мы с тобой братья.

Тут подлетела Серая Весенняя Куропатка, села поближе и говорит:

– Ай-я-яй! Это называется братья! Я видела, как вы лупили друг дружку! А зря дрались – во-он сколько места! – И улетела. Черный и Белый посмотрели – и верно: кругом раздолье!

И разошлись они по-хорошему. Так и живут кому где лучше. Белый – на льдине, Черный – в лесу.

ПОЧЕМУ РЫБЫ ЖИВУТ В ВОДЕ

Ненецкая сказка

Давно это было. В ту пору рыбы еще на земле жили, как все.

Однажды Рыбка заболела. Лежит она и стонет:

– О-ох! О-ох!

Слушал, слушал ее Сынок и вышел из чума – помощи искать. Вышел и видит: на суку сидит Старая Ворона. Ворона тоже увидела маленькую Рыбку и говорит:

– Сынок Рыбки, почему ты такой печальный?

– Мать заболела. Не знаю, что делать.

– Не печалься, – говорит Ворона, – хочешь, я тебе помогу? Я вылечу мать. Только ты не заходи в чум, если мать кричать будет. Это вместе с криком начнет выходить из нее болезнь. Понятно?

– Как не понять? – отвечает Рыбкин Сынок. И он остался на улице.

А Старая Ворона зашла в чум. Там, в углу, лежит Рыбка, тяжело дышит. Чешуя от жира блестит. «Вкусная!» – думает Ворона, а сама спрашивает:

– Почему ты лежишь?

– Да вот заболела, – отвечает Рыбка.

– Хочешь, я тебя вылечу? – спрашивает Ворона.

– А как?

– А вот так! – И Ворона сильно клюнула Рыбку.

Рыбка испугалась да как закричит:

– Сынок, где ты? Ворона меня съест хочет!

Кинулся Сынок в чум и прогнал Ворону. Ворона рассердилась, что не смогла Сынка обмануть, Рыбку съест, и созвала своих подруг. Стали они Рыбку с Сынком со всех сторон теснить. Метались Рыбка и Сынок туда и сюда да вдруг – плюх в воду. И не утонули. И никто их не съел. И самим еды вдоволь. С тех пор и стали рыбы жить в воде. И хорошо живут.

СНЕГИРЬ И МЫШОНОК

Ненецкая сказка

Жили-были Снегирь и Мышонок. Вместе собирали и копили хлебные крошки. Много собрали, устали даже. Снегирь и говорит:

– Хватит, однако. Собрали столько, давай делить поровну!

– Давай! – согласился Мышонок.

Стали делить.

– Это мне!

– Это мне!

– Это тебе!

– Это тебе!

Все поровну разделили. Одна только крошка осталась лишней.

– Это крошка моя! – говорит Мышонок. – Я больше тебя работал!

– Нет, моя! – кричит Снегирь. – Ты на месте крутился, а я далеко летал!

– Я землю рыл, чтобы в чум залезть, у меня все когти болят!

– А я по всему краю летал, крылья устали! Моя крошка!

Подняли они большой шум. И пока ссорились – потеряли крошку. Кинулись искать. А в это время на шум прилетела Куропатка, увидела две ровные кучки крошек да обе и склевала. Только Мышонок и Снегирь этого не заметили. И до сих пор они ту потерянную крошку ищут. Снегирь – в снегу, а Мышонок – в чуме.

СОВА И КУРОПАТКА

Ненецкая сказка

Сидит в своем гнезде Сова. Прилетел Коршун и сел против нее на кочку. Говорит ей:

– Сестрица Совушка, на юг лететь пора! Скоро бураны начнутся, замерзнешь в тундре.

Отвечает Сова:

– На юг я не полечу. У меня только-только детишки вывелись. Как я маленьких оставлю?

– А какая тебе от детишек польза? Их кормить надо, а ты сама с голоду пропадешь.

– Не пропаду! Тут куропатки есть, жирные, вкусные, вот мы и сыты будем!

– Ну как знаешь! – сказал Коршун и улетел.

А Куропатка недалеко сидела, все слышала. Испугалась она: «Соседка Совушка съест меня хочет! Что делать? Надо улетать отсюда». Решила так и полетела, долго летела, совсем обессилела. И опустилась возле моря Ледовитого, океаном оно называется.

Посмотрела туда, посмотрела сюда – нигде не видно Совушки. «Здесь некого бояться. Никто меня не съест», – радостно подумала Куропатка. Идет она по берегу, грудь выставила, голову подняла гордо, весело вокруг поглядывает.

Вдруг из-под кочки Мышонок:

– Куропатка, а Куропатка! Ко мне подойдешь, а от меня не уйдешь!

Кинулся он на Куропатку, да только кончик хвоста ухватил. А Куропатка и не заметила, идет себе дальше. Вдруг из-за кустов Горностаи:

– Куропатка, а Куропатка! Ко мне подойдешь, а от меня не уйдешь!

Прыгнул тут Горностаи, да успел лишь за Мышонка ухватиться.

А Куропатка от гордости совсем глупая стала, ничего не видит и не слышит. Тут за Горностаем Песец выскочил. За Песцом – Лиса.

Наконец на Куропатку сам Белый Медведь набросился, да тоже промахнулся, в Лису вцепился.

«Что-то совсем не могу идти, такой хвост тяжелый стал!»

Оглянулась она, хвостом мотнула – и оторвался Мышонок, и все покатались по снегу. И поняла тут Куропатка, сколько у нее врагов.

«Однако тут мне еще опаснее. Полечу обратно!»

Так и живут рядом Сова и Куропатка. Беспокойно Куропатке, да лучше, чем у океана.

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

Семнадцать вёрст тайгой до Харьегана*
От нашего высокого крыльца.
Ходил один. И не знавала мама,
Куда в мороз погнало сорванца.

Теперь не так легки мне вёрсты эти,
Далече пионерские года,
Но выросли в Мужах другие дети,
Которые, как я, дойдут туда!

Зачем душа моя стремится
В глухое княжество тайги,
Зачем спешит уединиться,
Пробраться, словно за буйки?

Затем, что ей лишь там возможно
Себя услышать, разглядеть,
Взглянуть на Бога осторожно
И от прозренья замереть.

Цветёт шиповник розовый
На тихом берегу.
Я сел на ствол берёзовый
И слушаю тайгу.

Здесь царство тридевятое
Живёт спокон веков,
Святое, не распятое,
Без кривды и оков.

Безжизненны деревья в стылом парке
И, словно в гипсе, в толстом куржаке –
Искрящемся в полдненный час подарке
Зимы с ледяным посохом в руке.

У барыни характер беспокойный,
Осердится – разденет догола,
И замер парк невольню подневольный
В смиренном ожидании тепла.

Стенала ночь. Стонала проводами,
И вьюги не стихающий напор
Усердно сёк вихрящими снегами
Скрипящий всеми рёбрами забор.

Огней фонарных стёрлись многоточья
В колючей непроглядной пелене,
И не пролить сквозь облачные ключья
Покою свет отшельнице-луне.

Течет лениво, безмятежно
Ночное олово реки,
В глуби небес мерцают нежно
И ярко звёзды-светляки.

И лунный круг шаманским бубном
Неспешно катит вслед за мной,
В мечтах, в молчании нетрудном
Так хорошо идти домой.

*Харьеган – хариусовая речка (хант.). Небольшая таёжная речка бассейна реки Сыни (левый приток Оби) в 18 километрах к западу от с. Мужы, ЯНАО.

Лениво солнце и, совсем не грея,
Волочится над крышами домов.
На стёклах окон вновь оранжерея
Невиданных деревьев и цветов.
Попрятались дворняги в теплотрассы,
Закрылись вглубь опилок и трухи.

Отменены занятия, и классы
Начальной школы гулки и тихи.
Вся ребятня сейчас у сельской бани.
Укутались – одни глаза блестят!
И с визгом – десять враз в большие сани –
С крутой горы до берега летят!

Сны мои морошки слаще,
Смятой в детском кулачке.
Сердце бьётся чаще, чаще,
Бойкой рыбкой на крючке

Золотых воспоминаний –
Леска прошлого прочна.
И наживка так сочна
Дорогих душе признаний.

Мое родное захолустье...
Душой сыновьей вечно здесь,
Густым настоем светлой грусти
И нежных дум пропитан весь.

Храни его, – взываю к Богу, –
Мой край в обители лесной!
Благодарю судьбы дорогу,
Что здесь я начал путь земной.

Простишь ли, родина, меня,
Что я люблю на расстоянье
Румянец твой на склоне дня,
В ночи полярное сиянье
И взор доверчивый озёр
В пушистых ивовых ресницах,

И по подолу трав узор,
Что мне с тоской сердечной снится,
И гул моторок на излучке,
Ручьи, что вторят им, звеня,
Что слишком часто мы в разлуке,
Простишь ли, родина, меня...

А надо лишь замедлить бег
И оглянуться на мгновенье.
Услышать птицы вещей пеньё
И умудрённый шепот рек

И осознать: спешить – нелепо,
И без того безумен век.
Всё мимоходом, в скачке, слепо,
А надо бы замедлить бег.

Зашептала просека осинкой
И берёзкой густо заросла,
Вновь иду знакомою тропинкой
В сторону родимого села.

Тридцать лет я с родиной в разлуке,
И хотя бываю каждый год –
Всё другое: запахи и звуки...
Новому приходит свой черёд.

Жива ли ещё на Кузьёле* избушка,
 Что давней порой приютила меня?
 В ней утвари было лишь ложка да кружка,
 Да спички с щепой для печного огня.
 И – да, три сухих сучковатых полена –
 Забота того, кто здесь ранее был,
 Чтоб путник, придя из дождливого плена,
 Согрелся, одеждой обсох, не простыл.
 До ночи холодным дождём поливало,
 И я у печурки сидел взаперти,
 А утром – ни облачка, как не бывало!
 Конец заточению, можно идти.
 Но помня о важном законе старинном,
 Дровец заготовлю тому, кто потом
 Окажется здесь в путешествии длинном
 И будет привечен заботы теплом.

Прояснилось. Небо в воду
 Крошит звездную крупу,
 Пусть день прожит в непогоду,
 Всё же добрую судьбу
 Подарило providенье,
 На невзгоды что пенять,
 Ведь любая – приключенье,
 Чтоб под солнцем не скучать.

Пуускай зима в пять раз длиннее лета,
 Мне Север никогда не разлюбить:
 Закаты здесь морошкового цвета,
 Увидишь – и уже не позабыть!
 Не позабыть полярное сиянье,
 Оленей бег и строганины вкус,
 Багульника в тайге благоуханье
 И россыпи во мхах брусничных бус!

Сибирская тайга, земель
 суровых джунгли,
 Навеки я в плену игольчатых ресниц!
 Истлеют сотни раз моих стоянок угли,
 А всё не доберусь я до твоих границ.
 Постели моховые, туманов одеяла –
 Поэту-пилигриму чего ещё желать?..
 Лишь тайны вековые Урала и Ямала
 Хотя бы на хвоинку разведать и познать.

Мне повезло – родился не в Милане,
 А в тех широтах, где полярный круг,
 На шестьдесят втором меридиане,
 И северный олень – мой лучший друг.

Милее мне студёная Лагорта,
 Рождённая во льдах Уральских гор,
 Чем прелести заморского курорта.
 На этом и закончим разговор.

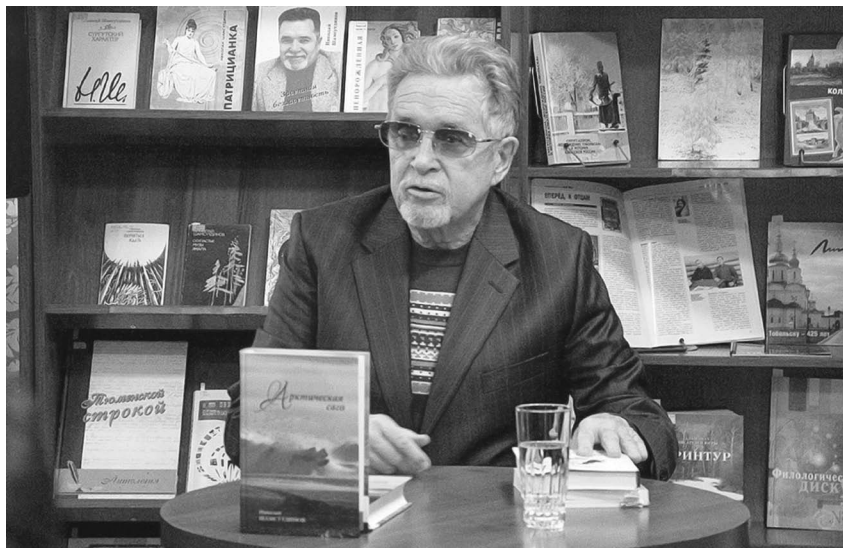
В густолесье глухариним
 Деревенька в семь дворов.
 Ночью – в хохоте совином,
 Днём – в мычании коров
 И других привычных звуках,
 Что хранят родной уклад.

Радость – в песне, воле, внуках,
 Жить подалее от палат
 Белокаменных, столичных.
 Ближе к Богу – глубже в лес,
 Где в распадках голубичных
 Хоронится край чудес.

*Кузьёль – ручей Кузьмы (коми). Небольшая таёжная речка бассейна реки Сыни (левый приток Оби) в 23 километрах к западу от с. Мужи, ЯНАО.

Вчера-Сегодня-Завтра

Обзор литературных событий Тюменской области

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ НИКОЛАЯ ШАМСУТДИНОВА «АРКТИЧЕСКАЯ САГА»

В пятницу, 22 февраля, в 12 часов в Литературно-краеведческом центре состоялась презентация книги известного писателя Николая Шамсутдинова «Арктическая сага».

Николай Миркамалович Шамсутдинов – первый на огромном нефтяном материке Среднего Приобья член Союза писателей СССР (март, 1982), член Союза российских писателей: поэт, публицист, сатирик, переводчик.

Первая книга стихов «Выучиться ждать» издана в 1980 году в Свердловске, в этом же году Николай Шамсутдинов окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор пятидесяти поэтических книг, десяти книг за границей, книг переводов

стихов Асламбека Осмаева, Гарая Рахима, «Поэзия тюменских татар», составитель, переводчик стихов и редактор книги молодых авторов «Земляки».

Участник международных литературных форумов в СССР, России, Скандинавии, Франции, Германии, Австрии, Словакии, Польше, Черногории, Грузии, Армении, Украине, Киргизстане, Болгарии.

Лауреат литературных премий: Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, Общенациональной премии России А.М. Горького (в СССР – Государственная премия РСФСР в области литературы им. А.М.Горького), Международных премий: им. М. Волошина (Украина, 2010), «Золотое перо» (Россия, 2011), «Русский стиль» (Германия, 2013), «Югра» (ХМАО, Россия, 2015), «Русские мифы» (Черногория, 2016), «Гран-при» «Интеллигентный сезон» (Крым, 2016), Специальной премии литературного фестиваля «Русский Гофман – 2017» (Калининград, Россия), Премии фестиваля «Славянские традиции - 2017» (Крым, Чехия), Всеканадского лит-конкурса «Взрослые-детям» (Канада, 2017), Золотая медаль фестиваля ЛиФФТ (Россия, Сочи, 2018), а также Литературной премии Уральского федерального округа (2013), Муниципальной премии города Тюмени (2014), Литературной премии (I степени) Губернатора Тюменской области (2015), Литературной премии «Книга года» (Тюмень, 2018).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2011), Академик Российской Академии поэзии (2018), Почётный работник культуры и искусства Тюменской области (2009). Председатель правления Тюменского областного отделения Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» (с 1994 года). Член Всемирной ассоциации писателей «ПЕН-клуб», сопредседатель Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья. Руководитель Тюменской дирекции Литературного фонда РФ, член Международного Литературного фонда.

Председатель жюри II Международного литературного фестиваля «Русский Гофман – 2017», на котором Николай Шамсутдинов стал обладателем Специального приза, Борис Бартфельд так охарактеризовал его творчество: «Его поэзия, сложная и по образам, и по звукописи, занимает своеобычное место в современной литературе. Оригинальная поэтика, виртуозная поэтическая техника,

необычная метафорика, насыщенность историческими аллюзиями делает стихи этого автора неповторимыми и узнаваемыми для посвященных».

Предстоящее в Литературно-краеведческом центре мероприятие – неординарное для Тюмени событие. Интригующее то обстоятельство, что книга северных поэм и стихотворений «Арктическая сага» является для автора итоговой не только в количественном аспекте, но и подытоживающей 50-летний цикл его интенсивной работы в отечественной словесности, ибо в этом году 26 августа Николай Миркамалович отмечает своё 70-летие!

СOLIDное (592 страницы) издание вышло в Северном издательстве (Салехард), отпечатано в Санкт-Петербурге. Оно поэтично повествовательно: о буднях рабочего Севера, о своеобразной и неповторимой красоте сибирской природы, о любви и неповторимой действительности человеческих судеб.

*По информации Е.А. Сущей,
заведующей Литературно-краеведческим центром МАУК ЦГБС*

ПРЕМЬЕРА ФИЛЬМА ТОБОЛ

17 февраля в Тюмени состоялась торжественная премьера фильма «Тобол», съемки которого прошли в древней столице Сибири – Тобольске. В презентации кинокартины приняли участие полномочный представитель президента России в Уральском федеральном округе Николай Цуканов, министр строительства и ЖКХ РФ Владимир Якушев, губернатор Тюменской области Александр Моор.

В церемонии участвовала творческая команда проекта, в числе которой и местные актеры, исторические консультанты и мастера прикладного творчества, деревянного зодчества и гончарного дела, задействованные в изготовлении декораций к фильму.

«Это замечательный исторический проект, рассказывающий о временах, когда Россия прирастала Сибирью. Основу развития нашей страны всегда составляли люди. В этот торжественный день мне очень приятно выполнить поручение президента и вручить орден «Родительская слава» большой и дружной семье Горшковых», – отметил полпред президента РФ в УФО Николай Цуканов. В многолетней тюменской семье родители воспитывают восьмерых детей, все члены семьи приняли участие в съемках фильма «Тобол».

Министр строительства и ЖКХ РФ, экс-губернатор Тюменской области Владимир Якушев, поддержавший идею создания фильма, рассказал, как началось его воплощение. «Чем больше мы обсуждали эту неординарную идею, тем больше приходило понимание, что с помощью этого фильма, снятого по роману Алексея Иванова, можно донести до широкой аудитории атмосферу, дух и характер людей, живущих в Сибири. Из Тобольска никто не уезжает рав-

нодушным, каждый чувствует ауру города. С помощью киноленты эти чувства можно передать зрителям, можно показать, каким стал уникальный Тобольск за последние восемнадцать лет, показать его замечательную архитектуру, восстановленные памятники. Сегодня, туристы не успевают за три дня посмотреть все, что есть в городе. Тобольск базируется на двух главных составляющих – великое историческое наследие и огромный промышленный потенциал. Они сочетают и дополняют друг друга», – поделился Владимир Якушев.

Фильм, снятый в жанре истерн, рассказывает об истории Сибири в петровские времена, первом губернаторе Матвее Гагарине, одной из противоречивых фигур того времени, знаменитом архитекторе, картографе, талантливом сибиряке и настоящем патриоте родной земли Семене Ремезове.

Как сказал о своем персонаже актер Дмитрий Назаров, в этом человеке воплощена связь времен. «Он крепко держал все, что вокруг него, семью, Тобольск. Он одной рукой тянулся в прошлое, забирая оттуда как историк и картограф все самое лучшее, а другой рукой тянулся в будущее, строя то, что до сих пор стоит в Тобольске», – сказал он.

Приветствуя собравшихся, губернатор Тюменской области Александр Моор, отметил что фильм состоялся благодаря усилиям замечательного творческого коллектива и при поддержке Фонда кино, бизнес-сообщества, стратегического партнера компании СИБУР.

«Мы действительно с нетерпением ждали первого показа. Для нас, жителей Тюменской области, очень важно, что эта историческая драма снималась в древней столице Сибири. Тобольск – это наша гордость. История этого города, его дух, люди, которые в нем жили и живут, события, которые происходили здесь и происходят, влияли и влияют на судьбу нашего региона и нашей страны. Сегодня город переживает вторую жизнь. Восстанавливаются храмы, музеи, памятники, преобразуется городская инфраструктура. Тобольск не оставляет равнодушным ни одного человека, который в него приезжает. В работе над фильмом «Тобол» были задействованы сотни талантливых и увлеченных людей. Наряду с блистательным и звездным актерским составом в кадрах «Тобола» можно увидеть и наших земляков. Творческий проект дал возможность местным актерам и мастерам народного творчества проявить свои таланты. Все, кто побывал на съемочной площадке, получили незабываемые впечатления от участия в этом проекте. Убежден, что этот фильм, выйдя на большие экраны кинотеатров, поднимет новую волну интереса к истории Сибири, привлечет внимание к нашему региону еще большего числа наших соотечественников и зарубежных гостей, которые приедут в Сибирь по своей воле. Уверен, ни один зритель не останется равнодушным, кто-то по-новому взглянет на исторические события, узнает подробности, а кто-то откроет Сибирь заново», – высказал мнение губернатор.

Уже 21 февраля 2019 года фильм «Тобол» выйдет в мировой прокат. Съемки фильма проходили в Тобольске и Тобольском районе весной, летом и осенью 2017 года. Фильм снят по одноименной книге Алексея Иванова. Монтаж картины занял год. В киноленте присутствуют как вымышленные герои, так и реальные исторические персонажи, такие как знаменитый сибирский летописец, картограф, историк и архитектор Тобольска Семен Ремезов (Дмитрий Назаров), первый сибирский губернатор Матвей Гагарин (Евгений Дятлов).

Источник: Пресс-служба губернатора Тюменской области

ПОЭЗИЯ НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

С большим успехом в Тюмени прошел поэтический концерт из цикла «Поэзия на языках коренных народов». Мероприятие организовано в рамках международного проекта ООН и России «Год языков коренных народов», куратор проекта по Тюменской области Екатерина Володина. Первый вечер этого цикла прошёл в Москве: 14 января в Доме Поэтов на разных языках мира прозвучали стихи классиков и современных авторов. В рамках культурного события состоялась встреча с Маргаритой Аль – автором вышеуказанного проекта, российской поэтессой, издателем, общественный деятелем, членом международного ПЕН-клуба, главным редактором литературного журнала «ЛиФФт» и председателем Союза Писателей и Читателей «СПИЧ», Евразийского Литературного Фестиваля ЛиФФт. На мероприятии присутствовали советник Почётного генерального консула Республики Беларусь в городе Тюмени Павел Смирнов и член Совета по молодёжной политике при полпреде Президента РФ в УрФО Алексей Нелаев.

Эстафету подхватили литераторы Тюменской области.

В ходе вечера 18 января прозвучали стихи тюменских авторов на русском, белорусском, украинском, коми, чувашском, хантыйском, немецком и других языках народов России, стран СНГ и Евразии. Больше половины участников

вечера «Поэзия на языках коренных народов» – молодые тюменские поэты. С чтецким перформансом на вечере выступила студия авангардного театра «ЛЕСТНИЦА» Тюменского государственного института культуры.

В рамках цикла «Год языков коренных народов» планируется провести более 40 литературных вечеров в России и за рубежом.

Краеведение

ВИКТОР КОПЫЛОВ

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕНДЕЛЕЕВ В РОДНЫХ МЕСТАХ

*«Места, где жил великий человек,
Священны: через сотни лет звучат
Его слова, его деянья – внукам!».*

И.В. Гете

*«Вы скажете – это история, но от истории не вырваться.
История есть неизбежная колея, по которой движется какой бы то ни было
научный или общественный прогресс».*

Д.И. Менделеев.

Дмитрий Иванович Менделеев. Создатель Периодической таблицы химических элементов. Автор фундаментальных исследований по химии, химической технологии, физике, воздухоплаванию, метеорологии, экономике, просвещению и пр. Профессор Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук. Фигура мировой величины. Наш земляк...

РОДИНА ГЕНИЯ – ТОБОЛЬСК

История располагает документом о рождении великого русского ученого-сибиряка Д.И. Менделеева. В Тобольске хранится метрическая книга духовной консистории за 1834 год. На пожелтевшей странице в графе о родившихся по градотобольской Богоявленной церкви записано: «27 января тобольской гимназии директора – надворного советника Ивана Павловича Менделеева от законной его жены Марии Дмитриевны родился сын Дмитрий». Глава семьи, отец Дмитрия Ивановича, по праву директора гимназии занимал флигель во дворе здания учебного заведения. Здесь и родился будущий ученый. Здание сохранилось до сих пор.

Виктор
Копылов

Вскоре из-за потери зрения И.П. Менделеев оставил свою должность. Многочисленная семья, маленький Митя был четырнадцатым ребенком, переехала в село Верхние Аремзяны под Тобольском. В селе находился небольшой стекольный завод, принадлежавший одному из родственников Марии Дмитриевны. Заводик стал единственным источником средств и надеждой большой семьи.

Фабрика выпускала бытовую посуду из некачественного зеленого стекла. Это создавало постоянные трудности по сбыту продукции. И только благодаря настойчивости и энергии управляющей хозяйством Марии Дмитриевны производство стекла едва-едва не переходило грань убыточности. Здесь, на заводе, маленький Митя впервые столкнулся с промышленным производством, своими глазами видел таинства превращения веществ в стекло под действием высокой температуры. Скорее всего, банально прозвучала бы мысль о том, что уже в детские годы будущий великий химик определил себе весь последующий жизненный путь. Несомненно другое: яркие впечатления детства навсегда остались в его памяти, и отблеск их постоянно оказывал влияние на принятие тех или иных решений в зрелые годы.

В летнее время дети жили в Аремзянке, а осенью, на зиму, возвращались в Тобольск на учение. Первым детским впечатлением, запомнившимся на всю жизнь, стало открытие памятника Ермаку в 1839 году. Пятилетний Митя с матерью, братьями и сестрами участвовал в праздничной церемонии. В том же году семья Менделеевых возвратилась в Тобольск и поселилась в доме, оставленном зятем Марии Дмитриевны – Капустиним.

Незаметно подошли годы учебы. С 1841 по 1849 гг. Д.И. Менделеев – ученик Тобольской гимназии. Будущий ученый занимался неровно. Известен лишь документ об окончании учебы, так как архив гимназии, представляющий большую научную ценность, к сожалению, погиб в годы гражданской войны. Аттестат подписал «исправляющий должность директора гимназии и училищ Тобольской губернии, инспектор, коллежский советник Петр Ершов». Знаменательное событие произошло 14 июня 1849 года. Как следует из аттестата, средний балл пятнадцатилетнего Дмитрия Менделеева был

3,22. Впрочем, этому и не следует удивляться, так как основной задачей гимназии тех лет было воспитание у выпускников «любви к религии, престолу и Отечеству». Для достижения этой цели гимназический режим обучения и воспитания предусматривал наблюдения за образом мыслей и поведением учащихся, строгие физические наказания провинившихся, изучение мертвых языков типа латинского, штудирование Закона Божьего. Неслучайно в зрелые годы Д.И. Менделеев, вспоминая школьные радости, к самым памятным из них относил сожжение гимназистами учебников латинского языка на знаменитом Панином бугре неподалеку от гимназии.

Подвижный и общительный, Митя не был мальчиком-паинькой. Както, уже в преклонные годы, Д.И. Менделееву нездоровилось, болели кости и мышцы, всего ломало. Чтобы легче было переносить боль и успокоить семью, он с улыбкой вспоминал: «Точно так же ломало меня всего, когда я был еще гимназистом, после драки на мосту в Тобольске с купцами».

Среди любимых учителей Д.И. Менделеева в первую очередь следует назвать П.П. Ершова – учителя словесности и директора гимназии, автора знаменитой и любимой на протяжении полутора веков всей грамотной Россией «Сказки о Коньке-Горбунке». Хорошие отношения с умным и добрым учителем Д.И. Менделеев сохранил до конца жизни. Они вели переписку, когда Д.И. Менделеев уже работал и жил в Петербурге. Благодарный ученик способствовал переизданию «Конька-Горбунка». Родственники Д.И. Менделеева вспоминают, что он коллекционировал различные выпуски этой книги, и у него скопилось неплохая подборка знаменитой сказки, изданной в разные годы в России и за рубежом.

В детстве Митя Менделеев много путешествовал по окрестностям Тобольска, бывал в известном Ивановском монастыре (илл. 38), что в нескольких верстах от города, любил географию. В Тобольском краеведческом музее хранится «Краткий атлас Российской империи», изданный в 1837 году департаментом народного просвещения для уездных училищ. Атлас принадлежал брату Д. И. Менделеева Павлу. Нет сомнения, что по этому же атласу учился и Митя, раскрашивая от руки учебные карты.

Братья и сестры Д.И. Менделеева росли, разъезжались по другим городам. Ко времени окончания гимназии скончался отец, сгорел в Аремзянке стекольный завод. Уже ничего не удерживало Марию Дмитриевну в Тобольске. На свой страх и риск она решается оставить город и отправляется в Центральную Россию, чтобы младший сын смог продолжить образование. История должна быть благодарна М.Д. Менделеевой за ее необыкновенную уверенность в своем сыне, в его особом предназначении, ради которого она бросила все свои дела и близких. Спустя год Мария Дмитриевна скончалась в Петербурге в возрасте 60 лет.

В становлении мировоззрения будущего ученого огромная роль принадлежит семейному окружению Д.И. Менделеева, а также многолетней дружбе родителей со ссыльными декабристами, проживавшими в Тобольске, Ялуторовске, Туринске, Кургане и в других городах Сибири. Прадед Д.И. Менделеева по матери был родоначальником печатного дела в Сибири. Он организовал издание первого за Уралом периодического литературного журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Его сын Д.В. Корнильев, дед Дмитрия Ивановича, издавал в Тобольске исторический журнал, обладал богатой библиотекой, которая целиком перешла в семью Д.И. Менделеева. Высшее образование имел отец ученого.

Менделеевы в Тобольске постоянно общались с декабристами М. А. Фонвизиным, И. А. Анненковым, С.М. Семеновым, П.Н. Свистуновым, П.С. Бобрищевым-Пушкиным, а в Ялуторовске с М.П. Муравьевым-Апостолом и И.Д. Якушкиным. Сын декабриста И. А. Анненкова, Владимир, был школьным товарищем Мити Менделеева. Со ссыльным декабристом Н.В. Басаргиным семья Менделеевых даже породнилась: за него в 1848 году вышла замуж одна из сестер, Ольга Ивановна Менделеева. Она жила с Н.В. Басаргиным в Ялуторовске рядом с другим декабристом И.И. Пушиным, другом А.С. Пушкина, до 1857 года. Н.В. Басаргин считал Дмитрия Ивановича своим братом, писал ему из Ялуторовска письма, интересовался его учебой, распределением на работу, поддерживал материально.

Мать Дмитрия Ивановича способствовала нелегальной переписке декабристов, проживавших в разных городах Западной Сибири. Она перевозила их письма из Ялуторовска в Тобольск и обратно, минуя государственную почту и цензурные проверки.

Мария Дмитриевна находилась в особо близких дружественных отношениях с Натальей Дмитриевной Фонвизиной – образованной и самоотверженной женщиной, которой гордится вся Россия. Н.Д. Фонвизина поехала в Сибирь вместе со своим мужем и разделила с ним горькие годы ссылки. При встречах с Менделеевыми она рассказывала о своей жизни в Петербурге, где встречалась с А.С. Пушкиным и, как гласит легенда, стала прообразом Татьяны Лариной; о скитаниях в Забайкалье и по Сибири вместе с мужем, в прошлом боевым генералом, героем Отечественной войны.

Несомненно, сочувствие родителей декабристам, впечатления детства и первых юношеских лет, складывавшиеся под воздействием общения с передовыми людьми того времени, на всю жизнь оставили в душе Д.И. Менделеева не только глубочайшее уважение к деятельности ссыльных зачинателей русского освободительного движения, но и основы их мировоззрения, уважение к простым людям, к труду, без которого не может быть человека как личности.

МЕНДЕЛЕЕВ В ТЮМЕНИ

Имя Дмитрия Ивановича Менделеева прочно и навсегда связано с городом Тобольском, обладающим честью называться родиной великого ученого. Реже упоминается оно применительно к Тюмени. Между тем в судьбе Д.И. Менделеева город на реке Туре сыграл заметную роль.

В середине 1899 года Дмитрий Иванович вместе с группой своих помощников предпринял поездку по горнозаводскому Уралу. Некогда процветавшая здесь металлургия, гордость промышленности России, к концу XIX столетия пришла в упадок. Ревизия уральских заводов преследовало вполне конкретную цель: найти пути восстановления былого могущества местной промышленности. План посещений городов и заводов включал в себя обширную территорию от Златоуста на юге Урала до Нижнетагильского округа на севере и от Шайтанских заводов на западном склоне Уральских гор до Тобольска – на восточном.

Как выяснилось, одной из главных причин упадка металлургической промышленности была хроническая нехватка топлива – древесного угля. В поисках новых мест для его получения Д.И. Менделеев обратил внимание на Зауралье, богатые лесами районы в междуречье Туры, Тавды и Конды. Надо было оценить их запасы, наметить пути транспортировки древесины, включая водные и железнодорожные.

Деятельный Менделеев еще в Екатеринбурге расспрашивал попутчиков о лесах, о Дорогах и даже получил совет отправиться в Тобольск на подводе через Иевлево. что на реке Тобол.

Была и еще одна причина. Годом раньше Тобольск и Тюмень по рекомендации Менделеева посетил адмирал С.О. Макаров. По возвращении в Петербург он рассказал Дмитрию Ивановичу о поездке, о встрече в Тюмени с директором реального училища И.Я. Словоцовым, с которым Менделеев переписывался. Страстное желание увидеть на склоне лет родной город, старых друзей разгорелось до предела. Поначалу Дмитрий Иванович намеревался плыть в родной город по Тавде, но затем передумал и направил по реке для осмотра лесов своих помощников.

Ранним утром 28 июня 1899 года Менделеев, продолжая поездку по Уралу, выехал поездом из Нижнего Тагила в Екатеринбург, а затем далее на восток до Тюмени, чтобы успеть к пароходу, который отходил в Тобольск по жесткому расписанию: река Тура мелела, и рейсы пароходов становились все более редкими.

Оставляя на полпути в Тюмень в ранние утренние часы станцию Камышлов, Дмитрий Иванович вспоминал, что именно здесь добывалась и закупалась его матушкой белая глина для Аремзянского стекольного

завода... Нетерпеливое ожидание скорой встречи с родными местами, знакомое каждому, кто много лет не бывал в милых краях детства, захлестнули душу и сердце ученого. Ночь прошла беспокойно, спалось плохо, а с рассветом сон и вовсе ушел куда-то... До сна ли?

Вот и станция Тугулым. Где-то здесь, между деревнями Марково и Тугулымская, на границе Пермской и Тобольской губерний, стоял столб из кирпичика и с гербами обеих губерний. Дмитрий Иванович вспомнил, как полвека назад пятнадцатилетним юношей, проезжая здесь с матушкой по дороге из Тюмени в Екатеринбург, он видел этот столб, весь испещренный именами ссыльных и каторжан, нацарапанными на штукатурке. Вскоре впереди показалась Тюмень. Было утро 29 июня. Несмотря на холодную и дождливую погоду, Д.И. Менделееву понравился въезд в город через стройные ряды деревьев, посаженных вдоль дороги, новое здание вокзала с ухоженной и благоустроенной железнодорожной платформой.

Краткая остановка на вокзале, и поезд идет дальше, в тупик, в обход городских строений на берег р. Туры (левого притока р. Тобол) к речной пристани. «Тюмень я видал только издали, потому что и станция, и пароходная пристань, куда подошел поезд, не в самом городе», – писал в отчете о поездке Д.И. Менделеев.

Железнодорожной ветки на Омск, построенной значительно позже, в 1910–1913 годах, еще не было. Деловой, непассажирский вокзал под названием «Пристань Тура» (илл. 39), (позже – «Станция Тура»), который сохранился и поныне, принял персональный вагон Д.И. Менделеева в одном из своих тупиков. Здесь вагон находился до возвращения хозяина из Тобольска. Вдоль набережной реки Туры располагались пристани, принадлежащие Западно-Сибирскому пароходству, отдельным промышленникам и Богословскому горному округу. Сравнительно узкая невсхолмленная полоса земли на берегу Туры была достаточно благоустроена и освещена электричеством. Все пристани имели телефонную связь между собой и с городом.

Что представлял собой уездный город Тюмень 1899 года – первый русский город в Сибири? Популярный энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон» сообщал читателю: «Жителей ...29621, жилых домов каменных 150, деревянных 4755, церквей 18, часовен 6, мужской монастырь.. .» Город располагал реальным училищем, одним из лучших в Сибири, с прекрасным естественно-историческим музеем, созданным директором И.Я. Словоцким. Тюмень располагала двумя народными библиотеками, цирком на базарной площади, театром, десятками фабрик и заводов с развитым коженным производством, судостроением и мощным речным пароходством.

В городе выходили две газеты: «Сибирская торговая газета» и «Тюменские известия». Вместе с тем, как извещал иллюстрированный географический сборник «Азиатская Россия», город «...грязный и неряшливый; улицы немощные, изрытые ямами... Экипажей рессорных нет, да и вряд ли возможно на них ездить; дома преимущественно деревянные, почерневшие, но есть и оштукатуренные, приличные и даже красивые...»

До отправки парохода оставалось совсем немного времени. Ученый осмотрел станцию, прошелся по ближайшей пристанской улице, сфотографировал на реке землечерпалку и пароход с баржей (позже эти фотографии вошли в его отчет). Стояла пасмурная и холодная погода, моросил дождь, и потому прогулка не затянулась. Но и за это короткое время Менделеев успел сделать немало наблюдений: станция завалена грузами, железная дорога и река явно не справляются с перевозками. Зоркий глаз Менделеева замечает множество ссыльных переселенцев, работающих на пристани.

Наблюдения за мелководной Турой утвердили зреющий вывод Дмитрия Ивановича о необходимости продолжения уральских железных дорог дальше – на восток к Тобольску и на северо-восток к Тавде. «Тюменцы, конечно, видят преимущественно свою Туру и только требуют ее улучшений, но на ней и ныне действуют сильные землечерпалки, что мало помогает. Путь этот, без сомнения, следует всемерно улучшать, но его уже теперь мало», – записывает после бесед на пристани Д.И. Менделеев. И продолжает: «Вот эти-то трудности по Туре и делают необходимым проведение нового железного пути в направлении, лучше всего, к Тобольску, лежащему на многоводном Иртыше».

Менделеев рассматривает варианты железной дороги к родному городу: от Кушвы к Верхотурью до Тобольска, от Ирбита к Тавдена Тобольск. Упоминает о компании «Ермак», ведущей изыскания для сооружения стальной магистрали к тавдинским лесам. Спустя много лет сбылась мечта ученого, о которой он, не переставая, повторял в те далекие годы: «Родившись в Тобольске и вновь увидев ныне его исключительно благоприятное географическое положение, я считаю соединение его с сетью железных дорог первейшим и настоящим способом для оживления всей Западной Сибири...» Точно в полдень 29 июня 1899 года пароход «Фортуна» отвалил от тюменской речной пристани. Менделееву предстояло полуторасуточное путешествие до родного города...

В Тюмень Менделеев возвратился 7 июля, прямо к отходу поезда. Вот как описывает свои впечатления сам Дмитрий Иванович: «...Сели в свой вагон, ждавший нас уже (по телеграфному извещению) у пристани и отправились прямо в Екатеринбург... От Тюмени до Екатеринбурга всего верст около трехсот, а поезд, выходящий вечером, приходит только около полудня.

Утром на пути меня поразило благоустройство лесов, тянувшихся на десятки верст вдоль дороги: лесосеки одновозрастных насаждений чисты, сучья и валежник выбраны и лежат в кустах, очевидно, приготовленные к вывозу, и вообще видна старательность рук... Это не часто видится и во внутренних губерниях, где лес много дороже... В промежутках лесов везде косят, стоги мечут – самое сенокосное время...» Всего два деятельных дня своей жизни посвятил Д.И. Менделеев Тюмени, а какой богатый материал и далеко идущие выводы были получены за столь короткое время! Безмолвным свидетелем тех менделеевских трудов остается старинное здание станции «Тура» с мемориальной доской, посвященной пребыванию здесь Д.И. Менделеева.

Литературная критика

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ

В 2018 году отмечали 90 лет со дня рождения сибирского писателя Маргариты Анисимковой. Эта памятная дата дала повод к некоторым рассуждениям, которыми я бы хотел поделиться с читателями.

ЦАРСТВЕННАЯ ОСОБА В СОБОЛЯХ

Анисимкова Маргарита Кузьминична

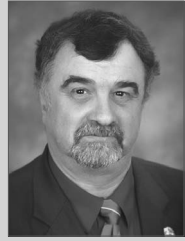
Если спросить писателя, почему он написал то или иное произведение, почему он написал его так или эдак, то он, пожалуй, не даст вразумительного ответа. Да и откуда ему знать? Он же, как говорил Сергей Есенин: «Божья дудка». Что через него транслируется свыше, то и выходит из-под его пера.

А что есть художественное творчество, как ни способ познания мира?

Что это как ни попытка проникнуть в суть Божественного откровения и в доступной форме изложить услышанное и прочувствованное тобой окружающим.

Пророки, вожди, апостолы, просветители, властители дум все они были, помимо всего прочего ещё и писателями. Но вот почему из-под их пера, молотка и зубила выходили именно эти произведения, они не смогли бы ответить.

Уже потом, учёные историки, лингвисты, литературоведы, читая, анализируя, сопоставляя, сортируя те или иные тексты, присваивая им номера и вешая на них ярлычки, раскладывают всё по полочкам. Объясняют с учётом места и времени, ещё Бог знает чего, то, почему писатель создал вот эдакую штуку, как выполнил социальный заказ, как отобразил народные чаяния. И всё

Игорь
Кириллов

это, обязательно, с учётом личности писателя, его окружения, его увлечений, страстей, пороков, достоинств и недостатков.

А сам писатель, читая труды о себе любимом, как правило, соглашался с высказываниями умных людей. Как же – ведь они – учёные. Это люди, обременённые разного рода научными званиями и степенями. За ними – авторитетные, всеми признанные труды. Да и просто удобно. Задумываться не надо.

Спросят тебя досужие журналисты: «А почему?» А ты им – раз, и ссылочку на труды того или иного исследователя. Вот мол, выполнял заказ большой общественной значимости, отражающий душу народную. Создал полезное произведение, нужное. Такое, что способствует воспитанию подрастающего поколения в духе... Ну и так далее.

Выстрелит писатель в пространство такой вот заряд мудрых сентенций и замолкает с важным видом. Молчит и прислушивается. А что же ещё диктуют ему сверху. Пытается постичь и перенести всё на бумагу, а может и сразу в «цифру», то бишь, загнать в компьютер. Потом соединяет куски текста, редактирует, издаёт, давая новую порцию пищи научной братии.

Если попытаться понять почему Маргарита Анисимкова написала те романы, которые вышли под её именем, почему была избрана именно эта тематика, хотя казалось бы жизнь диктовала совершенно иное, то всё это будет не более чем очередной попыткой формализовать (залить формальдегидом) то, что является естественным продолжением её долгой, довольно трудной, но интересной и динамичной жизни. Попыткой в очередной раз пришить бирочку, навесить ярлычок, поставить в ряд, положить на полочку.

Но иного нам и не дано. Так, что уж – чем богаты, как говорится. Есть ещё одно обстоятельство. О Маргарите Анисимковой, о её жизни и творчестве довольно много написано. Тут и журналисты из нижевартовских газет постарались И тюменский литературовед Владимир Рогачёв, и главный редактор

«Литературной России» Вячеслав Огрызко, их коллега из Ханты-Мансийска Евгений Каргополов руку приложили. А также многие, многие другие. От краеведов до библиотекарей. Приступая к работе, непременно сталкиваешься с тем обстоятельством, что уже о многом написано и опубликовано на страницах литературного альманаха «Эринтур».

Так о чем же тогда? Что предложить читателю? Какие-то свои личные впечатления? Какое-то своё видение. Иное, отличное от общепринятого, своё понимание того, что сделала Маргарита Анисимкова за свою долгую жизнь? Да, это было бы самым правильным. Удастся ли? Кто знает, но попробовать стоит.

Три преподавателя Тюменского государственного университета Галина Долинина, Наталья Рогачёва, Елена Эртнер опубликовали в одном из номеров альманаха «Эринтур» (№ 5 за 2000 год) статью под названием «Литература освоения». Так в частности они пишут:

– Усилиями писателей и критиков «Освоение» стало горизонтом, который очерчивает современную тюменскую литературу, замыкает её внутри себя. Вдумаемся в слово «освоение», – пишут они далее, – Слово образовано от глагола «своить» – делать мир своим.

В этой работе авторы, к сожалению, не упоминают о работах Маргариты Анисимковой. Но, на мой взгляд, всё её творчество было направлено на то, чтобы мы, те, кто пришли в начале 70-х годов прошлого века в Среднее Приобье, Западную Сибирь сумели бы сделать этот мир по-настоящему своим. И особенно важным это было не столько для нас, сколько для наших детей и внуков, тех, которые родились и выросли в Сибири, и другой малой родины у них нет, не было и не будет.

А мы, пришедшие, как тогда говорили, с «большой земли», что знали о «Земле Сибирской» о его коренных жителя? Весьма и весьма мало. Для нас были непонятны их традиции, обычаи и верования, странным казался образ жизни. И может быть поэтому водители гусеничных тягачей, геологи, строители дорог походя разоряли в тайге священные для аборигенов капища, разрушали построенные ими избушки и лабазы.

Наши представления о жизни коренных малочисленных народов Севера формировались на основе слухов, вымыслов, анекдотов. Вот какие истории ходили тогда в нашей среде:

– Один водитель крепко подружился с семьёй таёжного охотника. Бывая у него в гостях, он даже ложился в одну постель с его женой, и муж относился к этому спокойно, или как бы сейчас сказали – толерантно.

Спустя какое-то время охотник приехал в Сургут, пришёл в гости к водителю. Посидели, выпили, закусили. Время ложиться спать. Гость стал требовать, чтобы его положили в одну постель с женой хозяина. Хозяин возмутился. Стал кричать – у нас так не принято!

– А если не принято, – отвечает гость, то почему ты спал с моей женой, когда гостил у меня?

Было это на самом деле или нет – не знаю. Тогда, в середине семидесятых, жизнь коренных народов была для нас тайною за семью печатями. Да и, если честно сказать, не было большого количества охотников срывать эти самые печати, открывать для себя эти самые тайны. И государство старалось всячески оградить коренных жителей от общения с первопроходцами. Вот, например, доступ в деревню Русскинские Сургутского района был просто закрыт. Оно и понятно – хлебосольные гости могли просто-напросто спойть аборигенов, скупая у них за водку и одеколон мягкое золото – шкурки соболя, белки и т. д.

Но приведу ещё одну цитату из статьи «Литература и освоение». Вот что пишут тюменские учёные:

– Известный эстетик М. Коган, размышляя об эстетическом освоении действительности, отмечает: « Эстетическое отношение к действительности возникает только тогда, когда человек возвышается над утилитарным, эгоистическим к ней отношением, когда человек перестаёт быть его рабом, когда он утверждает в предметном мире свои силу, свободу, достоинство».

А наше отношение к окружающему нас миру в то время было в основном «утилитарным» и «эгоистическим». Мы хотели только рвать, хватать, хапать. Для нас это была территория освоения. Мы не знали ни её истории, ни её героев, ни её богов и идолов. Впрочем, наша ли только это была вина? Чем был мотивирован приезд большинства из нас в Среднее Приобье? Длинным рублем, высоким заработком, знаменитым «триста прямого». Что могло помочь нам измениться, возвыситься над утилитарным и эгоистическим? Слово. Литература.

Чтобы понять окружающий нас мир, освоить его – то есть сделать своим, нужны были книги, много книг. Серьёзные романы и повести о жизни коренных малочисленных народов Севера в прошлом и в настоящем. А много ли мы можем назвать таких произведений и их авторов даже сегодня? А что уж говорить о тех годах, когда помимо обычного голода был ещё и жуткий книжный голод. И книги, которые выходили довольно большими тиражами оказывались просто недоступными для большинства из нас. В том числе и книги Маргариты Анисимковой. Последнюю треть своей жизни она жила и работала в Нижневартовске, более того долгое время мы были просто соседями. Всё её творчество было направлено на исполнение благороднейшей миссии – служению Слову, которое помогло бы нам возвыситься над утилитарным и эгоистическим. Открыть и по-настоящему освоить мир, в котором живём.

Да, мы были соседями, но вот что интересно: мне никогда и в голову не могло прийти, что можно вот так запросто подойти к этому человеку, представиться, завести разговор. Виною тому, наверное, была уже известная в то время картина

народного художника СССР Владимира Игошева «Портрет писательницы Маргариты Анисимковой», где была изображена гордая и величественная женщина, с царственной осанкой и в соболях.

А на самом деле, об этом я узнал гораздо позже, она была великой труженицей, весьма и весьма приветливым человеком. А вот эта её «царственность» была своего рода щитом от дураков, ничтожеств, человеческой серости и носителей духовной убогости, которых было тогда в избытке, как среди простого люда, так и среди власть имущих.

Что меня всегда поражало в ней, так это её потрясающая работоспособность. Все её крупные произведения были написаны и, что, самое главное, изданы уже после того как ей исполнилось 60 лет. Для многих эта дата – завершающий юбилей на творческом пути. Иные творческие люди просто не доживали до этих лет, сгорали в борьбе с жизнью, с творческими неудачами, от водки и непонимания.

А у Маргариты Анисимковой после шестидесяти было ещё двадцать пять лет напряжённого, плодотворного писательского труда. Она работала, что называется до самого финала.

Незадолго до её кончины мы с женой навестили Маргариту Кузьминичну. В последние годы такие встречи стали для нас традиционными во время моих нечастых посещений Нижневартовска. Она угостила нас чудесными беляшами, которые испекла прямо на наших глазах, напоила чаем, а потом показала толстенную рукопись. Это был то ли её новый роман, то ли сборник рассказов, основанных на пережитом. А, может быть, и то и другое.

– Встаю я рано, – рассказывала она тогда за чаем. Где-то в половине четвёртого утра и сажусь писать. Хорошо, тихо, никто не мешает. Работаю примерно часиков до шести, а потом провожаю Петра (сына) на работу. И так каждый день.

Ещё один пример поразительной работоспособности Маргариты Анисимковой приводит главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко:

– В середине восьмидесятых годов (прошлого века) томик с текстом Плотниковской поэмы «Янгал-Маа» попал на глаза писательницы Маргариты Анисимковой, которая на протяжении тридцати с лишним лет занималась собиранием и обработкой мансийских сказаний. (Поэма была основана на мансийских сказаниях, создана и издана ещё до Октябрьской революции. Книжка представляла собой великий раритет и была абсолютно недоступна для массового читателя).

Больше недели Маргарита Анисимова переписывала от руки поэму в Ленинской библиотеке. В итоге писательница подготовила свою обработку сюжета о богатыре Вазе, но уже в прозе. Это переложение, с предисловием Артура Чернышова вышло в 1990 году в издательстве «Столица».

«На протяжении тридцати лет...» Откуда такая верность теме? Есть много ответов на этот вопрос. Но один из них я нашёл в уже упоминавшейся статье преподавателей Тюменского университета:

«Освоение чужой культуры начинается с фольклора в форме перевода, пересказа произведения на чужом языке. Для чужого читателя».

И далее: «Фольклорная традиция ведёт за собой поиск настоящих людей, с которых начинается история данного места. Будь то Ермак для русских, Ваули – для ненцев».

Тогда многие занимались сборианием и обработкой фольклора. Ещё была жива Анна Конькова, внесли свой вклад в это дело и Николай Смирнов и Нина Зинченко. И многие другие. Но Маргарита Анисимкова работала с народными сказаниями на протяжении всей своей большой жизни. Некоторые писатели и ученые из числа коренных малочисленных народов высказывали порой недоумение, которое граничило с возмущением: «Как это так, русская женщина, русскоговорящая, собирает и обрабатывает наш фольклор?» Что тут можно ответить? Да и нужно ли отвечать? Очень часто природа подобного рода сомнений была весьма и весьма далека от литературы. Остаётся ещё раз сослаться на авторитетное мнение тюменских учёных: «Освоение чужой культуры начинается с фольклора в форме перевода, пересказа произведения на чужом языке. Для чужого читателя».

Краеугольным камнем всего творчества Маргариты Анисимковой является собиание и обработка мансийских и ненецких сказаний. А венцом этого направления её творчества, безусловно, стал полноформатный исторический роман «Ваули».

Роман о восстании тундровых ненцев в первой половине девятнадцатого века, влияние ссыльных декабристов на эти события, народный герой, который зажёт в душах земляков ненависть к эксплуататорам и поработителям... Наверное, всё это есть в романе. Но я, помимо всего прочего, обнаружил в нём великое множество удивительных вещей. В произведении практически нет ни одной крупной батальной сцены. Молодой ненец Ваули утверждает среди земляков как вождь не с помощью силы, а с помощью правды. Он побеждает врагов не оружием, а своим моральным авторитетом. «Бог не в силе, а в правде!» Этот моральный канон, оказывается, одинаково близок не только русским, но и самоедам. Вот она точка соприкосновения двух цивилизаций. Вот где можно и нужно искать основы для взаимопонимания и сосуществования на суровой северной земле.

А побеждают и пленяют Ваули тоже не силой, а обманом и ложью. Предательство всегда губило русских героев. Излишняя доверчивость приводила их к гибели. Ненецкие герои мало чем отличаются от своих русских собратьев. Так же, как и туземные князья очень близки по своим моральным качествам к рос-

сийским чиновникам. И те и другие готовы идти на любые унижения, только бы усыпить бдительность владельца бунтарской стрелы и заманить его в ловушку.

«Ваули», кроме всего прочего, это ещё и роман о жизни русских в далёкой северной провинции. И это весьма важно для нас, «первопроходцев семидесятых». Свою историю надо знать. Провинциальная власть показана здесь во всей своей красе – пьянствующая, коррумпированная, трусливая, ровным счётом ни на что не способная. Как это всё актуально сегодня.

В романе великолепно показана одна из главных российских бед: даже если у правителей в Санкт-Петербурге и есть благие начинания, то усилиями местных чиновников ими оказывается вымощена дорога в ад.

В романе великолепно выписаны быт, обычаи, жизненный уклад тундровых ненцев. Удивительно точно зафиксированы все детали. Наверное, время в тундре течёт медленно, изменения здесь происходят нескоро.

Маргарита Анисимкова выросла в семье директора оленеводческого совхоза. Вполне возможно, что быт оленеводов в период её детства мало чем отличался от быта жителей тундры первой половины девятнадцатого века. Для того, чтобы с такой точностью создать образы туземных князьков, местных шаманов, русских чиновников нужны были не только приобретенные в архивах знания, в этих хранилищах мудрости Маргарита Кузьминична работала много и плодотворно, но нужен был ещё и личный опыт. А он, по-видимому, у писательницы имелся. Что-то возможно передалось ей на генетическом уровне, а возможно что-то было продиктовано сверху.

Литературное наследие Маргариты Анисимковой достаточно велико и требует подробного изучения. Лично у меня есть несколько вопросов, на которые хотелось бы получить ответы. Кто мне их даст? Литературоведы, историки, краеведы. Впрочем, и у меня самого есть несколько рабочих гипотез, которые хотелось бы обсудить. Возможно, это как-то приблизит нас к истине.

Мы находим в творчестве Маргариты Анисимковой множество жанрообразующих признаков, согласно которым её творчество можно отнести к «литературе освоения». Но, на первый взгляд, самого процесса освоения – создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса здесь нет. Исключение – повесть «Лицом к ветрам» и ещё одно незавершённое произведение.

Сама писательница этот факт объясняла так: мол, не нашла должного героя – Павку Корчагина 70-80-х годов. Может быть и так. В это же время в Нижневартовске жил и работал писатель Валерий Острый. Они были дружны с Маргаритой Кузьминичной. Его творчество целиком и полностью было посвящено буровикам. Здесь поднимались крутые пласты проблем современности, создавались мощные правдивые образы героев современности. Возможно, Маргарита Кузьминична не хотела повторяться. А скорее всего она просто дви-

гальса своей колеёй. И у неё были свои представления о процессе освоения, его корнях, его проблемах.

Повторюсь – большую часть своей жизни писательница прожила в Нижневартовске. И у меня есть все основания считать, что проблемы, победы и беды нашего города и региона никогда не оставляли её равнодушной. И всё же главное место действие многих её романов – это Берёзово, Обдорск (Салехард), Тобольск, Мангазея, Приполярный Урал. Почему?

Возможно от того, что освоение Западной Сибири начиналось именно с этих мест. И начиналось оно не в конце двадцатого, а в конце пятнадцатого века. А быть может и гораздо раньше. Ведь Югра до пятнадцатого века платила дань Новгородской республике, потом была присоединена к Московскому княжеству. И всё это – задолго до Ермака.

И Берёзово, и Обдорск, и Сургут были заложены русскими казаками более четырёхсот лет назад. Сначала это были военные форпосты, затем они превратились в места отбытия ссылки, стали русской каторгой. Здесь закончил свой земной путь великий реформатор светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Наверное, важно – где и как человек начинает свои труды на этой земле. Место, время. Но, наверное, не менее важно и то где и как он их завершает. Великий реформатор начинал в Москве и Санкт-Петербурге. А закончил в Берёзово. Существует фонд светлейшего князя. И создан он трудами и на средства сибиряков. В Берёзово – памятник светлейшему, экспозиция в музее. Сибирь и её люди с большой благодарностью отнеслись к памяти и делам сподвижника Петра Первого. Всё это стало частью истории нашего региона. Мы смогли ощутить неразрывную связь прошлого Великой России и Югры. И об этом же, на мой взгляд, романы Маргариты Анисимковой «Порушенная невеста» и «Плач гагары».

Одним из самых интересных, и, я бы сказал – самых загадочных, безусловно, является роман Маргариты Анисимковой «Мангазея или златом кипящая царская вотчина». Интересно строение романа. Здесь писательница отказывается от многих традиционных правил и норм построения произведения. Кажется бы, – нет единого сквозного сюжета. Множество героев, которых смело можно отнести к главным. А вот самого, что ни на есть, главного не наблюдается. Сюжетные линии обрываются и не возрождаются вновь. Отчего бы это? Для чего бы это?

Если бы меня спросили: « Кто главный герой романа «Мангазея?», то в качестве рабочей гипотезы я бы выдвинул следующую версию: главными героями романа являются сам город Мангазея и процесс освоения этой северной территории...

Вспомним, как появляется место, где закладываются стены Мангазеи? Случайно. Шли, шли казаки. Сначала морем, затем рекой. И когда уже сил идти

далее просто не было – решили остановиться. Если вспомнить то, как было выбрано место для строительства города Нижневартовска, мы найдём интересные аналогии: попробовали пробиться к Самотлору через Мыхпай – не получилось. Тогда зашли со стороны деревеньки Нижневартовск. Удалось. И решили – быть здесь городу.

Мангазея просуществовала семьдесят лет. Здесь было множество крупных строений, жизнь бурлила и била ключом. Не только русские, но и иностранные купцы шли сюда за дорогой пушниной, которая ценилась дороже золота. Но город погиб. И не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что русским не удалось найти общего языка с аборигенами. В отличие от романа «Ваули», мы видим здесь крупные батальные сцены. Развязывается война и победителями из неё выходят отнюдь не русские. Никаких аналогий с днём сегодняшним я проводить не стану, но серьёзное предостережение в романе звучит. Ведь самоеды здесь – часть природы, если те, кто пришли осваивать северную землю, не будут жить в гармонии с окружающей средой, то их города может постигнуть участь Мангазеи.

Много интересных открытий ждёт нас на страницах романа. Оказывается, существовало регулярное сообщение с «большой землей». И путешествие это занимало не так уж много времени. Оно не было рискованным и страшным. Женщины, жёны купцов, могли спокойно перенести все его тяготы и лишения. Обычаи, быт и нравы коренного населения здесь выписаны ещё более ярко и красочно, нежели в романе «Ваули». Вот, например, легендарный ненецкий князь, который сплотил вокруг себя земляков и повёл их на борьбу с теми, кто пришёл «осваивать» эту землю. Этот образ, на мой взгляд, более мощный, чем образ Ваули. Он сродни образам Емельяна Пугачёва и Стеньки Разина, но на наш, северный манер.

Вот такая несколько неожиданная тема - полигамия у тундровых ненцев. Ярмарки невест. Отцы привозили своих дочерей на весеннюю ярмарку, для того чтобы продать богатому князю. Родители отдавали девушек на утеху русскому купцу и те умирали от неопишуемого насилия. Впервые я прочитал об этом в романе «Ваули», а затем и в романе «Мангазея». Почему я обратил внимание на эту сторону жизни аборигенов? А, наверное, потому, что до этого у меня было довольно радужное представление о славных коренных малочисленных народах. Они мне казались бесконечно добрыми детьми природы, несущими свет и радость окружающему миру. Такими красками их рисовала наша литература. Маргарита Анисимкова показала иную сторону их жизни.

В интернете я прочитал о том, что вышло в свет пятитомное собрание сочинений писательницы в шести томах. Также я узнал и о том, что издательство «Баско» из Екатеринбурга также выпустило шеститомник. Хорошие новости. Но вот о чём хотелось сказать: произведения Маргариты Анисимковой

трудно отнести к так называемому «лёгкому чтению». Чтобы освоить всё то, что нам оставила писательница, нужна долгая и упорная работа души читателя. А это надо воспитывать, воспитывать и ещё раз воспитывать. О чём тут, на мой взгляд, нужно вести речь? Наверное, необходимо создать некий литературный фонд или музей. Остался архив писательницы. Документы, которые здесь хранятся, нуждаются в изучении и систематизации. Я думаю, что со мной согласятся все от кого это зависит, что альманах «Зори Самотлора», главным редактором которого на протяжении многих лет была Маргарита Кузьминична, должен жить. На его страницах публиковалось много интересных авторов, это заметное явление в культурной жизни региона. Практика показывает, что мы слишком легковесно относимся к нашим духовным ценностям. К творчеству тех, чья жизнь была посвящена служению этой земле. Чем это заканчивается – очень хорошо показано в романах Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

Гостиница журнала «Лифт»

Казахстан

Бахыт
Рустемов

БАХЫТ РУСТЕМОВ

АК КУЛАК – БЕЛОЕ УХО

Дети – наше отражение.

Мухаммед Ибрахим

Поезд мчится вперед. Колеса стучат в такт скорости. В плацкартном вагоне нет свободного места. Из открытого верхнего окна дует свежий прохладный ветерок. Пять-семь детишек разных возрастов и разных национальностей шумят, бегая из одного края вагона в другой. Двое смугленьких мальчика оказались постарше и самыми шустрými. Они и берут инициативу в свои руки. Но говорят постоянно на казахском языке. В этой веселой кампании детей выделялись двое светлых. Одного звали Арсентий, ему семь лет, а второго – Владислав, пяти лет.

В одном отсеке с белобрысыми двумя мальченками в поезде ехал щупленький смуглолицый старик. Видно было, что он плохо знает русский язык. И обращаясь к детям спрашивал: «Атың кім?». Те, в ответ молчали, не понимая, что говорит дедушка. Хорошо знающий русский язык казах включился в разговор: «Дедушка спрашивает мальцов, как их зовут?»

Мама ребят, симпатичная светловолосая женщина Александра в возрасте 30-35 лет, оказалась словоохотливой женщиной. Приятным голосом сообщила, что детей зовут – старшего Арсентий, младшего – Владислав. На что дедушка Исмаил ответил: «Аттары қыйын екен. Жаттап алу оңай болмас». Трудные имена. Нелегко запомнить. И все же ему понравились светловолосые ребятки. Старший был спокойным, а младший чересчур подвижным. Ну не мог спокойно усидеть на месте. И со всеми детьми вагона бегал, несмотря на мамины уговоры не бегать сильно: мол, можешь упасть или удариться в движущемся транспорте. Но любимому сыночку было не до советов мамочки.

Стоят жаркие дни. Кругом степь. Белые комочные облака то там, то здесь рассыпанные по голубому небу, будто овцы пасутся на своем жайлау. Скорый поезд вот уже второй день несет своих пассажиров к месту назначения. Только изредка пролетают мимо маленькие станции, которые мгновенно остаются позади. Из одного вагона в другой снуют продавщицы рыбы, сувениров, детской и взрослой одежды и другой разной утвари. Люди смотрят представленные им товары. Некоторым продавщицам везет, и они рады, что смогли продать свой товар. Ведь вся их жизнь держится только на этой продаже. Других доходов в аулах-деревнях больше нет. Не каждый может держать скотину. Потому что купить не на что. На этом и живут, сводя концы с концами. Их повзрослевшие дети, не найдя работу, уезжают на заработки в города.

Каждый пассажир занят чем-то своим: кто-то прилег отдохнуть, кто-то

читает купленную только что газетку на небольшой станции. Неподалеку двое молодых людей – девушка и парень – познакомившиеся в поезде мило воркуют, смотря друг другу в глаза, как бы задаваясь вопросом: «судьба ли это?». Со стороны было видно, что они действительно понравились друг другу. И уже не хотели расставаться. Они обменялись номерами своих телефонов. Время от времени демонстрировали возможности своих смартфонов. У девушки телефон был круче. Когда временами появлялась связь, к молодым людям приходили звонки, и они уединялись для разговора, кто выходил в тамбур, а кто-то, просто отвернувшись тихо переговаривался. После переговоров по телефону вновь встречались красивые глаза молодых людей, и продолжалась непринужденная беседа обо всем...

В соседнем отсеке стоял довольно стойкий небольшой шумок. Потому что там человек пять-шесть разных возрастов, представители разных наций, дружно сколотившись, играли в карты. Самым удачливым был среди всех игроков среднего возраста кореец. Русской девушке, лет двадцати пяти, везло меньше. Однако она держалась достойно и продолжала играть, время от времени отмечая, что она не картежница. Играет, чтобы время скоротать до приезда в Караганду. Шумно и весело вел себя татарин, лет сорока пяти, в моменты своего триумфального выигрыша. При очередной своей победе громко говорил: «Вот, шулай!». Степенный и грузный казах, лет за пятьдесят, тоже не совсем удачливый в картежной игре, время от времени кряхтел, переваливаясь с одного бока на другой, приговаривая: «Ой, Аллой!» А місто спить десь в тиші між туманами,

Його проходжі – наче серця стук.
Коли засвітить зірочками ранніми,
До неба ти простягнеш сотні рук.

Твої будинки засвітилися вікнами,
Що потопають в сивій далині.
Твою бруківку мокру, непривітну
Ми знову топчемо всі разом день при дні.

Зелені віти сосен, мов примарами,
Все виринають із туманів знов.
Хоч моє місто потопа між хмарами,
Дарую я йому свою любов.
«О, Господи!».

В целом вся кампания сложилась дружелюбная, так как каждый хотел каким-то советом помочь: как накрыть ту или иную карту. Победителем одиночного чемпионата на картах выходили в основном татарин и кореец. После дружная кампания сложившаяся по пути следования поезда переходила играть в карты по парам. И так коротали время. До Астаны нужно было ехать еще восемь-десять часов.

Дети тем временем, после короткого «перекуса» с родителями, снова выходили на свою уже шумную игру. Иногда толкали друг друга на понимая того, что можно больно удариться о стенки перегородок или о стойки разборных-сборных столов. Более того, поезд на ходу временами сильно раскачивался из стороны в сторону. И некоторые из детей то падали на проходной части или ударялись в боковые стойки.

Все как-то складывалось удачно. Серьезных ушибов никто из детей не получал. Но и остановить их было невозможно. Им хотелось играть. На угрозы родителей почти не реагировали.

Через некоторое время раздался плач смуглого мальчишки. Оказывается, он сильно ударился об разборный столик для обеда. А белобрысый Владислав, падая сначала ударился грудью об край нижней полки-кровати, потом отскочив, головой ударился в противоположную сторону сиденья из дерева. Видимо так сильно, что не собирался встать. Увидевшие эту сценку люди подбежали, подняли мальчонку и понесли к маме. Мальчик не плакал. Было ощущение, что ребенок не дышал. Дети мигом разбежались по своим отсекам и затихли. Чувствовали, что случилось что-то неприятное. Кто кого и когда толкнул или раскачка поезда была виновата – это уже никого не интересовало. Наступило молчаливое напряжение.

Александра взяв на руки Владислава, побледнела и начала теревить мальчика. «Владик, Владик! Что с тобой? Владик!» - прошептала она, прижав к груди ребенка. Мальчик не подавал признаков жизни. Все вокруг смотрели, не понимая, что же произошло. От станции Сары-Шаган, что на Балхаше, отъехали еще два часа назад.

До станции Акадыр ехать более двух часов. Ранее, в прошлом столетии с 1929 по 1940 годы, на территории СССР в Казахстане была латинская письменность. Название станции «Akadır» – «Акадыр» написанное на латинице из кирпича дошло до сегодняшнего времени напоминая людям о непостоянстве жизни на земле и о часто меняющихся общественных формациях, настроениях в одной и той же стране. Еще раньше казахи для записи своих тюркских текстов с X по XX век (1929 г.) использовали арабскую письменность. В те далекие времена территория казахов входила в государство царства Караханидов (940-1212 гг.).

Русские и другие международные историки, летописцы отмечают, что

это были годы наивысшего расцвета народов Средней Азии и Казахстана (Центральной Азии). От былых величественных городов сегодня остались безымянные возвышенности и развалины древних крепостных стен. Одной из ярких свидетельств тех далеких времен являются дошедшие до нас мощные и величественные крепостные стены древнего города Сауран.

А такие великие имена, как Аль-Фараби, Аль-Хорезми, Абу Ляйс ас-Самарканди, Улугбек известны всему миру. Слово алгебра появилась благодаря ученого-математика Аль-Хорезми, Алугбек великий астроном, имевший свою личную древнюю обсерваторию в Самарканде, Абу Ляйс был выдающимся правоведом в исламском мире, Аль-Фараби поэт, теоретик музыки, философ, ученый Востока.

До Караганды ехать еще более четырех часов. Пришла проводник и сообщила: «К сожалению, лекарств нет никаких в вагоне». Начали искать медицинских работников. Те, осмотрев мальчика только разводили руками. Ничего путного не могли сказать. Сообщили начальнику поезда. Он сказал: «Нужно ждать приезда до станции Акадыр. Там будет ждать скорая». Александра уже никого не слушала. Из ее глаз текли горькие материнские слезы. Почти весь вагон притих. Взгляды всех были направлен в отсек, где над милым, только что шумливо бегавшим мальчонком, склонилась его мама.

Вдруг старец Исмаил сказал: «Дай-ка, мне мальчика?». Александра не хотела отдавать Владислава никому, обливаясь слезами. Рядом сидящие сказали: «Дай, если просит». Александра дала сына старцу. Он обнял мальчика. Прижал к груди и начал читать молитву: «Бисмилляхи-рахманир-рахим! Кулхуаллаху ахад, Аллаху сомад, Лям ялид уалям юлад, Уалям якуль ляху куфуан ахад! ... , и далее». Это были суры и аяты из Священной Книги - Корана. Про себя бормотал еще что-то. Снова принимался для чтения «Кулхуаллаху ахад...». Потом скрестив, руки продолжая обнимать ребенка, пальцами правой руки начал массажировать правое ухо ребенка. Пальцами левой руки массажировал левое ухо. Беленькие ушки ребенка были совсем бледными, бескровными. Через несколько минут массажа и молитвы начали розоветь. Он продолжал массажировать уши ребенка и приговаривал: «Акқұлағым, акқұлағым менің!» ..., и дальше про себя что-то вновь и вновь бормотал. Итак, он просидел примерно более получаса. Все замерли в ожидании. Никто не надеялся на чудо. Некоторые отнеслись скептически к проделкам старца. Были и те, кто как бы незаметно не раз усмехнулся.

Потому что ехали люди разных наций и верований. С явной усмешкой на лице проходила молодежь. Только старец был уверен в своих искренних молитвах к Аллаху (Богу). Видно было, что ему становится тяжелее читать молитву. Он весь вспотел. Но читал... Из-за перенапряжения у старца начали слезиться глаза. Все смотрели на него и на ребенка. Через некоторое

время Исмаил-ата со слезами на глазах, но с улыбкой обратился не к матери ребенка, а ко всем, и сказал: «Мен Алладан бұл балапаныма өмір сұрадым. Мені ал, баланы қалдыр!» – деп жалбарынып-жалындым, жаратқанға. «Видя слезы матери и беспомощное положение ребенка у меня защемило сердце. Вспомнил своих детишек-внучат таких же. Поэтому решил и просил у Всевышнего Аллаха, чтобы он оставил ребенка. А вместо него забрал меня» – спокойно сказал старик. «Не знаю, услышал ли Аллах меня, не знаю. Я не лекарь, простой человек. Но, я молился искренне...» – снова отвечивал он.

В это время мальчонка медленно открыл глаза и не понял, почему его обнимает незнакомый человек. Огляделся по сторонам и протянул ручки маме. А мама, вся еще в слезах обняв сыночка еще больше запричитала: «Сыночек, дорогой, чтобы я сказала нашему папеньке... Если случилось бы непоправимое...» «Господи, спасибо, тебе! И вам, спасибо, ата!» – обратилась Александра к старцу. Все вокруг снова оживились и, радуясь, приступили: детишки к играм своим, кто читать, кто играть в карты... Даже глашатаи-продавцы разными вещами невдалеке присели на корточки, наблюдая за редким, но взволновавшим всех событием. И теперь не только весь их плацкартный вагон, но и соседние вагоны живо обсуждали только что произошедший случай.

Дед позвал вставшего на ноги Владислава. Тот робко подошел и внимательно посмотрел на немолодые глаза старца. Мальчику показалось, что он, эти глаза знает давно, и видит их не второй, и не в третий раз, а больше. Старец, обнял мальчика, поцеловал в лоб и сказал: «Аққұлағым менің, аппақ құлағым менің!» И сказал Владиславу: «Бар, ойнай бер» – «Иди, играй». Все присутствующие заметили, что бывший неутомимый, забияка, шалун Владик стал серьезным в глазах и побрел степенной походкой к друзьям по вагону. До приезда на свою станцию Владик оставался серьезным и немногословным. Будто его подменили. Александра не верила своим глазам в изменения в поведении со всеми еще маленького сыночка. Она хотела, чтобы он по-прежнему прыгал, играл, бегал и шумел со всеми. Но этого она и другие соседи по вагону не заметили. По прибытию на станцию маленький Владик прощался со всеми не как ребенок, как взрослый человек, что еще больше удивляло маму. Уходя все дальше от вагона он чаще оборачивался на медленно идущему и отдаляющемуся от него старца. Известное дело в миру у некоторых людей, у разных народов в соответствии с разными пониманиями и ситуациями рождаются различные байки, не злобные, а игривые в шутку прозвища по отношению к друг другу. Так, например, в советские времена в армии русские ребята над нами потешились, называя азиатов чурками. Мы их – «Аққұлак» – «Белое ухо». Вот так мы в молодые годы потешились друг над другом. Это вроде как индейцы европейцев называли «бледнолицыми», а европейцы их – «краснокожими».

Герой моего рассказа старец Исмаил с добрыми чувствами, чувствами отца, деда, родителя большой семьи обращался к Владику, говоря ему «Аккулагым!» «Белоухий мой! – с особым чувством любви и теплоты. Если бы все люди на земле были, как казах, дед Исмаил не было бы никаких проблем в общении между людьми, народами и государствами.

О ТВОРЧЕСТВЕ, ВООБЩЕ, И ПИСАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ, В ЧАСТНОСТИ.

*Каждый человек – это творческая личность.
Остается только малое: использовать свой
творческий потенциал во благо людей.*

Автор

Что такое творчество? Творческая личность? Творчество является экстраординарным качеством, требующим высокого интеллекта и таланта. Творческой деятельностью в собственном смысле называется деятельность, дающая новые, оригинальные продукты высокой общественной ценности. Процессы творчества могут протекать очень различно, в зависимости от содержания самой деятельности и от индивидуальных особенностей личности и таланта творца.

Первое, что всегда обращает на себя внимание при анализе процесса творчества, – это то состояние особого напряжения и подъема всех сил и способностей человека, которое обозначается словом вдохновение. Оно связано обычно с важнейшими, решающими моментами творческой деятельности – с возникновением замысла и идеи произведения, с нахождением решения научной проблемы, принципа изобретения или идеи оперативного плана, с созданием центральных образов художественного произведения и самых проникновенных и волнующих моментов его.

«Вдохновение, – по выражению Пушкина, – есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных». Это и является причиной необычайной продуктивности работы в состоянии вдохновения. Одна из важнейших психологических особенностей действительно продуктивного творческого процесса, наиболее ярко проявляющегося в состоянии вдохновения, – совместная работа воображения и мышления. Творчество в равной мере невозможно и без воображения, и без строгой критической мысли. По образному выражению Л.Н. Толстого, «в писателе должен действовать одновременно мыслитель, художник и критик».

Михаил Шолохов талантливо написал «Они сражались за Родину» и другие выдающиеся произведения. Прекрасный писатель был Анатолий Иванов. За последние годы писателей, ставших известными за счет литар-

турных трудов не много. Борис Акунин, Дарья Донцова и еще несколько дам, фантасты. Самое поразительное, Акунин и другие сами признаются, что их через два года забудут. По выражению Олдоса Хаксли, «чтобы писать легко продающиеся книги, нужно иметь легко продающиеся мозги». Акунин безусловно грамотный человек. Это в России. В Казахстане самостоятельно издавать книги – тяжелое дело. Особенно серьезную литературу. Очень дорого обходится. Потом появляется проблема с реализацией книг. В итоге пропадает интерес к творчеству, писательскому делу. В конечном счете все это влияет на здоровье авторов работ. Например я издал три публицистические книги на казахском языке. Расходы на одну книгу составили в среднем 1000-1100 тенге. Это очень дорого. Стояла проблема по какой цене мне их реализовывать? Сюда должны войти еще транспортные расходы, плюс накидка книжных магазинов, реализующих мои книги. В итоге книга дорожала в два, а то и в три раза. Какой бы необходимой и интересной не была книга, купить ее рядовому читателю не по карману. В России отмечают, что интересными сегодня являются в плане творчества публицистические труды. Они поднимают планку в литературном процессе. И видно, что в этом, прежде всего, заинтересовано государство. По некоторым данным этим направлением литературы во многих странах начали больше интересоваться как рядовые читатели, так и специалисты и эксперты по тем или иным странам. Для человека жаждущего конкретных информации и знаний интересной считаются не только своя, но и зарубежная публицистика.

К книгам, издаваемым у нас, должно быть особое внимание. Современная публицистика фиксирует нашу сегодняшнюю жизнь. Публицисты – летописцы. Спустя много лет и веков наши потомки будут знать по этим книгам как нам жилось в XXI веке. Что нас тревожило и о чем мы мечтали. Мне хочется видеть наши грядущие поколения успешными и счастливыми. Чтобы также в мире о Казахстане говорили, как говорят сегодня о Японии, Индонезии, Гонконге, Китае и т.д. Возможно, со временем у Казахстана изменится название. Может, он будет называться «Казахия» или «Қазақ елі», а может и вовсе иначе.

О просветительской работе в стране. К сожалению, у нас нет просветительской программы на телевидении и радио. А если и есть, то она является недостаточной. На Западе увеличивается число читателей. Особенно специальной литературы по экономике, социальным вопросам. Как всегда у них на первом месте публицистика. Читая, человек познает мир. Образование и чтение имеют неразрывную связь. Сейчас все слушают музыку по плееру. В России педагоги бьют тревогу, что дети не понимают курс школьной программы. Все надеются на интернет. А ведь чтение книги сеет добрые семена в души и сердца людей. То, что люди плохо читают – в этом вина государства. Настоящие книги ведут к высотам знаний. Книги должны побуждать

интерес к истории своего народа, к проблемам общества. Одно знание порождает другое.

Незавидная жизнь и у журналистов. Журналы испытывают большой отток читателей. Им очень сложно привлечь хорошего писателя. Нет средств. Гений русской поэзии А.С. Пушкин писал: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». На одной рукописи далеко не уедешь. Особенно сегодня. И диктатура и демократия, каждая из них по своему участвует в формировании личности через культуру, в частности, литературу. В Канаде есть «Государственная программа по поддержке творческих людей».

Хороший писатель или плохой, – должен определять читатель, а не государственная организация. Можно привести немало примеров из жизни, когда бездарные люди, пробившись к кормушке-власти, игнорировали таланты-самородки от народа. К сожалению, при жизни эти талантливые сыны своего народа вели жалкое существование. Настоящее признание к ним приходило только после смерти. Когда же мы начнем ценить наше народное достояние – талантливых писателей, журналистов, композиторов, музыкантов, художников и многих-многих других, по большому счету являющихся лицом и гордостью нации. Я не говорю, что ничего не делается в поддержку культуры. Делается. Но этого мало. И здесь речь не идет о великом бесценном детище нашего Президента о «Программе – культурное наследие». Вклад этой программы в историю Казахстана – бесценен. Археологи всего мира приходят к сенсационным открытиям. Даже уже по сегодняшним грандиозным результатам этой программы можно писать исторические романы и публицистику, чтение которой возвышало бы душу и рождало бы гордость за великие деяния предков, приобщало бы к подлинной истории нашего Отечества. Больше того, эти труды стали бы достоянием и мировой культуры, к которой мы так искренне и с большим желанием стремимся.

Например, писателей уровня А. Солженицина в России много. Есть и посильнее. Но он силен тем, что был писателем-публицистом. Его волновали проблемы в стране. Он предлагал что-то новое. Сегодня в Казахстане, к сожалению, для широкого читателя достаточно ярких публицистических произведений не найти. Обществу также не хватает казахской публицистики. Несколько лет назад Президент страны специально обращался к представителям творческой интеллигенции: «Писатели, отложив на время создаваемые годами романы, ради пользы для Родины вполне могут прибегнуть к более летучему жанру – публицистике».

Как признаются некоторые писатели, нелегко создавать публицистические произведения. Для этого нужны универсальные познания, например, в области истории, политики, экономики, социальных вопросов, культуры, быта соотечественников любого уровня т.д. Эти знания нужны писателю для

того, чтобы анализировать, сопоставлять, находить рациональное зерно и потом, что-то предлагать обществу, то есть своему читателю. И такая работа по плечу не каждому писателю. Потом, очень большая ответственность ждет автора произведения. Для создания публицистических произведений: – статьи в СМИ или издания книг – автор должен иметь не только обширные знания, но и неплохое здоровье. Слишком уж это хлопотное дело. Вот некоторые причины нехватки или даже отсутствия достойных нашего общества публицистических произведений. И это проблема не только у нас. Они есть и в ведущих странах мира.

Еще лет десять тому назад изучая культуру и, в частности, труды наиболее крупных писателей Америки разных лет пришел к удивительному выводу, что публицистов среди них оказалось немного. Так, например, из 329 писателей только 46 наряду с другими жанрами литературы, посвятили себя публицистике. Это такие корифеи писательского дела, как Уильям Чаннинг, Фрэнсис Хопкинс, Эрнест Хемингуэй, Фаррелл Джеймс, Марк Твен, Джон Кроу Рэнсом, Эрнст Пула и другие. Как вы знаете некоторые из них являются писателями с мировым именем и лауреатами Нобелевской премии.

Я всегда имел большую симпатию к признанным писателям. Поражает уровень Ф. Достоевского. Его планку до сих пор никто не может взять. Точно также и Гоголь. С удовольствием читал Достоевского, Гоголя, Пушкина, Гофмана, Шиллера, Ауэзова, Жансугирова, Гамзатова, Айтматова и других.

Я призываю всех творческих личностей – журналистов, писателей, историков, археологов, художников, скульпторов и т.д. – зарисовывайте, пишите, создавайте произведения искусства, запечатлите на фотографиях, сохраняйте все, что дошло до сегодняшнего дня: курганы, древние стены, древние здания и сооружения, рукописи, книги, пусть малые или большие. Все это нужно для удостоверения национальной личности перед грядущими поколениями и цивилизациями.

Каждый человек по сути реформатор (манифест реформации), если он желает изменить жизнь людей к лучшему. И для этого не обязательно быть политиком. Это мои позитивные добрые намерения по отношению к современникам, к соотечественникам, да и вообще к мировому сообществу. Вот уже на протяжении многих лет у меня есть свой читатель. Среди них есть как бедные, так и богатые, как верующие, так и не верующие. Я их одинаково уважаю. Есть критикующие мои работы. Я и их уважаю. Лишь бы не было критиканства. Самое легкое в этой жизни что, мой дорогой читатель? Конечно же, давать советы или критиковать. Был такой случай. Ну захотел покритиковать меня один человек, это по рассказам одного моего читателя. Выслушав критикана, мой читатель решил с ним обсудить одну из моих тем, где я недвусмысленно, а однозначно высказался об одной из мировых религий. Так вот, «критик» ока-

зывается не смог дальше развить эту тему. Больше того, он не смог рассказать об основных постулатах этой религии.

Прошло двадцать восемь лет со дня обретения независимости. И за этот короткий по меркам истории период, и не короткий по меркам одной человеческой жизни, немало сделано и в казахстанской литературной среде. Немного, но появились новые имена и их труды. Кто мне ответит, что сделано за этот период или делается по прослеживанию новаторского характера этих трудов, поисков и достижений? Кто сегодня анализирует закономерности литературного процесса и его особенности на каждом историческом этапе? Кто выявляет творческую индивидуальность художника? Кто и когда раскрывает главные принципы казахстанской литературы – ее народность, идею общественного служения Отечеству, ее активный жизнеутверждающий пафос?

Накоплен ли какой-либо опыт в изучении современной казахстанской литературы по ее жанрам, и в частности, казахской? Сегодня пришло время интенсивного и плодотворного изучения жизни казахской литературы за последние семнадцать лет. К сожалению, многие явления, проблемы, аспекты и закономерности литературного процесса в период проживания нами в капиталистическом миропонимании никем не исследуются.

Без соответствующего исследования, координации и направления литература живет и дальше будет жить в хаосе. Некогда авторитетное слово Писатель (Зиялы қауым) сегодня мало кого волнует. Их никто не знает. Особенно нынешняя молодежь. Не так давно беседовал с молодыми людьми, работающими на государственной службе. Так вот, из пятерых только один сказал про одного именитого, известного казахского писателя, что вроде слышал это имя где-то. Здесь нет вины ни писателя, ни молодых людей. Это недоработки подразделений, реализующих вопросы внутренней политики в стране.

Я уже отмечал, что наитруднейшим ремеслом является не любительский, а изнуряющий профессиональный писательский труд. Не чувствующий себя рабом пера, не может считать себя писателем. Это мое личное мнение. И я свое мнение никому не навязываю. Все мы хорошо знаем, что любой человек волен иметь свое мнение. Но и это не главное. А вот то, что творческий человек получает двойной, а то и тройной удар по своему простому человеческому самолюбию, когда его не читают, не покупают и тем более, когда его не слышат и не хотят слышать. Разочарование притупляет патриотические чувства любого человека. Особенно творческого. Им нужна поддержка. И, в первую очередь, со стороны государства. Только тогда они воспрянут духом и будут давать невероятнейшие, оригинальнейшие произведения во славу Родине, на зло врагам. Зачем далеко ходить. Мы еще живы, поколение выпитывавшееся на сильных патриотических произведениях своего времени. Кто сказал, что при капитализме не бывает патриотических чувств? Без этих святых чувств

рано или поздно развалится любая страна. Н.А. Назарбаев на юбилее Олжаса Сулейменова как-то сказал, что и он, как многие его современники вырос на яркой и мощной поэзии признанного поэта. Вот яркий пример для всех нас, как надо любить свою Родину, свою культуру. А некоторые, к большому сожалению, ищут пророков в чужом отечестве.

Обвинять писателей, а также других творческих людей, в их непатриотизме не корректно. Это мы, общество и страна, привели их к тому, что они сегодня живут под девизом: «Не до жиру – быть бы живу!» Но и сегодня не поздно взяться за наших творческих людей и должным образом поддерживать их в их нелегкой судьбе быть маяком общества. Всегда, везде и во всем должны быть «маяки». И литература не исключение. И в этом направлении мы должны знать куда ориентироваться и на кого равняться. Разве мало среди нас старших товарищей, именитых писателей, которые могут поделиться своим высоко профессиональным опытом с подрастающим поколением. И я не сомневаюсь в том, что воспрянем из небытия, как та известная нам птица – Феникс. Нас ждет большая работа. Ведь необходимо анализировать литературные произведения, обращая внимание на их художественное оформление или на их обоснованное публицистическое исследование, где писатель пытается раскрыть актуальную тематику социально-нравственного облика индивида или общества именно в сегодняшней действительности.

Литература всегда была голосом времени у отдельно взятой эпохи. Качество литературы определяется уровнем развития социальной и философской мысли общества. Обретение независимости Казахстаном имеет архиважное значение, как для своей истории, так и для мировой. Значение обретения независимости выводит творческих людей на дорогу самостоятельного творчества в новой жизни. Конечно, потребуются еще многие годы, чтобы отстоять, утвердить и дальше развивать основополагающие принципы новой литературы. В этот капиталистический мир мы вступили не имея опыта. Поэтому все эти годы как бы находимся в прострации. Не видим корректирующей или координирующей роли ни от писательского сообщества страны, ну и, наконец, от власти. Писатели предоставлены сами себе. Может это и правильно. Но все же анализировать их труд, помогать литературе ориентироваться в весьма нелегкой жизни для страны – это дело государства. Всем известно, что литература является неотъемлемой частью духовной жизни общества. Если бы государство уделяло внимание литературе, мы бы уже обратили на себя внимание передовой общественности мира.

У нас рано или поздно появятся новые особенности казахстанской литературы, и в частности, казахской. Уже сейчас этим нелегким делом должны были заниматься опытные и именитые литераторы нашего общества. Когда и кто будет заниматься осмыслением литературы пришедшей за последние

семнадцать лет? Вот поэтому-то и отмечаю, что государство это дело должно взять в свои руки. Чтобы войти в число развитых пятидесяти стран нам нужна новая, авангардная литература, что явится проявлением и ианием большой культуры, посредством которой мы обратим на себя внимание мировой литературы. «Для независимого Казахстана особенно важно проявить себя в мировом литературном процессе, не изолироваться, не уходить в духовную автономию», – считает Сауле Усенбекова, известная поэтесса, президент Казахстанской академии поэзии.

Казахстанская литература как литература капиталистического реализма по мере развития будет совершенствовать свой метод правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее эволюционном развитии. Формирование новой литературы проходит в условиях преодоления, как внутренних объективных трудностей, так и внешних, определяемых капиталистическим окружением. На вопрос: «В какую сторону идет литература?» нет лучшего ответа, чем сказал Мурат Ауэзов: «Никогда литература не идет в одну сторону. Если все же идет – наступили худшие времена. Литература должна быть разной».

В процессе поисков мы пройдем сложный, трудный и противоречивый путь. В нелегкой борьбе за признание мы завоюем на собственных ошибках и выстрадаем то действительно ценное и принципиально важное, что позволит нам занять одно из самых видных мест в истории мировой литературы. У нас для этого есть большие возможности. Казахстанский народ талантлив во всем. Не только в политическом, административном и экономическом направлениях. У нас большая история и древняя культура. Наша литература может стать явлением мирового масштаба, если ее поддержать и поддержать серьезно. Основанием для этого является экономический успех государства. Культура многолика. Каждое ее направление по особому значимо, внимание и забота о них в комплексе поднимут имидж страны.

Каждая эпоха имеет свою систему социальных, экономических, политических и философских воззрений. Писатель, даже тогда, когда в понимании истории и человека опережает эпоху, не может быть свободным от воздействия современных ему представлений о законах и сущности общественного развития. При изменении реальной действительности изменяются и философские воззрения писателя. Не так-то легко ориентироваться в новой, еще неустоявшейся формации, находящейся в зачаточном состоянии, будущего развитого капиталистического мира в отдельно взятой стране (по меркам исторического периода).

Вопрос: «Куда идем и куда придем?» – должен волновать всех творческих людей и не только, нашего молодого государства. Все мы в ответе за будущее своей страны. В каждом направлении есть свои высокочеловеческие профессио-

налы: в политике – политтехнологи, в экономике – ведущие экономисты, в культуре – культурологи, в литературе – литераторы с большим опытом и т.д. И каждый из нас на своем участке должен себя отдавать сполна ради прогресса и процветания своей страны. К сожалению, во всех вышеназванных направлениях иногда ютятся приспособленцы, имитирующие большую работу или героическую деятельность. В результате через определенный период общество получает фикцию. Я уже не говорю о финансовых распылениях, что ничто в сравнении с потерей духовных ценностей, которые не соизмерить ни с какими материальными ценностями.

Мои откровения и высказывания для искренних и открытых душ, для тех, кто ценит культурно-духовные ценности человеческого бытия и милосерден к окружающим. Их намного больше, чем некоторые предполагают. Вся истина как раз и в том, что люди предполагают, а Бог располагает. Благодаря порядочности и молитвам большинства, держится мир и дружба между людьми на Земле.

Как-то один человек сказал, что у них в городе не принято разговаривать на улице с незнакомым человеком. Общения и открытость нам дано свыше. Закупориваясь, каждый отдельно взятый человек в своей скорлупе лишается земной радости, данной нам Природой. Человек и культура неделимое понятие, как неделимыми являются отношения человека с Природой.

Для писателя важно иметь духовную связь с окружающим его миром. Священные книги от Бога. Сердце и душа человека от Бога. Жизнь без веры от сатаны. Многие задаются вопросом: «А где находится душа у человека?» Есть предположения, что она обустроилась на самом ответственном месте у человека – в сердце. После того, как душа покидает – сердце останавливается. И еще. Временами душа устает от своего воздыхателя. Устает от его излишних амбиций, несправедливостей, которые он творит. Да мало ли неприглядных дел у человека, в результате которых он ранит свою же душу, которую подарил ему, вдохнув, безгранично великий и добрый Создатель.

Их всех направлений культуры наибольшую нравственную нагрузку несет в себе литература публицистическая, рассказывающая о сегодняшних достижениях и проблемах общества. Объектом литературы всегда была и остается, говоря словами Пушкина, «судьба человеческая, судьба народная». О человеке и народе публицист рассказывает языком конкретных фактов и примеров, обогащая их своим анализом и возможным видением будущего, достигая тем самым огромной силы эмоционального воздействия. Вспомним как зачитывались в свое время трудами А. Солженицина. Настоящая публицистика формирует личность. Литература является тем сеятелем «разумного, доброго, вечного» о чем так пламенно писал Некрасов. Публицистика раскрывает широкую панораму личности и общества, а также их падения и взлеты. Здесь можно найти много пищи для ума и сердца. В мировой литературе

можно найти примеры высоких гражданских чувств (трагедии Шиллера, Корнеля, «Брут» Вольтера и других). Вольтер называл театр Корнеля «школой величия души». Как бы далеко мы не ушли от времен и идей Корнеля, в «школе величия души» мы нуждаемся не меньше его современников.

В 2010 году я издал редкий труд, являющийся первым справочным изданием в Казахстане. Это сборник статей о трехстах двадцати девяти американских писателях – прозаиках, поэтах, драматургах, публицистах, литературных критиках, – чье творчество составляет основной фонд национальной словесности США. Работа дает систематичный и популярный свод знаний, накопленный современной мировой американистикой. Надо отдать должное, мы умеем создавать мощные фундаментальные исследования в любой области, если будем заинтересованы. Издание охватило более чем трехсотлетний период формирования и развития литературы США. Признавая Америку мощной литературной державой, полагаю есть необходимость и значимость создания в нашей стране академической истории литературы США. Нам пока остается мечтать о таких фундаментальных вещах и делах.

И еще. Не могу пройти мимо одного важного, по моему пониманию дела. К сожалению, мы не достаточно уделяем внимания своим соотечественникам, проживающим далеко от нас. Вы посмотрите, как не забывают другие большие и малые страны своих бывших соотечественников, свои диаспоры, живущие у нас в Казахстане, и в других странах. Особо отличившихся поощряют и награждают от имени своей страны, тем самым давая понять окружающим, что они не забыли никого. Как приятно видеть такую заботу и слышать добрые слова от дальновидных политиков, которые своими действиями вдохновляют и поддерживают свои диаспоры. Сегодня меня искренне радуют мои талантливые земляки, творческие личности-соотечественники, патриоты своей исторической Родины, проживающие в Китае, России, Монголии, Узбекистане и в других странах. Они, находясь далеко от нас, всегда душой и сердцем с нами. Посвящают свои труды родной Земле и казахстанцам. Это Турсынай Оразбаева из Москвы, Шерхан Абенев из Санкт-Петербурга, Калдыбек Сейданов из Ташкента и другие.

Огромное духовное богатство сохраняют книги. И они имеют свою судьбу по тому, как их принимает читатель. Образованность не есть простая начитанность. Ее формирует система знаний, которая дает понимание преемственности времен, логики исторического развития, борьбы и движения идей. Она обостряет духовное зрение, придает крепость и верность мышлению. Меня теплит надежда, что мои книги будут читать как взрослые умудренные опытом жизни люди, так и молодые пылкие умы. Это им я посвящаю свой небольшой труд.

Гостиная журнала «Лиффт»

Молдавия

Елена
Гешко

ЕЛЕНА ГЕШКО

НЕ ВОЗВРАЩАЮСЬ...

Не возвращаюсь... никогда
Мне не вернуться вновь туда,
Где дни мои уже пропеты,
Где не дождусь зимою лета,
Где день и ночь в глуши глубокой,
Где снова буду одинокой...
Стремлюсь вперед и вверх, а там -
Как чайка морем по волнам -
Трепещу сердцем и душою
С тобой, любимый, лишь с тобою.
Не возвратись, не воротись -
Ты новую создай нам жизнь!

МОЯ ГРУСТЬ

Туман глубокий на закате дня
Как-будто тихой нежной пеленой,
Грусть моя, не покидай меня,
Мне далек ночной звезды покой.

Я не знаю, но опять грущу,
Что в душе вновь: радость или печаль,
Но тебя я в душу не пущу,
Даже если мысль уносит вдаль.

Мысли рвутся, будто от огня,
Мне неведом твой удел земной,
Милый мой, ты не оставь меня,
Вместе быть нам будущей весной.

А пока я вновь и вновь грущу,
Будто капелька - в душе печаль,
Никуда тебя не отпущу,
Мысли вместе нас уносят вдаль.

НА ЧУЖОМ БЕРЕГУ...

На чужом берегу от родных вдалеке
Моё сердце поёт с детства песни реке.
Чёрный лебедь крылом
по стоячей воде...
Край родной, милый дом,
я грущу о тебе.

Не увижу я вдруг вдаль
по горной реке
Тихий омут. Мой Прут, плачу
я вдалеке.
Утром ранним росой
я по скользкой траве
Ну, когда же, когда подойду вновь
к тебе?

И когда я рукой вновь
к тебе прикоснусь?
Унесла мой покой речка дальняя...
Грусть

О любимой земле,
по родным берегам...
Мысли все о тебе! Я тебя не отдам!

В моём сердце навек
зелень тихих лесов,
Дивных гор, быстрых рек,
дома отчего кров.
Край родной! Я вернусь,
вновь пройду невзначай
По тропинке лесной.
Разгоню грусть-печаль...

ЧОРНОБРИВЦІ

Ранкова зустріч Осені й Зими...
Глянь – квіти білу одягли хустину,
А ти стоїш між ними, між людьми,
І твої думи мчать на Батьківщину.

Згадай той давній матері садок,
Що так буя в біленькім цвіті вишень,
І чорнобривців рідних холодок...
І помолись тихесенько. Всевишній!

Даруй ти радість і добро батькам,
І рідним землям, і моїм дорогам,
І силу маминим натрудженим рукам...
Вернутися б до рідного порогу!

КЛЕНОВИЙ ЛИСТ

Лист кленовий з прожилками суму
Весь огорнутий в тишу дзвінку,
Наче думає він важку думу,
Золотиться на першій сніжку.

А сніжок вже не білий, а сірий,
Наче день, що сьогодні настав,
Вітер, вчора ще геть ошалілий,
Пісню свою й сьогодні співав.

Мов дрімота осіння пекуча
Огортає мені цілий світ,
Наче споминів рана болюча,
Наче літ вже прожитих отвіт.

І сурмить знову тиша над нами,
І сніжинки кружляють, як в сні,
Долю ти не обійдеш стежками,
Раз душа не співає пісні.

НЕ АНГЕЛ

Я – не ангел. Та й ти не бог.
Між туманів з тобою вдвох:
Серед подиху падолисту,
На калині ясним намистом,

На смерічці зеленню пишною,
А на серці – думкою лишньою.
Все, що збулося і не збулося,
Що тривожно і тихо забулося,

Що не скажеш більше словами,
Що не стане більш поміж нами.
Осінь пишна віти колише,
Вітер нині зимою дише.

Я не знаю, що з нами стало,
Та між нами й моря замало.

РОЗХРИСТАНІ ДУМКИ

А вітер грається твоїм
п'янким волоссям,
Роздмухує думки із краю в край,
Ти їх збери, неначе сніп колосся,
Зумій приборкати – оце твій путь у рай!

Не знаєш ти, у чому є провина
Отих німих розхристаних думок.
Коли в душі застигла половина,
А друга вже в шалений мчить танок.

Чого ж тобі, здавалося, ще треба?!
Любові? Ніжності? Спокуси й каюття?
Ти прихили до ніг коханих небо,
Й повір, що лиш у цьому – суть життя.

ПЕРШИЙ СНІГ

І перший сніг так випав несподівано,
І пролетіли осені всі дні,
І наші зустрічі снігом розділено,
І не співаються чомусь пісні...

Вже все пройшло, пролинуло, забулося,
Тремтить листок останній на лужку...
Красуня-осінь в валяночки взулася
І шурхотить по першому сніжку.

І я не знаю – сумом чи неспокоєм –
Чим огорнути тишу самоти?
Вже згасли в небі зорі самоті...
До мене вже у сні не прийдеш ти.

МАРЕВО ЗУСТРІЧЕЙ

Величних храмів ті старезні піки,
Що підпирають небо раз у раз...
Той гомін Львова – то найкращі ліки,
Що вилікують рани поміж нас.

Місто невпинно й впевнено мандрує
–
У твою душу входить, як в ріку.
Напевне, нам ще зустріч подарує,
Хоча не знаю я уже яку.

І марево доріг далеких й близьких
Тремтить так непомітно поміж нас.
Спустилось сонце над дахами низько –
Додому вже давно вертатись час.

ОСІННІЙ ВАЛЬС

В осіннім вальсі закружляли клени,
Деь місяць там тремтить на небесах.
Кохання наше було незбагненим -
Воно повік залишиться в думках.

І в осені багрянім падолисті
Кружляють наші спомини-думки,
Немов в калини дивному намісті
Застигли тих віршів сумні рядки.

ОСІННЯ НІЧ

Золотом кленового листу
У парку засіяна стежина,
Шелестом дзвінкого падолисту
Відійшла вечірня година.

Місяць ясноокий тихим сумом
Обцілує юную берізку,
Промайне буденність, наче струмом
Ти до серця доторкнешся близько.
І не знаю, що ж іще сказати,

Чим би знову розворушить спокій,
Заховаю спомини за ґрати,
Щоб повік не бути самоті.

СЬОМЕ НЕБО

Десь там, у високості, сьоме небо...
 Воно - для всіх закоханих сердець.
 Чого тобі, здавалося б, ще треба?
 Не зводь своє кохання нанівець.

На сьомім небі душі, мов перлинки,
 Пливуть хто поруч, хто - куди і як...
 Нехай на віях не тремтять сльозинки,
 Вони в коханні – не найкращий знак.

На сьомім небі місця є достатньо
 І для мене, й для тебе, й для всіх.
 Хотілось би, щоб все тут було ладно,
 І не дунав десь там презирства сміх...

МІЖ ТУМАНАМИ

А місто спить десь в тиші між туманами,
 Його прохожі – наче серця стук.
 Коли засвітить зірочками ранніми,
 До неба ти простягнеш сотні рук.

Твої будинки засвітились вікнами,
 Що потопають в сивій даліні.
 Твою бруківку мокру, непривітну
 Ми знову топчемо всі разом день при дні.

Зелені віти сосен, мов примарами,
 Все виринають із туманів знов.
 Хоч моє місто потопа між хмарами,
 Дарую я йому свою любов.

РОЗЛЮБИТИ... .

Розлюбити? Звичайно! Це чомусь так легко нині:
 Тільки очі примруж – і уже ти вві сні наяву,
 А твої почуття, мов метелики легкокрилі,
 Стрепенулись, злетіли і впали камінням в траву...

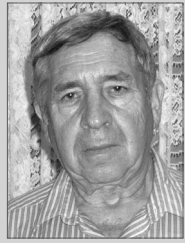
І не знаєш, чому все так дивно і страшно на світі,
 Чом твої почуття не палають уже вогнем,
 Чому перли-цілунки відцвіли у бабинім літі,
 І в душі залишився тільки осені тихий щем.

І від тебе – ні слова, ні крапки, ані навіть звуку.
 І без тебе та тиша безмовна, страшна, як мара.
 І, напевне, мене ти не візьмеш більше за руку,
 Вже палким почуттям, як метеликам, згинуть пора...

Гостиная журнала «Лиффт»

Австралия

Залман
Шмейлин

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Я ей говорил – ты ангел,
Не задумавшись, от избытка чувств.
А она мне в ответ – Да ладно,
Во мне ангела лишь чуть-чуть.

Я ей говорил – ты дьявол,
И в этом вся твоя суть.
Она, отмахнувшись вяло,
Отвечала мне – Ну и пусть!

От неё я в полном отчаянье –
Кто же, ангел она или бес?
Только мир с ней полон нечаянно
Совершающихся чудес.

Ты виновата, что я не ищущу
Сокровищ в далёком море.
Ты виновата, что я сам с собой
Больше уже не спорю.

Ты виновата, что не стремлюсь
Мир наш переиначить,
Что все звёзды и все фонари –
В складках твоего платья.

Что все оттенки живых цветов
В меди твоего волоса,
Что все мелодии мира звучат
В тихом твоём голосе.

И если идти мне, как знать, по улице
К людям с протянутою рукой,
Я буду мечтать не о жареной курице,
А о самом будничном дне с тобой.

РЕМЕСЛО

Чеснэ слово – цэ полова.

Кожаный фартук – мастеровой
Цеха пера и слова.
Как тебе дышится, дорогой,
Если твой хлеб – полова?

Гроза отгремела и ветер стих,
Опал чабрецом и полынью.
Время закатов – каждый из них
Вровень ценою с жизнью.

И, отстранившись (над строчкой горбясь),
От серых, прогорклых буден,
Верую, если не будет тебя,
Закатов тоже не будет.

ЛЮБЛЮ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Люблю в последний раз,
Хочу сорваться с петель,
Расшевелить листву,
До самых корешков
Взъерошить, а потом,
Как ненасытный ветер,
Лизать, лизать, лизать
Шершавым языком.
Люблю в последний раз,
Хочу морским прибоем
Изнеженных лагун
Округлости ласкать,
Вернувшись вновь и вновь,
Их покрывать собою,
В чреде бессчётной лун
Желать, желать, желать...
Люблю в последний раз,

Гольшиком младенцем
Хочу прильнуть к груди,
Клещём – не оторвать,
Глотая полным ртом
Нагую откровенность –
Люблю, люблю, люблю, –
Что мне шептала мать.

АВТОПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В РАМКЕ

Я приходила к нему убирать квартиру.
Это было не сложно: ванна, кухня, пропылесосить ковёр.
Перебросимся фразами, пока я посуду мыла –
Насчёт погоды и прочий ходячий вздор.

Чтоб мне не мешать, он включал компьютер,
Говорил, сочиняет стихи, только это не факт.
На пыльных полках книги, книги и книги – круто,
Вот бы проверить, о чём он там пишет, но как?

Его родной язык – русский, в английском, похоже,
Он мультикультурно ни бэ, ни мэ
А я филлипинка, мой ленгвич тоже
Ни вашим, ни нашим, ву компрене...

Он всегда предлагал выпить чашечку кофе:
«Ты устала, какой может быть разговор».
А я колебалась, уборщице-профи
Положено строго держать зазор.

Если я соглашалась, мы долго болтали,
(Как – не понятно), но тем замес
Его завораживал микродеталями,
Он мне говорил – в этом весь интерес.

Но однажды на вежливый стук, как учили,
Никакого ответа – молчанье ягнят.
Позже в оффисе мне, извиняясь, подтвердили:
Что заказ на клиента снят.

НЕКТО КАМОЭНС

Некто, возможно, Камоэнс,
Говорил – в настоящих стихах
Совершается то, чему имени нет
Ни в наречиях, ни в языках.

Некто, возможно, Камоэнс,
Говорил, что в стихах
Плещет вода по пояс:
Всё, что имеет имя:
Ритмы, догадки, глянec – Мимо.

Поэзия – то, что останется.
Некто, но не Камоэнс, которого я не знал
По целому ряду причин,
Пишет стихи, как берут интеграл

От мизерных величин.
С налёту покажется – «Ого-го!»
Вот пример, так пример!».
Но отчего же при отжиме
В остатке нет ничего...

* * *

А здесь декабрь – в разгаре лета.
Иду по улицам пустым
В час пик, но, будто, предрассветным.
Здесь не Одесса и не Крым.
Я в шкуре беглеца – поэта
В стране, которой я не сын.
И жарким летом не доволен
Мой друг трусит на поводке.
Он по-животному устроен,
Но прикипел к моей руке.
(Мы с ним одно, хотя нас двое,
А тень уже невдалеке).
Пуста проспекта перспектива.
Сегодня праздник – Рождество.
Вино – рекой, фонтаном – пиво.
Прикинь, афею каково!
Но я, поскольку не строптивый,
Хоть и не верую в Него,
Киваю встречным: «Мэри Кристмас!»
И пьян, не знаю отчего!

ТАСМАНИЯ

Табун лошадей закусил удила.
То слева скала, то справа скала.
И рвутся навстречу тасманские ели
Под свист хулиганский цыганской свирели
И рык разъярённой басовой струны –
Бегущих колёс сквозь страну тишины.
Кружит, словно в вальсе, седая гора,
Сегодня любовник, чур, буду не я.
Скала подступает, душа в каблуке
И нить Ариадны зажата в руке.
Но если раз сто перевалишь гряды,
Но если проскочишь сквозь эту беду,
Отрадою станет полянка в лесу,
Разлитый жестянкой фасолевый суп,
Бумажный стаканчик с игристым вином
И чай в котелке с закоптившимся дном.
И будет журчать по соседству река,
Деревья вершиной качать облака,
И очень душевно, под струн перебор,
Рассказывать будет без устали хор
Про горный распадок с названием «Рай»,
Что был так похож на покинутый край,
Где травы по пояс, где липы в цвету
И пчёлы сосут медовую росу.

Вечный огонь

Александр
Шестаков

Анатолий
Кукарский

АЛЕКСАНДР ШЕСТАКОВ

ОРДЕН ИЗ РУК ЖУКОВА*

Памяти земляка, солдата, неутомимого труженика, с которым жили-работали мы в хлопотное послевоенье.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КОЗЛОВ!

В жизни славно парню повезло:
Овладел профессией достойно,
В классах профтехнических служа,
Не знал периодов «застойных»,
Пятилеток пыл не пролежал.
В сельской борозде не ведал лени,
В будний быт не падал на колени.
Однорядок пробовал лады
На задорных плясках молодых.
Небеса дарили доброту,
Ниспослав единственную ту,
Женушку, красу Елизавету.
Не найдешь любимее по свету!

Но в счастье жестко ворвалась война.
Прощанье у родимого окна –
И ты уже в училище Тюмени
Учил азы пехотного умения...
Фронт под Москвой.
В бою сибиряки.
Грудь в грудь с врагом
У Волгуши-реки.
С тобой три тезки тут –
Парфенов и Дубровин,
И Сырчин – парень стоек,
Ладно скроен...
И первые потери. Чернокрыла доля:
Нет Сыропятова – улыбчивого Толи.

Землей студеной взята Анохин Валя.
Уход Завьялова друзья отгоревали.
Не успели, не дошли
До них медали.
Медальоны тем ребятам
В вечность дали...
И ты, как все,
Любя свой край родной,
Совсем не за листок
Сражался наградной.
И ни от пули, ни от штык-ножа
Не научен ты за спинами дрожать.
Судья тебе –
Солдатский зоркий круг.
И марку держит
Батальонный политрук.

Разведка утомилась, поредела.
А надо срочно
Снова в разведдело.
Солдаты круглосуточно в борьбе.
«В рейд сам пойду!» –
Ты дал приказ себе...
И трое вышли под Татищево село.
Морозным утром быстро рассвело,
Но напоролись на засаду эти трое.
Смертельный шквал огня
По ним устроен.
Один боец убит.
Ты приказал второму:
– В роту! Быстро! Упреди погромы!
...Сорвал разведчик немчуре «расплюх».
А политрук-то как?
Да, бой его не глож.
Сжат воин-одиночка с двух сторон.
В патроннике всего один патрон.
Но нависают туши двух верзил –
Одну в упор он пулею сразил...

*1 Глава из книги А.Шестакова «Он смертельно убит»

* * *

Тут автоматный шов
 Прошил политрука.
 Глаза его потухли. Ватная рука.
 Сознание меркнет,
 Сердце в полусне.
 К родной прикинуть бы,
 К испуганной сосне.
 А силуэты черных:
 – Гут – гут – гут!
 Подстрела-«языка» схватить бегут.
 В бараний рог, мол,
 Мы его совьем.
 Не добивайте,
 Нужен нам живьем...

А раненый не мирится с судьбой:
 – Врешь, врешь!
 Еще не кончен бой.
 Не все мои остатки сил
 Свинец ваш подлый
 Напрочь подкосил.
 И, безоружный, в адовом кругу,
 Утесом встал на русском берегу,
 Как истый богатыревый типаж:
 – А ну, бандит,
 Схлеснемся врукопашь...

И, беспатронный,
 Однорук и полузряч,
 Смог сил своих остатки он напрячь
 Рывком, на кровью крашеном снегу,
 Смог в горло вгрызться
 Политрук врагу.
 И в ярости,
 В рычаниях и воях...
 В снегу холодном умирали двое.
 И нет фашистам Коли-«языка»,
 Ведь зубы русского
 Покрепче сталь-замка.

И пудрит тех двоих метель-пороша.
 А ветры колкие им волосы ерошат.
 Вдруг справа ухнуло
 Проснувшимся снарядом.
 А слева каски недруговы – рядом.
 Но эти двое
 Русским не внимали.
 Солдаты век таких клещей
 Не разнимали.
 Ну, с немцем ясно все –
 Бесспорная кончина.
 А как там Николай?
 Он жив! Он – молодчина!
 Хоть в ранах весь.

И дышит еле-еле.
 Но медсестрицы, к счастью,
 Подоспели...
 Потом по лазаретным адресам
 Отвагу-храбреца
 Искал аж Жуков сам!
 Солнечногорск.
 Великий генерал
 Здесь многолюдье воинов собрал.
 И речь держал,
 Восторгово пылая:

– Гордись, Сибирь,
 Героем Николаем!
 Вручу ему награду.
 Пусть всегда рубинит
 Яркого «Красная Звезда»!

АНАТОЛИЙ КУКАРСКИЙ

Я ВЕРЮ

Сугроба первого белее
В садах черёмуха цвела.
Сажали школьники аллеи
На главной улице села.

И солнце было очень радо
И улыбалось потому,
Что маленькие тополята
Тянули веточки к нему.

И были зелены и юны,
И были трепетны листки!
Но в грозном месяце июне
ушли на фронт выпускники.

Всё было, как в примете древней:
Покорные своей судьбе,
Стояли мёртвые деревья,
Устав погибших ждать к себе...

Земля не будет полем бранным –
Мы отстоять сумеем мир.
Я верю: вечно не завянут
Деревья, что сажали мы!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мы все его запомнили по-разному,
Тот день, когда закончилась гроза.
И в памяти моей –
От горя красные
Тоскующие мамины глаза.
Четыре года
Жили мы с ней письмами,
Пропахшими махорочным дымком.
Конверт,
Чужими буквами исписанный,
Вчера вручил ей строгий военком.
О горе нашем ничего не ведая, –
Кто знал.
Чья кровь последней пролита? –
Нас час назад
С великою победою
Поздравил диктор Юрий Левитан.
Слезились окна дождевою влагою.
И день казался нам чернее тьмы.
За окнами –
С развернутыми флагами
Шагали люди. Люди, как и мы.
Их каждый шаг,
Упругий до крылатости,
Был шагом всех –
И павших, и живых.
И радость их –
Была и нашей радостью.
И наше горе –
Было горем их.

С ВОЙНЫ

Прошла зима.
 А летом
 Пришел с войны рыбак.
 Он шел домой,
 И ветер
 Трепал пустой рукав.
 И знал одно он четко,
 И жгла его тоска:
 Какой рыбак он к черту,
 Когда одна рука?!
 А что с одною левой?
 Да лучше утонуть:
 Ни ставить сеть,
 Ни невод
 На отмели тянуть!..
 Он шел домой с победой.
 Планшетка на боку.
 И кланялися деды
 Навстречу рыбаку.
 Вверх дном лежали лодки,
 И плавилась смола.
 Любой скажи молодке
 Заветные слова.
 Война юнцов уносит,
 Война вдовством грозит.
 На сердце двадцать весен.
 Под сердцем двадцать зим...
 И знал одно он четко,
 И жгла его тоска:
 Какой жених он к черту,
 Когда одна рука?!
 О мирные понятия,
 Таежное село!..
 А тут и на объятья
 Одна рука всего.
 А ноги – как поленья,
 И каменеет дых.
 И неудобно левой

Приветствовать родных...
 ...Мы пропотели солью.
 Мы бились, как могли.
 И шрамы и мозоли
 На тело нам легли.
 Что в жизни нас утешит?
 Почет? Или покой?
 Мы мир, мы мир удержим –
 Хотя б одной рукой!

* * *

Жестокий и трудный
 Закончился бой.
 Был воздух от пороха мгlistым.
 Шептал, умирая, солдат молодой:
 – Считайте
 меня
 коммунистом!
 Откинулась тихо его голова,
 И руки упали в бессилье.
 В сердцах незабвенные эти слова
 Живые с собой уносили...
 Давно от прицела
 Отвыкли глаза.
 Давно над землей
 Отгремела гроза.
 Но, друг мой, о тех никогда не забудь,
 Кто кровью горячеей и чистой,
 Кто жизнью отстаивал нашу судьбу:
 Сражаться
 и жить
 коммунистом!

Авторы журнала

Александрова Марина	80
Андриянова Татьяна.....	56
Аль Маргарита	4
Бадрызлова Вероника	40
Баженова Любовь	96
Белова Галина	44
Белых Владимир	49
Белозёрова Елизавета	85
Володина Екатерина	5,30
Вторушин Николай.....	100
Гешко Елена	170
Джек Вордсворт	90
Захаров Аркадий	32
Ильиных Наталия	59
Истомин Иван.....	106
Кириллов Игорь	142
Копылов Виктор	134
Кузнецова Вера	13
Кукарский Анатолий.....	184
Лазарева Татьяна	58
Мамедов Шамиль	91
Мингалёва Галина	91
Ниренберг Кирилл.....	87
Огородников Виталий	16
Опочицкий Даниил	82
Ольков Николай	66
Пенявский Станислав	99
Рустемов Бахыт	154
Суркова Евгения.....	48
Ткачук Надежда	92
Томский Артур.....	8
Черкашин Павел	125
Шестаков Александр	182
Шешуков Сергей	11
Шмейлин Залман	176

Печать ГАУК ТОНБ
625000, Российская Федерация,
Тюменская область, г. Тюмень, ул. Орджоникидзе, 59
Телефон 8(3452) 565-300, доп. 1192, 4123

